

2221 5 1/5, 5572

31049

1913

XLIX

Смоленскія
ЕПАРХИАЛЬНЫЯ
Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

№ 1.

1—15 ЯНВАРЯ.

Типографія
П. А. Силина.

Редакція: домъ Нижне-Никола-
евской церкви.

Смоленскъ.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

160

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

16.VI 85

Годъ XLIX.

1913 г.

1—15 января.

Смоленскія
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ
ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза
въ мѣсяцъ.

№ 1.

Цѣна годовому изданію
6 рублей.

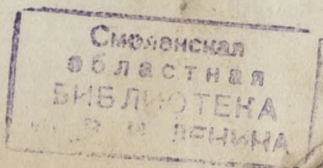
Отдѣлъ официальный.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Его Преосвященствомъ опредѣлены на мѣста: 18 декабря 1912 года діаконъ села Дятлова, Гжат. у., Георгій Платоновъ назначенъ на праздное священническое мѣсто къ церкви села Семеновскаго того же уѣзда.

Къ церкви села Морозова, Ново-Троицкаго тожъ, Вяземск. у., назначенъ временно-исправляющимъ должность псаломщика окончившій Климовскую второклассную школу послушникъ Смоленскаго Троицкаго монастыря Сергѣй Титовъ.

2 января къ церкви села Костырей, Рославл. у., на праздное священническое мѣсто назначенъ бывшій завѣдующій Радичскимъ земскимъ училищемъ студентъ семинаріи Меодій Родіоновъ.

7 января къ церкви села Новаго Двора, Смол. у., на праздное діаконое мѣсто назначенъ окончившій пастырскіе курсы въ Москвѣ сынъ діакона Павелъ Чубаровъ.

8 января къ церкви села Криволѣса, Росл. у., на праздное псаломщицкое мѣсто назначенъ и. д. псаломщика, бывшій воспитанникъ семинаріи Петръ Шашковъ.

9 января сынъ псаломщика села Новоселокъ, Росл. у., Александръ Кобрановъ опредѣленъ временно и. д. псаломщика къ церкви села Новоселья, Росл. у.

4 января на должность благочиннаго 4 округа, Духовщ. у., Его Преосвященствомъ назначенъ священникъ села Спасъ-Угловъ, Духовщ. у., Димитрій Марковъ, съ освобожденіемъ его отъ должности слѣдователя, а на эту послѣднюю должность назначенъ священникъ села Сущева Николай Минервинъ.

---

18 декабря діакономъ села Сокорева, Порѣчск. у., Андрей Губчевскій перемѣщенъ Его Преосвященствомъ, согласно прошенію, въ село Покровъ-Жирковъ, Бѣльскаго у., на праздное діаконое мѣсто.

У в о л е н ы:

4 января протоіерей соборной г. Духовщины церкви Павелъ Руженцевъ, согласно его прошенію, Его Преосвященствомъ уволенъ отъ должности благочиннаго 4 округа, Духовщ. у.

8 января псаломщикъ села Криволѣса, Росл. у., Петръ Шашковъ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности псаломщика по болѣзни.

9 января псаломщикъ села Новоселокъ, Росл. у., Аѳанасій Кобрановъ, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ.

У м е р л и:

20 декабря священникъ села Щучья, Порѣч. у., Михаилъ Краснопольскій, 43 лѣтъ, отъ чахотки.

17 декабря псаломщикъ Тихвинской г. Смоленска церкви Михаилъ Лызловъ, 29 лѣтъ, тоже отъ чахотки.

---

5 января преподаватель пѣнія въ первыхъ двухъ классахъ Смоленскаго епарх. жен. училища священникъ Василій Кулюкинъ Его Преосвященствомъ награжденъ скуфьею.

Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе: 31 декабря 1912 года заштатному начальнику Ельнинской почтово-телеграфной конторы Алексѣю Денисову, за усердное исправленіе должности старосты при соборной г. Ельни церкви въ теченіе года.

Прихожанину церкви села Морозова, Вяземск. у., крест. дер. Воронцова, Морозовской вол., Сергѣю Савельеву, за его примѣрное участіе въ клиросномъ чтеніи и пѣніи.

Учителю Колпинской школы, Ельн. у., Александру Владиміровичу Волочкову, за усердное преподаваніе имъ Закона Божія въ названной школѣ.

Учительницѣ Готовской школы, Ельн. у., Екаторинѣ Сергѣевнѣ Горанской, за усердное преподаваніе ею Закона Божія въ означенной школѣ.

Попечительницѣ Сеславльской церк.-прих. школы, Росл. у., Аннѣ Петровнѣ Дукштѣ, за заботы о хозяйственномъ содержаніи названной школы и снабженіе ея бесплатнымъ отопленіемъ.

Земскому врачу Николаю Ивановичу Преображенскому, за осмотръ церковныхъ школъ Гжат. у. и подачу бесплатной медицинской помощи учащимся въ церковныхъ школахъ.

Завѣдующему и законоучителю Спасской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., священнику Петру Бѣльскому, за труды по завѣдыванію школой и успѣшное преподаваніе въ ней Закона Божія.

Завѣдующему и законоучителю Печатниковской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., священнику Александру Руженцеву, за труды по завѣдыванію школой и успѣшное преподаваніе Закона Божія.

Завѣдующему и законоучителю Поникольской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., священнику Алексѣю Колосову, за труды по завѣдыванію школой и успѣшное преподаваніе Закона Божія.

Надзирательницѣ и учительницѣ рукодѣлія Знаменской женской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., Александрѣ Меньшиковой, за усердное и успѣшное исполненіе своихъ обязанностей.

Надзирательницѣ и учительницѣ рукодѣлія Татевской женской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., Татьянѣ Векшиной, за усердное и успѣшное исполненіе своихъ обязанностей.

Законоучителю Зехинской церк.-прих. школы, Бѣльск. у., священнику Петру Дунаеву, за успѣшное преподаваніе Закона Божія.

Учителямъ и учительницамъ нижеслѣдующихъ

церковно-приходскихъ школь: Карповской, Бѣл. у., Николаю Румянскому, Быковской, того же уѣзда, А. Залѣсской, Татевской двухклассной, имени С. А. Рачинскаго, Бѣл. у., Михаилу Семешкину, Знаменской мужской Любви Мясоѣдовой, того же уѣзда, Знаменской женской Ларисѣ Пашиной, Глуховской, того же уѣзда, Варварѣ Морозовой, Бѣлобережской, того же уѣзда, Никитѣ Якубенко и Никитѣ Ковалеву, Лелимовской, того же уѣзда, Оеодору Сергѣеву, Колочской, Гжат. у., Николаю Волхонскому, Ново-Александровской, того же уѣзда, Петру Мурашеву, Печишенской, того же уѣзда, Екатеринѣ Зезюлинской, Уваровской, того же уѣзда, Аннѣ Соколовой, Хрѣновской, того же уѣзда, Димитрію Коганову, Барщукской, того же уѣзда, Елизаветѣ Башкиной, Климовской, того же уѣзда, Александрѣ Баушевой, Коваликовской, того же уѣзда, Семену Нилову, Ново-Покровской, того же уѣзда, Ивану Оонскому, Субботниковской, того же уѣзда, Евдокии Медвѣдковой и Савинской, того же уѣзда, Павлу Михальчику, за ихъ усердное и успѣшное исполненіе учительскихъ обязанностей.

5 января 1913 года церковному старостѣ села Григорьевскаго, Вяз. у., Якову Владимірову, за труды и усердіе къ своему приходскому храму.

Учителю земской школы Димитрію Руженцеву, за руководство и управленіе хоромъ пѣвчихъ при церкви села Некрасова, Гжат. у.

Церковному старостѣ села Шестакова, Духовиц у., крестьянину Оеодору Ильину, за усердное отношеніе къ приходскому храму.

Дворянину Павлу Вырубову, за труды по сбору пожертвованій на сооруженіе ризы на икону «Трамбовельской» Божіей Матери.

Дворянкѣ Александрѣ Оберучевой, за труды по сбору пожертвованій на украшеніе иконы «Трамбовельской» Божіей Матери.

Церковному старостѣ села Плай-Успенскаго, Порѣчск. у., Семену Никанорову, за продолжительную и усердную службу.

Крестьянину дер. Михалева Алексѣю Тарасову, за пожертвованіе въ церковь села Высочерта, того же уѣзда, иконы Успенія Божіей Матери.

Церковному старостѣ села Высочерта, того же уѣзда, Косьмѣ Спиридонову, за пожертвованіе въ свой приходскій храмъ.

Прихожанамъ села Аселья, Росл. у., проживающимъ въ Екатеринославлѣ, за пожертвованіе въ свой приходскій храмъ иконы Воскресенія Христова съ кіотомъ, трехлампадикомъ и подсвѣчникомъ къ ней.

Крестьянину Θεодору Евдокимову, за честную и трезвую, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, службу сторожемъ при церкви села Бологчи, Росл. у.

Его Преосвященствомъ утверждены въ должности церковныхъ старостъ: 19 декабря къ Свято-Духовской г. Вязьмы церкви мѣщанинъ Леонидъ Николаевъ Морской.

Къ церкви села Шуклина, Духовщ. у., потомств. дворянинъ Петръ Афанасьевичъ Чепиковъ.

Къ церкви села Заборья, Порѣч. у., дворянинъ корнетъ Петръ Викторовичъ Рачинскій.

Къ Воскресенской г. Смоленска церкви, коллежскій совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Грибоѣдовъ.

24 декабря къ церкви села Марьова, Красн. у., крестьянинъ Стефанъ Ивановъ.

Къ церкви села Сорокина, того же уѣзда, крестьянинъ Павелъ Никифоровъ Лавренкинъ.

Къ церкви села Воробьева, Гжат. у., землевладѣлецъ Павелъ Михайловъ Самбуровъ.

Къ церкви села Радичъ, Росл. у., мѣщанинъ Дмитрій Васильевъ Евстафьевъ.

27 декабря къ церкви села Юренева, Вяземск. у., мѣщанинъ Александръ Димитриевъ Борзенко.

3 января къ церкви села Деребужа, Росл. у., крестьянинъ Григорій Меѳодіевъ Грищенко.

Къ церкви села Николо-Яровни, Смол. у., потомственный почетный гражданинъ, купецъ 1-й гильдіи Петръ Ѳеодоровичъ Ланинъ.

4 января къ церкви села Ольховъ, Юхновск. у., крестьянинъ Василій Николаевъ Ульяновъ.

5 января къ церкви села Какушкина, Дорогоб. у., крестьянинъ Захарій Ивановъ Маненковъ.

7 янв. къ церкви села Берновичъ, Порѣчск. у., крестьянинъ Михаилъ Митрофановъ.

Къ церкви села Сокорева, того же уѣзда, землевладѣлецъ Евѳимій Іеремеевичъ Клюевъ.

Къ церкви села Ѳеодоровскаго, Вяз. у., крестьянинъ Георгій Гавриловъ.

Къ церкви села Ново-Никольскаго, того же уѣзда, крестьянинъ Артемій Ильинъ.

**Списокъ свободныхъ священно церковно-служительскихъ
мѣстъ по Смоленской епархіи.**

С в я щ е н н и ч е с к і я :

При церквахъ селъ: Желаньи, Юхновскаго уѣзда
(подр. ранѣ).

Сельца, Красн. у., (подр. ранѣ).

Успенскаго (Закрутя тожъ), Порѣчскаго уѣзда,
(подр. ранѣ).

Щучья, Порѣчск. у., (два храма, одинъ каменный,
а другой деревянный, причтъ двухкомплектный, церк.
дома нѣтъ, жалованья отъ казны первому священни-
ку 144 р., а второму 108 р. въ годъ, церк. земли 34
дес., причтовыхъ доходовъ на два причта 1738 р. 95 к.,
съ причтового капитала процентовъ 42 р. 62 к. въ
годъ, дохода отъ земли 300 р., отъ арендныхъ ста-
тей 120 р. въ годъ, приходскихъ душъ мужск. пола
2538).

Духо-Николаевской г. Рославля церкви.

Д і а к о н с к і я :

При церквахъ селъ: Сукромли, Росл. у., (подр.
ранѣ).

Мольни, Бѣльск. у., (подр. ранѣ).

Успенскаго, г. Краснаго (подр. ранѣ).

Сокорева, Порѣчск. у., причтъ трехчленный, храмъ
двухэтажный—низъ каменный, а верхъ деревянный,
дома церковнаго нѣтъ, земли церк. 39 дес., жало-
ванья діакону отъ казны 150 р. въ годъ, приходск.
душъ муж. пола. 1040.

Дятлова, Гжатск. у., храмъ каменный, причтъ
двухкомплектный, жалованья діакону отъ казны 150 р.,
приходскихъ душъ муж. пола 1471, дома церк. нѣтъ.

Псаломщицкія:

При Тихвинской г. Смоленска церкви.

При Николаевской г. Вязьмы церкви

При церкви села Никополь, Бѣльск. у.

Отъ Смоленской Духовной Консистеріи.

По опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 27 ноября—4 декабря 1912 года изъ кредита 7840 руб., ассигнованнаго по § 7 ст. 1 смѣты Святѣйшаго Синода на содержаніе духовенства въ прошломъ 1912 году увеличено жалованье до средне-нормальнаго оклада причтамъ церквей сель: Стабны, Смоленскаго уѣзда—397 р. 88 к., Березы, Бѣльскаго у.—625 р. 24 к., Городища, Вяз. у.—197 р. 38 к., Вятскаго, того же уѣзда—415 р. 52 к., Столбова, Гжат. у.—309 р. 68 к., Кузина, Дорогобуж. у.—215 р. 60 к., Залѣсья (Пречистое тожъ), Духовщ. у.—840 р. 84 к., Башковичъ, того же у.—250 р. 88 к., Сычева, Ельнин. у.—572 р. 32 к., Высокаго, Красн. у.—245 р., Слободы, Порѣч. у.—415 р. 52 к., Рогнѣдина, Росл. у.—807 р. 52 к., Покрова-Курощъ, Сычевск. у.—397 р. 88 к., Бабынова, Юхновскаго у.—754 р. 60 к., Баринава, того же у.—397 р. 88 к. и Самсоны, Красн. у.—65 р. 26 к. съ тѣмъ, чтобы недостающая до средне-нормальнаго оклада причту послѣдняго села суммы—173 р. 86 к. была доставлена изъ кредита 1913 года; вновь назначено жалованье причту Покрово-Пятницкой города Дорогобужа церкви—931 р.

**Росписаніе праздниковъ и высокаторжественныхъ дней
1913 года, въ кои проповѣдники желаютъ сказывать изу-
стныя проповѣди въ Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ.**

Январь

- 1 Обрѣзаніе Господне, Новый Годъ—свящ. каедр. собора Григорій Ольховскій и свящ. Феодоръ Василевскій Воскресенской церкви.
- 6 Богоявленіе (Крещеніе Господне)—Инспекторъ Епархіал. жен. учил. свящ. Хондру.
- 13 Недѣля 35-я, по Богоявленіи—свящ. Петръ Полубинскій.
- 20 Недѣля 36-я—Духовникъ семин., прот. Іосифъ Алмазовъ.
- 27 Недѣля 37-я, о Закхѣѣ—Н.-Благовѣщ. ц. свящ. Н. Марковъ.

Февраль.

- 2 Срѣтеніе Господне—Одигитріевской церкви свящ. Алексѣй Чернавскій.
- 3 Недѣля 38-я, о Мытарѣ и Фарисеѣ—свящ. Николай Соколовъ.
- 10 Недѣля 39-я, о Блудномъ Сынѣ—Одигитріевской церкви свящ. Алексѣй Чернавскій.
- 17 Недѣля 40-я, Мясопустная—Ильинской церкви прот. Константинъ Вишневскій.
- 24 Недѣля Сыропустная—Вознесенской церкви прот. П. Конокотинъ.

Мартъ.

- 3 Недѣля 1-я Великаго поста. Торжество Православія—Ректоръ семинаріи Архимандритъ Даміанъ.
- 10 Недѣля 2-я Великаго поста—свящ. Ѳ. Чистяковъ.
- 17 Недѣля 3-я Великаго поста, Крестопоклонная—Нижне-Благовѣщ. церкви свящ. Н. Марковъ.
- 24 Недѣля 4-я Великаго поста—свящ. Андрей Колбусъ.
- 25 Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы—свящ. Феодоръ Пляшкевичъ, Богородице-Рожд. церкви.
- 31 Недѣля 5-я Великаго поста—каедр. прот. І. Соколовъ.

Апрѣль.

- 7 Недѣля Ваій. Входъ Господень въ Іерусалимъ—свящ. Николай Соколовъ.

- 11 Четвергъ Страстной седмицы—Епархіальный наблюдатель, прот. Сергій Добромысловъ.
- 12 Великій Пятокъ—Инспекторъ Епарх. учил. свящ. Хондру.
- 13 Великая Суббота.
- 14 ПАСХА. Воскресеніе Господне—Инспекторъ Епарх. учил. свящ. Хондру.
- 21 Недѣля о Ѳомѣ—свящ. Іоаннъ Аеонскій.
- 23 Тезоименитство Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны—свящ. Ѳ. Чистяковъ.
- 28 Недѣля 3-я, Женъ Мвроносицъ—свящ. Павелъ Грибоѣдовъ.

Май.

- 5 Недѣля 4-я, о Разслабленномъ—свящ. П. Цвѣтковъ.
- 6 Рожденіе Государя Императора Николая Александровича—прот. Владиміръ Сеньковскій.
- 9 Перенесеніе мощей св. Николая Чудотворца—свящ. Никодимъ Ракитскій.
- 12 Недѣля 5-я, о Самаряныни—прот. Симеонъ Четыркинъ.
- 14 Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ—свящ. Алексѣй Михайловскій.
- 19 Недѣля о Слѣпомъ—свящ. Александръ Залѣссскій.
- 23 Вознесеніе Господне—свящ. Іоаннъ Ольховскій.
- 25 Рожденіе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны—свящ. Александръ Заостровскій.
- 26 Недѣля 7-я—свящ. Іоаннъ Аеонскій.

Іюнь.

- 2 Пятидесятница—Настоятель Смоленскаго Аврааміева монастыря, Арх. Леонидъ.
- 3 День Св. Духа—свящ. Андрей Колбусъ.
- 9 Недѣля 1-я по Пятидесятницѣ, Всѣхъ Святыхъ—свящ. Василій Чернавскій.
- 16 Недѣля 2-я по Пятидесятницѣ—свящ. Влад. Дьяконовъ.
- 23 Недѣля 3-я по Пятидесятницѣ—свящ. каедр. собора Григорій Ольховскій.
- 24 Рождество Іоанна Предтечи—свящ. М. Крапухинъ, Георгіевской церкви.
- 29 Св. Апостоловъ Петра и Павла—свящ. Іоаннъ Ольховскій, Ѳеодоровской церкви.
- 30 Недѣля 4-я по Пятидесятницѣ—свящ. Петръ Полубинскій.

Юль.

- 7 Недѣля 5-я по Пятидесятницѣ—свящ. Николай Бурьковъ.
- 14 Недѣля 6-я по Пятидесятницѣ—свящ. Пав. Грибоѣдовъ.
- 21 Недѣля 7-я по Пятидесятницѣ—свящ. Евгений Некрасовъ.
- 22 Тезоименитство Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—прот. Василій Соколовъ.
- 28 Иконы Смоленской Божіей Матери „Одигитріи“—свящ. Никодимъ Ракитскій.
- 30 Рожденіе Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича—свящ. Ал. Заостровскій.

Августъ.

- 4 Недѣля 9-я по Пятидесятницѣ—свящ. М. Крапухинъ Георгіевской церкви.
- 6 Преображеніе Господне—свящ. Э. Василевскій и каедр. прот. Іоаннъ Соколовъ.
- 11 Недѣля 10-я по Пятидесятницѣ—свящ. кае. соб. Григорій Ольховскій.
- 15 Успеніе Пресвятыя Богородицы—Ректоръ семинаріи Арх. Даміанъ.
- 18 Недѣля 11-я по Пятидесятницѣ—свящ. Ал. Залѣсскій.
- 25 Недѣля 12-я по Пятидесятницѣ—свящ. Вл. Дьяконовъ.
- 29 Устѣковеніе главы Іоанна Крестителя—прот. П. Коноко-тинъ.

Сентябрь.

- 1 Недѣля 13-я по Пятидесятницѣ—Духовникъ семинаріи, прот. Іосифъ Алмазовъ.
- 8 Рождество Пресвятыя Богородицы—свящ. Пав. Высотскій.
- 14 Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста Господня—прот. Захарій Четыркинъ.
- 15 Недѣля 15-я по Пятидесятницѣ—свящ. Андрей Колбусъ.
- 22 Недѣля 16-я по Пятидесятницѣ—свящ. Леонидъ Смирновъ.
- 26 Престав. Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—свящ. Николай Бурьковъ.
- 29 Недѣля 17-я по Пятидесятницѣ—свящ. Ѳ. Пляшкевичъ.

Октябрь.

- 1 Покровъ Пресвятыя Богородицы—прот. Захарій Четыркинъ.
- 5 Тезоименитство Его Императорскаго Высочества Наслѣд-

ника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича—прот. Владиміръ Сеньковскій.

- 6 Недѣля 18-я по Пятидесятницѣ—свящ. Пав. Высотскій.
13 Недѣля 19-я по Пятидесятницѣ—ключарь собора, прот. А. Санковскій.
20 Недѣля 20-я по Пятидесятницѣ—свящ. Вас. Спиридоновъ.
21 Восшествіе на Престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича—свящ. Л. Кирилловичъ и свящ. Сергій Зезюлинскій.
22 Празднованіе Казанской иконы Божіей Матери—Ильинской церкви, прот. Константинъ Вишневскій.
27 Недѣля 21-я по Пятидесятницѣ—свящ. Евгеній Некрасовъ.

Ноябрь.

- 3 Недѣля 22-я по Пятидесятницѣ—свящ. Сергій Зезюлинскій.
10 Недѣля 23-я по Пятидесятницѣ—свящ. В. Спиридоновъ.
14 Рожденіе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—свящ. Алексѣй Михайловскій.
17 Недѣля 24-я по Пятидесятницѣ—свящ. Николай Козловскій.
21 Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы—Епархіальный наблюдатель, прот. Сергій Добромысловъ.
24 Недѣля 25-я по Пятидесятницѣ—свящ. П. Цвѣтковъ.

Декабрь.

- 1 Недѣля 26-я по Пятидесятницѣ—ключарь собора, прот. А. Санковскій.
6 Николая Чудотворца, Тезоименитство Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича—свящ. Кирилловичъ и свящ. собора Григорій Ольховскій.
8 Недѣля 27-я по Пятидесятницѣ—свящ. Н. Козловскій.
15 Недѣля 28-я по Пятидесятницѣ—прот. Симеонъ Четыркинъ.
22 Недѣля 29-я предъ Рождествомъ Христовымъ—свящ. Леонидъ Смирновъ.
25 Рождество Господа нашего Иисуса Христа—Инспекторъ Епарх. учил. свящ. Хондру.
29 Недѣля 30-я по Пятидесятницѣ, по Рождествѣ Христовомъ—свящ. Василій Чернавскій.

Отъ Совѣта Епархіального Съѣзда.

Совѣтъ Епархіального Съѣзда симъ объявляетъ къ свѣдѣнію духовенства епархіи, что епархіальное пастырское собраніе въ семь 1913 году отмѣняется распоряженіемъ Его Преосвященства по причинѣ отсутствія въ данное время матеріала, подлежащаго обсужденію собранія, а также и потому, что Сырная недѣля, на которой должно состояться епархіальное пастырское собраніе, въ нынѣшнемъ году совпадаетъ съ днями празднованія 300-лѣтняго юбилея Царствованія Дома Романовыхъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Съ новымъ годомъ ¹⁾.

Вступая въ новолѣтіе хотѣлось бы намъ подѣлиться съ сотрудниками и читателями своими надеждами и новыми планами. Наши надежды основываются на несомнѣнныхъ слухахъ о возстановленіи въ новомъ году патріаршества, по случаю 300-лѣтняго юбилея Дома Романовыхъ, и о созывѣ всероссійскаго церковнаго Собора; и — что предъ созывомъ церковнаго Собора Св. Синодомъ будутъ разрѣшены совѣщанія духовенства по епархіямъ для выясненія своихъ мѣстныхъ нуждъ и подготовки и разработки матеріаловъ для разсмотрѣнія ихъ на Соборѣ. Сколько добраго, судя по этому, можетъ быть сдѣлано въ новомъ году для оживленія и возвеличенія дорогой нашей матери-церкви.

Возстановленіе патріаршества повлечетъ за собой возстановленіе и оживленіе и другихъ укладовъ церковной жизни и прежде всего возстановленіе древнерусскаго прихода, имѣвшаго болѣе близкое общеніе съ своими пастырями, жившаго единою жизнію съ ними, заботившагося о нихъ.

Необходимо обратить особенное вниманіе на церковно-приходскую школу. Она должна быть началомъ возстановленія прихода. Забудемъ о томъ, что часто за

---

¹⁾ Печатается въ сокращенномъ видѣ.

эту школу намъ платятъ только выговорами,—обратимъ вниманіе на идею, на благородную цѣль ея существованія: она подготовитъ намъ почву для возстановленія церкви въ древне-русскомъ благочестіи. Сейчасъ многіе въ перковь не ходятъ, развилось страшное хулиганство. Какъ бороться съ этимъ, съ чего вачать? Несомнѣнно, съ церковной школы, съ этой первой ячейки, въ которой очевидное спасеніе нашего дѣла. Какъ много можно на эту тему писать и говорить, чтобы поддержать и ободрить другъ друга.

Но мы оставляемъ редакціонное дѣло и по сему случаю считаемъ своимъ долгомъ принести самую глубокую сердечную благодарность нашимъ сотрудникамъ (и между прочимъ П. А. Силину и служащимъ въ его типографіи) и всему духовенству за сочувствіе и поддержку въ нашей работѣ.

Все же вышеизложенное мы высказали лишь потому, что все это считаемъ возможнымъ и при новой Редакціи, которой отъ души желаемъ успѣха на предстоящемъ многотрудномъ и тернистомъ пути. *Н. С.*

* * *

Уходитъ время золотое;
Такъ быстро жизнь впередъ летить...
О, какъ непрочно все земное!
Жизнь наша, какъ свѣча горить...

* * *

Насъ ждетъ на небѣ жизнь иная,
Къ которой насъ Господь ведетъ;
Тамъ—наша родина святая;
Тамъ радость вѣчная насъ ждетъ!..

* * *

Впередъ, друзья, дружиѣй за дѣло!
Всю жизнь мы Богу посвятимъ;
Въ борьбу святую вступимъ смѣло,
И душу ближнимъ отдадимъ...

* * *

Блаженство въ этомъ есть иное;
Оно дороже благъ земныхъ...
Впередъ, впередъ!—ничто земное
Да не угаситъ чувствъ святыхъ!

А. К. Генерозова.
(Христ.).

НА СТРАЖЪ.

Поправьте свѣтильники, братья!
Смотрите, какъ сумракъ растеть!
Къ вамъ ночь простираетъ объятя,
Иуда со спирой идетъ!

Идетъ, чтобъ опять поруганью
Христа поцѣлуемъ предать,
Чтобъ ввергнуть васъ въ бездну страданья,
Чтобъ вашу святыню распять!

Но черпайте силу въ молитвѣ!
Что Свѣтъ побѣдитъ—не мечта!
Вставайте, готовые къ битвѣ,
На стражу завѣтовъ Христа!

А. Платонова.

НА ГРАНИЦЪ.

Мы подѣзжали къ границѣ. Меня удивило то тревожное настроеніе, которое овладѣло почти всѣми.

Всѣ съ тревогой смотрѣли на свои вещи: нѣтъ ли чего незаконнаго, подлежащаго пошлинѣ, не отобрали бы что?

Смотрѣли даже въ свои паспорта: нѣтъ ли тамъ не-правильности, хотя хорошо, конечно, знали, что въ паспор-тѣ соблюдены всѣ формальности.

— Вашъ паспортъ? спрашиваетъ чиновникъ.

— Покажите вещи...

Въ бумагахъ одного пассажира оказалось, что то не-ладное, его арестовали.

Другой вызвалъ подозрѣніе иного рода, его приказали обыскать догола.

Когда осмотръ кончился, всѣ казались счастливыми, точно благополучно отдѣлались отъ суда.

И вотъ мнѣ подумалось: „А что будетъ, когда мы бу-демъ на *иной* границѣ?“

Когда ангелы вѣчнаго судьи будутъ спрашивать у насъ „документы“ на право входа въ обитель вѣчности?

И осмотрятъ весь багажъ нашей души, чтобы провѣрить, нѣтъ ли тамъ чего „нечистаго“, такого, что не допускается въ „царство Божіе“.

Какой ужасъ и трепетъ будемъ испытывать мы въ эти минуты?

Вѣдь будетъ рѣшаться вопросъ: „быть ли съ Богомъ въ вѣчномъ блаженствѣ или остаться за гранью, во тьмѣ внѣшней“.

Не лучше ли намъ впередъ осмотрѣть нашъ багажъ и бумаги, пока можно еще приготовить ихъ къ осмотру.

Въ нашихъ бумагахъ сказано: христіанскаго православнаго исповѣданія.

Но не подложенъ ли документъ. Нашъ ли это, подумаемъ—особенно на границѣ новаго года.

Спящая душа, иди къ Господу.

Иди на пиръ его.

Забудь о покоѣ, ради Господа и Сына Его. В. Б.

Новогоднія думы пастыря.

Какъ въ необъятномъ морѣ, существуютъ разныя болѣе или менѣе сильныя теченія, такъ и въ духовной жизни Руси обнаруживаются особенно въ послѣднее время такія явленія, которыхъ нельзя не замѣчать, надъ которыми стоитъ подумать.

Взгляните!..

Интеллигентные люди нашего времени или не хотятъ знать ничего, что не связано такъ или иначе съ ихъ внѣшнимъ благополучіемъ, или охвачены стремленіемъ открыть новые пути и новыя начала жизни. Тѣ, кто не успокоились на созиданіи личнаго счастья, потеряли всякія точки опоры для своего міровоззрѣнія и блуждаютъ въ духовной темнотѣ, не зная, куда итти, къ чему стремиться, какому поклоняться Богу: Христосъ, Люциферъ, Толстой, Ницше, Теофанъ затворникъ ,

Леонидъ Андреевъ—все теперь у нихъ перепуталось, и гдѣ искать истину, никто не знаетъ.

А простой народъ даль изъ своихъ нѣдръ хулигана—типъ, у котораго вмѣсто Бога бутылка, и вмѣсто совѣсти—ножь.

Нынѣшняя литература наша иногда даетъ такіе влады, что страшно становится не только за читателя, но и за автора ея.

Напр. извѣстный порнографъ Леонидъ Андреевъ *avec sa famille* своими рассказами толкаетъ всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста, въ свою „бездну“ и даетъ такія картинки, что краска стыда невольно выступитъ на щекахъ и не застѣнчиваго субъекта и крикъ негодованія: „да какъ же онъ смѣетъ окунать читателя въ такую грязь“, самъ собою вырывается изъ взволнованной груди. Здѣсь идеалы разбиты! Осталась лишь одна животная грязь. (Между прочимъ въ нынѣшнемъ году эта грязь въ десяткахъ тысячъ экз. отравитъ много, много семействъ Россіи, ибо журналъ „Нива“ на ряду съ классиками желаетъ распространить Андреевскую страпню среди своихъ многочисленныхъ читателей).

А поэты—декаденты пошли еще далѣе, тѣ рушатъ все: и Бога, и религію, и нравственность, и истину, вообще стараются перевернуть все вверхъ дномъ.

Вотъ образецъ ихъ творчества:

„Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ во дну,
Я такъ воззвалъ: *отецъ мой дьяволъ,*
Спаси, помилуй,—я тону!..
И вѣренъ я, *отецъ мой дьяволъ,*
Обѣту данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И ты меня изъ бездны спасъ.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю
И соблазняя, соблазню!

Это стихотвореніе Феодора Соллогуба! Дальше итти не-

куда! Здѣсь вылилось все... И это сказала человѣкъ: страшно за него!..

Съ другой стороны—сколько драгоценныхъ жизней пре-
ращается самовольно, кои, ища среди людской пошлости, лжи
и будничной жизни высшей цѣли, идеаловъ, ударомъ ножа,
пулей, эссенціей, — а въ послѣднее время людское безуміе и
и колокольню Ивана Великаго превратило въ орудіе смерти, —
et cetera кончаютъ жизнь, оставляя надпись: „не нашелъ цѣли
жизни!“ Какими невѣроятными, прямо сказочными сообщеніями
пестрятъ столбцы газетъ: вотъ вамъ девятилѣтній атаманъ
командуетъ воровской шайкой въ 15 мальчишекъ; десятилѣтній
мальчишка насилуетъ семилѣтнюю дѣвочку; шайка мальчишекъ
затаскиваетъ съ преступной цѣлью въ глухое мѣсто женщину;
полицейскій обходъ задерживаетъ ночью кучу скрывающихся
воришекъ; дѣвочка—подростокъ лишаетъ себя жизни вслѣд-
ствіе измѣны мальчика — подростка, въ котораго она влюблена.

Подводя summa summarum, невольно сталкиваешься съ
мучительно большимъ вопросомъ: „кто же виновать въ этомъ?“...

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: *мы все виноваты.*

Виноваты богословы и ученые, которые въ своей каби-
нетной замкнутости забываютъ „малыхъ сихъ“, коимъ недо-
ступны ихъ ученныя книги, недоступны и по ограниченности
массъ и по ихъ ученому языку, изобильному разными неудо-
бопонятными терминами.

Виноваты литераторы и вообще тѣ писатели, которые
повергли въ прахъ всѣ идеалы, сами копошатся въ грязи и
даютъ толпѣ грязные и больные плоды своего творчества съ
явно-злостной тенденціей. Надъ вами служители пера, громо-
вымъ голосомъ должны раздаваться слова „шестидесятниковъ“:
„не будите въ человѣкѣ звѣря!“ Надъ всѣмъ міромъ и такъ
раздается „волчій“ концертъ, и пословица древнихъ римлянъ
„homo homini lupus est“ оправдывается и проводится во всей
силѣ. Человѣчество уже задыхается въ атмосферѣ матери-
ализма, зачѣмъ же еще во что бы то ни стало будить въ немъ
звѣря?

Виновата журнальная и газетная пресса, которая даетъ
мѣсто на своихъ страницахъ грязнымъ и иногда злотенден-

познымъ статьямъ; стремится въ погонѣ за пятакомъ къ популярности, а посему и угождаетъ толпѣ, наигрывая на ея страстяхъ. Она должна (Боже милосердный! когда это будетъ?) безстрашно бичевать зло, раскрывать пороки и давать или указывать высшіе идеалы. Какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой пусть гудятъ надъ ней слова великаго „народника“ — Некрасова:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.

Сѣйте. спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“...

Полночь. Все тихо. Природа и та спитъ. Только одинъ мѣсяцъ задумчиво глядится съ высоты темносинихъ небесъ и чрезъ разукрашенные морозомъ стекла трепетнымъ лучемъ играетъ на предметахъ. Да безчисленныя очи неба—звѣзды, мерцающія, глядятъ на спящую землю. А думы все бѣгутъ и бѣгутъ. Взоръ же невольно устремляется въ уголокъ, озаренный лампадой. Тамъ въ трепетномъ мерцаніи красноватаго огонька виденъ кроткій ликъ Христа Спасителя, десница. Котораго любовно благословляетъ всякаго поднимшаго взоръ на Него, а раскрытое Евангеліе говоритъ: „заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“. И сердце сжимается больно, мучительно и хочется крикнуть: „Господи, Ты всѣхъ возлюбилъ. Ты проповѣдуешь чистую, святую жизнь, почему-же міръ не идетъ по стопамъ Твоимъ? Почему нынѣшніе люди даже стыдятся призывать имя Твое? Какъ это случилось? Кто виноватъ тому?“

Много виноватыхъ и пожалуй болѣе другихъ виновато духовенство. Виноваты мы—по своей или чужой волѣ поднимшіе на свои плечи бремя папства. И вина наша многообразна уже потому, что мы должны быть „всѣмъ вся“, чтобы привлечь всѣхъ. Церкви Христовой мы служимъ тѣломъ, а сердце наше, духъ нашъ или спитъ, или блуждаетъ по всѣмъ дебрямъ земнымъ. А для церкви нужны идеальные, но не „спящіе духомъ“ пастыри. Посмотрите въ своемъ сердцѣ и, если оно еще не совсѣмъ огрубѣло, вы вспомните, какъ часто оно мучительно безпокоилось, вспомните тѣ страшныя, безсонныя ночи, когда предъ вами вставалъ грозный вопросъ: „все ли я исполнилъ и такъ ли, какъ слѣдуетъ?“

Христось - Спаситель не перестаетъ громко звать: „*приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ*“. Всѣмъ извѣстенъ этотъ спасительный зовъ, но плывутъ по житейскому морю въ разныя стороны и многіе гибнутъ. И все отъ того, что кормчіе спятъ! Вотъ вина наша, -- страшная вина!.. Намъ, служителямъ алтаря, кормчимъ церкви Христовой, нужно постоянно подавать свой голосъ, громко указывать путь и вести всѣхъ къ тихой пристани. А такъ ли это? „Сходите, говоритъ одинъ архипастырь, вотъ по ближайшимъ церквамъ, прислушайтесь, часто-ли, громко ли раздастся тамъ учительный голосъ пастырей?“..

Что такое священникъ? Ис. Мюллуа отвѣчаетъ: „это хранитель науки жизни, обязанный свѣдѣнія свои сообщать людямъ; онъ долженъ итти на встрѣчу страстямъ и заблужденіямъ, и силою Евангельскою обличать лукавство, разбивать воюющій порокъ, просвѣщать умы, восхищать сердца“..

У насъ на груди дивнымъ лучемъ горять слова апостола: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ и заставляютъ насъ свѣтить міру свѣтомъ жизни и любить всѣхъ и все, любить, чтобы и люди любили и насъ, и церковь, и Бога... Когда то это будетъ?!.. Буди, буди!.. —

Священникъ *Іоаннъ Корольковъ*.

Бѣды отъ лжебратій.

Когда Моисей оставилъ дворъ Фараона и пошелъ послужить своимъ братьямъ „и паче изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость, большее вмѣнивъ богатство египетскихъ сокровищъ Христово поношеніе“ (Евр. 11, 25, 26), тогда далеко не всѣ евреи обрадовались этой зарѣ своей духовной свободы, а одинъ изъ нихъ грубо оборвалъ увѣщавшаго его великаго пророка: „Кто ты постави князя и судію надъ нами? еда убити мя хочещи, имъ же образомъ убилъ еси вчера египтянина?“ (Исх. 2, 14). Подобные упреки многократно повторялись поработенною душею народа уже и послѣ

того, какъ Богъ извелъ его изъ земли Египетской: народъ оплакивалъ въ пустынѣ „свиная мяса и египетскую пищу“, пренебрегая небесною манною и неоднократно пытался возвратиться въ домъ рабства.

Нѣчто подобное можно наблюдать и нынѣ въ средѣ людей, призванныхъ на служеніе Церкви, хотя къ счастью, пока не среди облеченныхъ священнымъ саномъ. Разумѣемъ то, что противъ мысли о возстановленіи патріаршества и автономіи внутренней жизни Россійской Церкви возстали, вслѣдъ за нигилистами всѣхъ отѣнковъ, и нѣкоторые духовные писатели. Это и не мудрено: иначе и быть не могло. Двухсотлѣтнее положеніе Церкви, рѣзко несоотвѣтственное ея каноническому строю, конечно, породило среди ея учрежденій рядъ таковыхъ, которыхъ не знала святая древность; да и въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ древнее происхожденіе, создались многія ненормальныя явленія, неправильныя отношенія, недолжное распредѣленіе власти и денежныхъ средствъ. Весьма понятно, что если возстановленіе патріаршества, соборовъ и вселенскаго общенія безусловно и несомнѣнно, и неотмѣнно желательно и полезно для самой Церкви, для благочестія, для просвѣщенія, для спасенія людей и славы Божіей, то оно вовсе не желательно тѣмъ должностнымъ лицамъ и тѣмъ учрежденіямъ, которыя либо самое свое положеніе и существованіе получили только по причинѣ каноническихъ правонарушеній, либо, благодаря послѣднимъ, чрезвычайно расширили свое вліяніе и свое благосостояніе.

Быть можетъ здѣсь читатель находитъ намекъ на синодальныхъ чиновниковъ? Напрасно: они должны остаться и въ томъ случаѣ, если Русской Церкви суждено будетъ дожить до своего полного каноническаго возрожденія, какъ они были и во времена Московскихъ патріарховъ при разнообразіи функцій управленія. Мы разумѣемъ тѣхъ церковныхъ дѣятелей, которые свое положеніе упрочили именно чрезъ свою нецерковность: таковыхъ было особенно много при Оберъ-Прокурорѣ Д. А. Толстомъ, но возникали они и при К. П. Побѣдоносцевѣ.

Мудрено-ли, что они нисколько не сочувствуютъ церковному возрожденію? „Возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію“ (Іов. 12, 43).

Не говоримъ уже о тѣхъ, которые отдались во власть врагамъ церковнымъ—лѣвымъ партіямъ и являются у тѣхъ невѣждъ въ богословіи на положеніи Валаама волхва или Ахитофела, выпрашивая себѣ либо тридцать сребренниковъ, либо думскоѣ кресло. О нихъ приходится сказать печальный стихъ: „виждь имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша: бѣжи насытыя души, Учителю таковая дерзнувшія“.

Впрочемъ жалкое разглагольствованіе въ родѣ лекціи профессора Заозерскаго въ собраніи октябристовъ, которые, конечно, никогда не были ревнителями вѣры, или брошюрки профессора присяжнаго повѣреннаго Кузнецова, едва-ли удовлетворяютъ и совершенно неосвѣдомленныхъ слушателей или читателей: болѣе могутъ разстроить церковно убѣжденнаго христіанина двѣ статьи г. Саве въ № 22 и 23 „Церковныхъ Вѣдомостей“, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Правда, ихъ авторъ прямо не возражаетъ противъ введенія у насъ теперь патріаршества: онъ будто-бы готовъ защищать нашу точку зрѣнія о томъ, что наиболѣе практичнымъ, и въ то же время вполне законнымъ, было бы возстановленіе у насъ патріаршества путемъ Высочайшаго повелѣнія о бытіи патріархомъ нашего первоприсутствующаго іерарха, или же Іерарха Московскаго. Но соблазняющее значеніе этой статьи заключается въ томъ, что въ ней авторъ какъ бы силится совершенно упразднить понятіе каноническаго строя, сводя его содержаніе къ такимъ уже минимальнымъ тезисамъ, среди которыхъ умалчивается самый главный—о необходимости, въ каждой странѣ первенствующаго Іерарха, котораго прочіе почитаютъ, яко главу, ничего не дѣлая безъ него (Прав. 34, Св. Апостол.).

Это уже сознательная передержка, ибо что останется изъ церковнаго права въ отношеніи управленія церковной области, если исключить это, нигдѣ и никогда законно не-нарушавшееся правило, а нарушенное только грубымъ насиліемъ надъ Русскою Церковью во времена Петровы чрезъ безрелигіознаго Теофана Прокоповича, четыре раза перемѣнявшаго свою вѣру. Г. Саве утверждаетъ будто подъ каноническимъ строемъ, который постоянно измѣнялся подъ вліяніемъ времени и мѣста, достаточно разумѣть три условія церковной жизни: 1) епископаты Вселен-

ской Церкви (т. е. вѣроятно, возможность Вселенскаго Собора). 2) затѣмъ такой или иной (?) организованный строй епископата помѣстной церкви (это уже явная неправда, ибо бываетъ строй правильный и неправильный) и 3) неуклоненіе отъ соборнаго начала и недопущеніе единовластнаго управленія помѣстною церковью. На такихъ основаніяхъ авторъ находитъ за собою право утверждать, будто Русское церковное управленіе вполнѣ канонично.

Но если бы эти три жалкіе тезиса и правильно опредѣляли каноничность управленія, то выводъ для нашего современнаго состоянія все-же былъ бы самый безотраднѣйшій. Соборнаго общенія съ Церковью Вселенской у насъ не стало съ упраздненіемъ патріаршества; организованности мѣстнаго епископата у насъ нѣтъ, потому что онъ въ своемъ цѣломъ не призывается къ совмѣстному рѣшенію дѣлъ церковныхъ, а единоличное властительство надъ церковью у насъ есть въ лицѣ Оберъ-Прокурора, и если съ мая 1911 г., оно не даетъ себя тяжело чувствовать, растворяясь въ самыхъ церковныхъ правилахъ, а также въ желаніяхъ и убѣжденіяхъ самой іерархіи, то это явленіе исключительное, впервые нашевшее себя мѣсто за сто девяносто лѣтъ существованія Синода, и зависящее единственно отъ глубокой преданности вѣрѣ и Церкви нашего настоящаго Оберъ-Прокурора.

Этотъ же Оберъ-Прокуроръ торжественно заявилъ въ Государственной Думѣ въ отвѣтъ на лай выпущенныхъ противъ него думскихъ шавокъ, что онъ давно прилагаетъ усилія къ возвращенію Русской Церкви ея каноническаго строя. Дѣйствительно, именно онъ въ 1905 году редактировалъ постановление и всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о Соборѣ и патріаршествѣ, напечатанный осенью того-же года въ тѣхъ именно „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, которыя теперь, по странному недоразумѣнію (вѣроятно, редакторъ былъ въ отпускѣ), дали мѣсто этой недобросовѣстной и неискренней статьѣ г. Саве.

Воспроизводимъ докладъ Св. Синода буквально.

„Въ непрестанныхъ Царственныхъ заботахъ о славѣ Церкви Христовой и о благѣ дорогого Отечества ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВЫСОЧАЙШЕ соизволили, въ 13 день марта сего года, передать на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода вопросъ о поставленіи православной Церкви въ соотвѣтствующее

ея достоинству положеніе, въ виду примѣненія широкой вѣротерпимости къ инославнымъ исповѣданіямъ, глаголемымъ старообрядцамъ и сектантамъ. На мысль о созывѣ собора, благоустроеніи прихода и упорядоченіи духовно-учебныхъ школъ, какъ разсадниковъ просвѣщенія въ духѣ православной Церкви и воспитателей пастырей церковныхъ обращено было и въ прежнее время вниманіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! Выслушавъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и сыновнею преданностію означенный Державный призывъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Синодъ полагаетъ нынѣ же приступить къ трудамъ по осуществленію ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, дабы оправдать высокое довѣріе къ нему Монарха и исполнить Монаршую волю со тщаніемъ, достойнымъ дѣла, на пользу святой Церкви. Съ молитвою къ Царю царствующихъ, обсудивъ на точномъ основаніи церковныхъ канонѳвъ, величайшей важности вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной Церкви, Святѣйшій Синодъ признаетъ существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее Государственное положеніе православной Церкви въ Россіи, въ виду измѣнившагося положенія инославныхъ исповѣданій, глаголемыхъ старообрядцевъ и сектантовъ, и преобразовать управленіе церковное, руководствуясь церковными канонами и исторіей церковнаго управленія какъ въ Россійской, такъ и въ другихъ помѣстныхъ Церквахъ.

Основною формою высшаго церковнаго управленія, по каноническимъ правиламъ (I Всел. Соб. прав. 5, Антиох. 16), является помѣстный соборъ епископовъ области, съ митрополитомъ или патріархомъ во главѣ. Соборъ долженъ былъ составляться сначала два раза, а потомъ одинъ разъ въ году. Въ виду, однако, затруднительности періодическихъ ежегодныхъ собраній всѣхъ епископовъ области, уже въ періодъ Вселенскихъ соборовъ, при областныхъ каедряхъ образовались постоянные соборы или синоды взамѣнъ прежнихъ періодическихъ соборовъ. Соборы же всѣхъ епископовъ области составлялись только въ особо важныхъ случаяхъ. Право созывать соборы и предсѣдательствовать на нихъ принадлежитъ митрополитамъ или патріархамъ „и никому да не будетъ позволено составлять соборы самимъ по себѣ,

безъ тѣхъ епископовъ, коимъ ввѣрены митрополіи" (Ант. 20). Собраніе епископовъ безъ митрополита или патріарха не считается соборомъ законнымъ и постановленія его дѣйствительными (Ант. 18). Но и патріархъ или митрополитъ, управляющій церковною областью, „ничего да не сотворить безъ разсужденія всѣхъ" (Апостол. 34). Митрополитамъ или патріархамъ предоставлены церковными канонами слѣдующія права: 1) митрополитъ созываетъ епископовъ на соборы для обсужденія общихъ церковныхъ дѣлъ въ своей области и самъ предсѣдательствуетъ на нихъ (Ант. 19 и 20; Халкид. 19); 2) утверждаетъ избираемыхъ на вакантныя епископскія каѳедры (I Всел. 4 и 6; Ант. 19); 3) принимаетъ жалобы на подчиненныхъ епископовъ и назначаетъ соборный судъ надъ ними (Халк. 9; Ант. 14; Карѳаген. 28); 4) обозрѣваютъ епархіи подчиненныхъ епископовъ (Карѳ. 63) и 5) утверждаетъ своимъ согласіемъ всѣ важнѣйшія распоряженія епископовъ области (Апост. 34; Ант. 9). Но въ дѣлахъ, касающихся цѣлой области, митрополитъ не могъ рѣшать ничего единолично безъ согласія собора областныхъ епископовъ (Апост. 34; Ант. 9). Самъ онъ былъ избираемъ, постановляемъ и судимъ соборомъ своихъ епископовъ (III Всел. I; Сард. 6) и, какъ архіерей, въ епархіи подчиненнаго ему епископа не могъ ни рукополагать, ни учить, ни совершать какихъ либо архіерейскихъ дѣйствій, развѣ только съ согласія мѣстнаго епископа (Кормч. гл. 58). Такимъ образомъ основною канонической формой управленія тою или иной областью является соборъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ или патріархомъ съ вышеуказанными полномочіями.

Озабочиваясь устроеніемъ внутренней жизни православной Россійской Церкви на началѣ каноническаго соборнаго управленія, при полной автономіи Церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ, и имѣя въ виду господствующее положеніе православной Церкви въ Россійскомъ Государствѣ и положеніе оной среди другихъ помѣстныхъ Церквей, Святѣйшій Синодъ полагаетъ: 1) Въ составъ Синода ввести на ряду съ членами постоянными членовъ, вызываемыхъ по очереди изъ іерарховъ Россійской Церкви, и возглавить оный, чести ради Россійскаго Государства, патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями об-

ластного митрополита. 2) Въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ созвать волею ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА помѣстный соборъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: о раздѣленіи Россіи на церковные округа подъ управленіемъ митрополитовъ, вызываемыхъ необходимою передачи дѣлъ второстепенной важности изъ высшаго управленія въ мѣстныя установленія; о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами; о благоустроеніи прихода въ религиозно-нравственномъ, благотворительномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ; объ усовершеніи духовно-учебныхъ школъ; о пересмотрѣ законовъ, касающихся порядка приобрѣтенія Церковью собственности; объ епархіальныхъ съѣздахъ духовенства; о представленіи высшимъ представителямъ церковной іерархіи права участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются интересовъ Церкви; о представленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ.

Повергая сіи соображенія на Всемиловѣйшее благоумотрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Синодъ всеподданнѣе испрашиваетъ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія на созваніе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ волею ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ благопотребное время, помѣстнаго собора всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для устроенія Синодальнаго управленія, избранія Всероссійскаго патріарха и разрѣшенія вышепоставленныхъ и другихъ вопросовъ, имѣющихъ быть предварительно разработанными въ Святѣйшемъ Синодѣ“.

Кажется все ясно. Но наше безчестное время умѣетъ изумительно дружно замалчивать все, что не выгодно для противогосударственнаго и особенно противорелигіознаго направленія. Въ нашей прессѣ постоянно толкуютъ о соборѣ, говорятъ (и въ томъ числѣ выше помянутый г. Кузнецовъ), будто члены Синода идутъ противъ созыва собора; много толкуютъ о составѣ послѣдняго, какъ о предметѣ, совершенно открытомъ для всякихъ то-

чекъ зрѣнія (исключая православной); но никогда никто не обмолвится о томъ актѣ величайшей исторической важности, когда Синодъ, впервые послѣ упраздненія патріаршества, совершенно опредѣленно указалъ на возстановленіе послѣдняго, какъ на неотмѣнное начало истинно православнаго или каноническаго строя церковной жизни.

Впрочемъ, въ нашемъ изолгавшемся обществѣ подобное явленіе и не можетъ казаться диковиной наравнѣ съ тѣмъ, какъ это общество два года тому назадъ чествовало врага революціи Л. Толстого, въ качествѣ ея поборника, какъ провозглашали свою съ ними солидарность представителю отрицаемыхъ имъ профессій—судебной, медицинской и научной,—какъ вообще у насъ, начиная съ думской трибуны, съ университетскихъ кафедръ и кончая печатью, всего менѣе желаютъ знать и говорить правду, а думаютъ только о томъ, чтобы превзойти другъ друга въ изворотливой лжи и притворствѣ.—При всемъ томъ перенимать эту современную моду на страницахъ Синодальнаго органа и академическихъ журналовъ—это крайняя степень паденія, это воспроизведеніе приемовъ жизни и дѣятельности Карамазовскаго Ракитина.

Въ частности приемы аргументаціи г. Саве—обычные въ академической средѣ, когда хотятъ замазать истину и незамѣтно запутать мысль читателя. Тутъ начинаютъ отвлекать его вниманіе на посторонніе предметы, разводять длинную канитель историческихъ справокъ, совершенно не различая нормальныхъ явленій отъ злоупотребленій и забывая отеческое изреченіе о томъ, что продолжительность послѣднихъ не можетъ служить для нихъ оправданіемъ.

Вотъ почему слова г. Саве: „разъ Синодъ былъ признанъ всею Русскою Церковью и другими церквами, и признается въ теченіе 200 лѣтъ, то нѣтъ основанія считать его неканоническимъ“, эти слова представляются банальною нелѣпостью.—Синодъ нашъ всегда, всѣми церквами, и всѣми искренними іерархами, и всѣми освѣдомленными въ богословіи мірянами считался несоответственнымъ каноническому праву учрежденіемъ. Онъ признавался и признается въ томъ смыслѣ, что ему слѣдуетъ повиноваться, пока не возстановленъ каноническій строй, потому что

иначе получится полная анархія въ церковной жизни: но ненормальное управление послѣднею въ Россіи заявлялось и запечатлѣвалось страданіями и даже кровью лучшихъ святителей нашихъ— Арсенія Мацѣвича, Гавріила Петрова, Платона Левшина, Архіепископа Агаѳангела, Митрополита Іоанникія; о томъ-же писали лучшие русскіе люди—Хомяковъ, Самаринъ, протоіерей Ивановъ-Платоновъ и многіе другіе. Наконецъ, въ мартѣ 1905 г. о томъ-же заявилъ единогласно самъ Святѣйшій Синодъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ товарищемъ оберъ-прокурора В. К. Саблеромъ. Г. Саве безъ всякой нужды и безъ всякой убѣдительности доказываетъ, что церковное управление въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ не было одинаковое, но вѣдь эти разновидности весьма ограничены и дѣйствительно самъ же авторъ уничтожаетъ все значеніе своей исторической размазни, которою было надѣялся одурачить читателя: онъ все-таки сводитъ опредѣленный минимумъ канонической законности, общеобязательной всегда и вездѣ,—хотя сводитъ его, какъ мы видимъ, во-первыхъ, совершенно неправильно и завѣдомо неискренно, а во-вторыхъ, сводитъ такъ, что Синодальнымъ строемъ все-таки этотъ минимумъ вовсе не выдерживается.

Въ качествѣ заключительнаго и сильнѣйшаго довода противъ патріаршества, какъ *ultima ratio* своихъ изворотовъ, г. Саве приводитъ вслѣдъ за общеизвѣстнымъ регламентомъ Прокоповича слѣдующія слова, едва ли служащія къ его чести и къ чести официальнаго органа Святѣйшаго Синода.

„Введеніе патріаршества,—говоритъ авторъ,—можетъ повести къ вящему порабощенію Церкви. (Значитъ такое порабощеніе уже имѣется въ нашемъ теперешнемъ церковномъ строѣ, который вы признаете каноническимъ?). Знаете ли, какъ поставлялся патріархъ въ Византіи? По смерти патріарха, митрополиты, составляющіе Синодъ, представляли императору трехъ кандидатовъ; императоръ, или утверждалъ одного изъ нихъ, или предлагалъ митрополитамъ для избранія своего. Затѣмъ, въ присутствіи духовенства и сената, онъ нарекалъ избраннаго, произнося такую формулу: Божественная благодать и наше, происходящее отъ нея, императорское величество возводитъ этого благочестивѣйшаго мужа въ патріархи Константинополя“.

Авторъ думаетъ, что онъ убѣдилъ поборниковъ патріаршества этой цитатою, опредѣлявшею временный порядокъ избранія первосвятителя Востока. Но авторъ жестоко ошибся въ своей надеждѣ.

Правда, формула эта не совсѣмъ законная, но,—о, если бы хоть такимъ образомъ у насъ на Руси назначался первосвятитель! Какое то было бы блаженное время сравнительно съ тѣмъ, что мы теперь имѣемъ!

Видимо, г. Саве, постаравшійся ознакомиться съ порядками различныхъ помѣстныхъ церквей, древнихъ и современныхъ, мало знакомъ съ положеніемъ нашего высшаго церковнаго управленія. Теперь весь Синодъ въ своемъ составѣ опредѣляется ВЫСОЧАЙШЕЮ властью по представленію оберъ-прокурора, безъ всякаго участія митрополитовъ, которые узнаютъ о вновь опредѣленномъ своемъ собратѣ по сану или по членству въ Синодѣ изъ состоявшагося уже ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, нерѣдко даже изъ газетъ, одновременно со всѣми столичными дворниками и кухарками и значительно позже газетныхъ разносчиковъ. Нерѣдко назначенія эти бываютъ столь неожиданны, что члены Синода такъ и ахнутъ, прочитавъ о новомъ митрополитѣ или иномъ своемъ сочленѣ.

Да, г. Саве, не совсѣмъ правиленъ былъ порядокъ назначенія патріарха при Константинѣ Багрянородномъ, на котораго вы ссылаетесь, но это не только не было бы „вяшимъ порабощеніемъ“ Церкви сравнительно съ тѣмъ, что мы теперь имѣемъ, но такой наилучшій порядокъ былъ бы все-же великимъ раскрѣпощеніемъ нашей Церкви, надъ которой имѣетъ теперь силу не только „происходящее отъ Божественной благодати императорское Величество“ (выраженіе вполне законное для Византіи и Россіи), не только оберъ-прокуроръ, но и вовсе уже безблагодатный Совѣтъ Министровъ, Государственный Совѣтъ, Государственная Дума съ Милюковымъ и жидами.

Что сказать о наемнической статьѣ г. Заозерскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ? Авторъ идетъ противъ всѣхъ своихъ прежнихъ идеаловъ и завѣтовъ, возставая противъ введенія патріаршества. Правда, онъ, подобно г. Саве, какъ будто не противъ патріарха, а только въ пользу патріарха выборнаго, но онъ,

конечно, понимаетъ, что съ такового никогда не начнется у насъ патріаршество, а слѣдовательно, не начнется вовсе, если первый патріархъ не будетъ ВЫСОЧАЙШЕ назначенъ. Онъ приводитъ лживыя слова проф. Суворова, противъ котораго всегда прежде справедливо возставалъ, какъ противъ каноническаго нигилиста, отвергающаго самый богословскій догматъ Церкви. Г. Заозерскій не стыдится повторять тупой, идіотски глупый аргументъ Суворова и нѣсколькихъ другихъ участвовавшихъ въ предсоборномъ присутствіи нигилистовъ—Раkitиныхъ о томъ, что каноны говорятъ не о патріархѣ, а о каноническихъ митрополитахъ, опредѣляя объединяющую власть первенствующихъ въ области іерарховъ. Конечно, эти господа замалчиваютъ о совершенно точно выражающихся другихъ канонахъ, вполне ясно намѣчающихъ пять патріаршихъ кафедръ—римской, константинопольской, александрійской, антїохійской и іерусалимской,—о судѣ константинопольскаго патріарха, превышающаго судъ собора (IV, 17). Но пусть въ канонахъ не было вовсе упоминанія о патріархахъ: развѣ въ томъ дѣло, какъ именовать главенствующихъ іерарховъ? Назовите ихъ хоть капустой, но дайте Церкви то, что ей предоставили приведенные въ вышеизложенномъ докладѣ Святейшаго Синода каноны. Для полноты вашихъ аргументовъ стоило бы еще прибавить такую фразу: „хотя каноны и говорятъ далѣе о власти патріарха надъ митрополитами (двукр. 15), но тамъ говорится не патріархъ, а патріархисъ, слово же патріархъ, съ твердымъ знакомъ на концѣ, совершенно невѣдомо Вселенской Церкви, а появилось только со времени возникновенія славянской и русской рѣчи“. Вотъ такимъ доводомъ вы убьете своихъ противниковъ, г. Заозерскій, а друзьямъ своимъ приводите иные доводы: „мы, октябристы, должны бороться противъ усиленія Церкви всѣми способами, мы должны добивать религію въ Россіи до той степени, по крайней мѣрѣ, какъ она добыта въ либеральной Франціи, а поелику главнымъ условіемъ живучести Церкви является ея вѣрность своимъ каноническимъ основаніямъ, поелику возстановленіе патріаршества надолго и накрѣпко утвердитъ православную вѣру въ Россіи: то собирайте, г.г. октябристы, всѣ свои силы, чтобы бороться противъ патріаршества. Противъ собора не боритесь:

это будетъ только разновидность революціонной думы и очень удобное средство для разложенія религіозной жизни въ Россіи: поэтому всѣ лѣвыя газеты и журналы кричите о соборѣ, о самомъ широкомъ его составѣ, о четырехвостной баллотировкѣ за его членовъ изъ всѣхъ круговъ общества и при томъ непремѣнно обоюго пола! Вѣдь и въ Предсоборномъ Присутствіи толковали о включеніи въ составъ Синода мірянъ и даже женщины!". Ошибаетесь, г. Заозерскій и г.г. октябристы: даже такой неканонической составъ собора, который придуманъ Предсоборнымъ Присутствіемъ (съ очень хитрымъ умолчаніемъ объ участіи на соборѣ восточныхъ іерарховъ), все таки возстановилъ бы истинную церковность и поставилъ бы каноническаго патріарха: вѣдь большинство духовенства нашего еще не продало совѣсти, а противъ патріаршества только тѣ духовные отцы, у которыхъ подолы позапачканы: „всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть“.

Таковымъ доказывать пользу патріаршества такъ же безцѣльно, какъ убѣждать японскихъ офицеровъ въ желательности лучшаго флота для Россіи. Но я бы предъявилъ иное недоумѣніе г. Заозерскому, не моральнаго, а теоретическаго характера. „Гдѣ и отъ кого вы такъ поумнѣли въ 55 лѣтъ отъ роду, когда вдругъ на Предсоборномъ Присутствіи и затѣмъ въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ, и понынѣ, изъясняете вопросы вашей науки церковнаго права въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ за первые тридцать лѣтъ службы? Вамъ приходится восклицать: я сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ!“

Не поздно ли такъ радикально мѣняться на исходѣ шестого десятка лѣтъ жизни? Конечно, позднее развитіе имѣетъ свои преимущества, какъ и поздніе циплята, но, право, всему есть предѣлъ. Не должно ли вамъ отречься и отъ ученыхъ степеней, полученныхъ за диссертациі, которыя вамъ теперь приходится сжигать?“

Давненько просмотрѣлъ я брошюру г. Кузнецова (о Еп. Гермогенѣ и Патріаршествѣ). Ему, какъ новичку въ богословіи и состарѣвшемуся въ адвокатской болтовнѣ, простительно повторять глупости о томъ, что каноны знаютъ не патріаршество, а

каноническихъ митрополитовъ: дайте намъ таковыхъ, г. Кузнецовъ! Выпросите ихъ у вашего барина Каменскаго!—Я запомнилъ изъ его брошюрки намѣренное непониманіе моего заявленія о томъ, что наша Русская церковь не имѣетъ отвѣтственнаго за нее лица и является *usnullius*, вымороченнымъ достояніемъ. Г. Кузнецовъ, сколько помню, вопіетъ, что всѣ епископы отвѣтственны за Церковь, Да развѣ о такой отвѣтственности я говорю?

Ревновать о Церкви обязаны не только всѣ епископы, но и всѣ міряне, но когда говорятъ о служебной, объ іерархической отвѣтственности, то разумѣютъ и правоспособность воздѣйствовать на цѣлое учрежденіе, а таковой наши епископы лишены: они могутъ, наравнѣ съ мірянами, и даже съ женщинами, писать доклады куда угодно, о чемъ угодно, но эти доклады будутъ приняты, какъ доклады частныхъ лицъ; вѣрнѣе—они не будутъ прочитаны, да и не читаются на самомъ дѣлѣ. Если мы говорили, что наша Русская Церковь не имѣетъ отвѣтственнаго лица въ томъ смыслѣ, какъ за приходъ отвѣтствененъ его настоятель, за монастырь—его игуменъ, за епархію—епископъ, за католическую церковь въ Россіи—католическій митрополитъ, за магометанскую—муфтій и т. д.,—то этимъ совершенно ясно выражали ту мысль, что нужды высшаго церковнаго управленія не имѣютъ въ Россіи соотвѣтственнаго попечителя. Члены Синода могутъ разсуждать только о дѣлахъ, поступающихъ въ Синодъ, а поступленіе ихъ зависитъ отъ оберъ-прокурора: затѣмъ составъ Синода измѣняется, наприм., за послѣднія 10 лѣтъ,—полугодно въ составѣ всѣхъ членовъ, а „епископа, имѣющаго попеченіе о всей странѣ“ (Ант. 9) у насъ нѣтъ, и епархіальные архіереи знаютъ, что имъ подобаешь „творити каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ“ (Апост. 34). Вотъ почему церковное законодательство, касающееся всей страны, зачинается и проводится у насъ оберъ-прокурорами; ими же опредѣляются и такія дѣла, какъ, наприм., отлученіе Льва Толстого, опредѣленія о бѣглопоповскомъ духовенствѣ, распоряженіе церковными деньгами и т. д. Все это, конечно, понялъ бы въ моей статьѣ и 12-тилѣтній мальчикъ, и надо быть адвокатомъ не только по профессіи, но и по душѣ, чтобы сумѣть затуманить и извратить то, что ясно, какъ Божій день въ моей статьѣ о возстановленіи патріаршества.

Не менѣе ясно, скажемъ въ заключеніе, и то, что всѣ при-

веденные противоцерковные писатели, какъ и пресловутое меньшинство Предсоборнаго Присутствія, просто не вѣруютъ въ каноны, какъ выраженіе воли Божіей,—когда стараются истолковать не ихъ императивный смыслъ, какъ дѣйствующаго права Церкви, а замѣнить послѣдній историческою подкладкой канона, по большей части тутъ же измышленною. Не вѣруютъ они въ Церковь, какъ учить насъ Символь вѣры, не вѣруютъ они твердо ни во что, кромѣ интересовъ своего положенія, и еще матеріальныхъ интересовъ не духовенства, а духовнаго сословія. Не скажу, чтобы у подобныхъ писателей, у подобныхъ типовъ, вовсе не составилось религиозныхъ вѣрованій, но это отдѣльные отрывки изъ впечатлѣнія дѣтства, мелодія „Волною морскою“, пасхальные куличи, серьезная и недоумѣвающая мина предъ чашею причащенія, панихида по родителямъ, крестное знаменіе предъ купаньемъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это не церковное міровоззрѣніе, не богословіе, не наука церковнаго права, ни, всего менѣе, забота о славѣ Церкви, а только прикрытое отрицаніе и того, и другого, и третьяго, и четвертаго, при печальной необходимости тереться около дѣлъ церковныхъ ради своихъ выгодъ.

Быть можетъ, однако, раздвоенность ихъ сужденія, то допускающихъ пользу церковнаго возрожденія чрезъ возвращеніе нашей помѣстной церкви ея законной главы,—то отрицающихъ нужду послѣдней,—быть можетъ эта неувѣренность и недоговоренность выражаетъ собою безсильную борьбу совѣсти со зломъ и изолгавшеюся волею. Въ такомъ случаѣ пожелаемъ нашимъ писателямъ побѣды первой надъ послѣднею; пожелаемъ, чтобы Господь возрѣлъ въ ихъ сердце, какъ Онъ возрѣлъ на Симона Петра во дворѣ Каіафы, когда пропѣлъ обличительный алекторъ (Лук. 22, 61).

Менѣе понятенъ намъ г. Саве, какимъ то образомъ проникшій на страницы Синодальнаго журнала при благодушной разсѣянности редакціи, которой слѣдуетъ сказать напередки: „Cavete a domino Cave“; а что нужно послѣднему, мы сказать не можемъ, ибо не знаемъ, кто скрывается за этою подписью, а потому остаемся предъ неизвѣстнымъ авторомъ съ недоумѣвающимъ грустнымъ вопросомъ церковной пѣсни: „Кій ты образъ Іудо предателя Спасу содѣла?“ (Волынск. Епарх. Вѣдом.).

Архіепископъ *Антоній*.

ЖИВЫЕ КОЛОКОЛА.

Сколько нареканій сыпалось со всѣхъ сторонъ въ послѣднее время на наше бѣлое духовенство, въ особенности—сельское. Въ чемъ только его не обвиняли и какимъ позоромъ и презрѣніемъ не награждали?

Ополчилась вся интеллигенція, извѣстнаго направленія печать.

Прежде, до брызгъ освободительной волны, духовенство какъ-то не замѣчалось никѣмъ и какъ будто съ этихъ только времянь оно появилось на свѣтъ и позорили, унижали, осуждали его даже тѣ, кто самъ достоинъ только одного презрѣнія. „Духовенство—требоисправители только, дармоѣды, и косно оно, и въ Думу опасно посылать его“ (еще бы духовенство, по своему положенію поставленное въ центрѣ народной жизни, является большимъ носителемъ народныхъ идеаловъ, чѣмъ другія сословія) съ пѣной во рту вопила кругомъ извѣстной марки наша интеллигентная публика.

Одно утѣшеніе для пастыря, только прежнее доброе отношеніе нашего мужичка; съ его усть и теперъ еще не сходитъ имя: „батюшка-кормилецъ“. Мужичекъ, несмотря на всѣ старанія нашей интеллигенціи разъединить его съ духовенствомъ, понялъ все-таки, что ближе духовенства нѣтъ у него другихъ сословій. Своимъ горемъ, нуждою и радостью не пойдетъ нашъ пахарь дѣлиться съ кѣмъ либо, кромѣ пастыря,—не пойметъ его никто, да и духовенство искони связано съ крестьянствомъ житейскими узами и имѣетъ массу однородныхъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Вражьему ополченію не видно, даже и видѣть не хочется, сколько взвалено кромѣ чисто-пастырскаго дѣла на духовенство другой, совершенно посторонней работы и обиднѣе всего то, что даже духовные журналы напр., „Церк. Общ. Вѣстникъ“ тоже старается открыть только отрицательныя стороны въ дѣятельности духовенства. Напримѣръ, несомнѣнно, что бесплатное служеніе духовенства, какъ и поборы съ паствы не могутъ считаться нормальными ус-

ловіями, а между тѣмъ этотъ современный подголосокъ опасается, что при казенномъ жалованьи духовенству будетъ и казенная паства. Какъ духовному журналу, ему бы, кажется, болѣе всѣхъ извѣстно, что духовенство и „алчетъ, и жаждетъ, и наготуетъ, и труждается, приобрѣтая и раздавая и хлѣбъ насущный, и хлѣбъ небесный“. Этотъ журналъ боится прекращеніемъ матеріальной зависимости разединить духовенство отъ словесныхъ овецъ, какъ будто не знаетъ, какъ тяжело сельскому духовенству основывать свое благосостояніе, всю участь своей семьи на поборахъ съ тѣхъ, у кого взять нечего, кто и безъ духовенства кормитъ другія сословія, кому приходится, при его незначительномъ бюджетѣ, нести массу все прогрессирующихъ налоговъ“. Крестьянство само сожалеетъ, что оно не въ силахъ поднять матеріальное положеніе своего духовенства, а отношеніе нашей интеллигенціи къ этому вопросу хорошо извѣстно изъ дѣятельности нашихъ думцевъ. Понятна и вся предвыборная агитація противъ духовенства.

Теперь, когда фізіономія новой Думы выяснилась и когда наша печать уменьшила свое „бряцаніе“ пустословіемъ о духовенствѣ, не безинтересно отмѣтить взгляды на участіе духовенства въ общественныхъ дѣлахъ людей спокойныхъ и серьезныхъ. Нѣкто г. Олсуфьевъ въ журналѣ „Отклики на жизнь“ духовенство называетъ „живыми колоколами“.

Есть, говоритъ онъ, на свѣтѣ колокольчики, есть колокольцы или бубенцы, есть и колокола. И каждый звонитъ по разному, каждый несетъ службу по своему. Маленькій колокольчикъ—слуга по дому, а иногда облачается и въ представителя власти и руководитъ тогда цѣлыми собраніями. Колокольцы или бубенцы—вѣрные путники челоуѣку въ дорогѣ. Но совсѣмъ другая задача, совсѣмъ иная служба у большихъ колоколовъ; высокая благодарная задача ихъ и не сравнятся съ ними ни колокольчикамъ, ни колокольцамъ. Колокола несутся къ небу, зовутъ къ Богу, а колокольчики и бубенцы копошатся на землѣ. Жизнь народа состоитъ изъ жизни духа и жизни тѣла.

Государственная Дума не есть собраніе какихъ-то специалистовъ;—она представительница всей жизни народной и потому однобокой она не можетъ быть. Міряне—люди земли и собраніе однихъ мірянъ въ Государ. Думѣ не можетъ удовлетворять всѣмъ запросамъ и нуждамъ народной жизни. На Руси православной не звенѣли никогда одни колокольчики да бубенцы, а призывной звонъ колоколовъ всегда по ней гудѣлъ и велъ по вѣрному пути, велъ и привелъ къ тому могуществу, въ какомъ мы видимъ ее сейчасъ. Одни побрякушки колокольцевъ не составляютъ жизни, для этого нуженъ полный аккордъ изъ всѣхъ звоновъ". А сколько между тѣмъ было намековъ въ печати въ томъ смыслѣ, чтобы духовенство вовсе не принимало участія въ общемъ аккордѣ Думской работы, и так. обр. не мѣшало бы нѣкоторымъ партіямъ надѣть оковы на нашу церковь и на самую идею православія.

Села Ново-Ивановскаго, Ельн. у.,
Свящ. *Владиміръ Строгановъ.*

Нѣсколько словъ, по поводу проекта объ устройствѣ новаго зданія для Рославльскаго Духовнаго Училища на новомъ мѣстѣ и о продажѣ стараго класснаго училищнаго зданія Рославльскому монастырю.

19/20 числа м-ца декабря 1912 года, при Рославльскомъ духовномъ училищѣ происходили экстренныя засѣданія о.о. депутатовъ Рославльскаго и Ельнинскаго уѣздовъ, составляющихъ собой училищный округъ. На этихъ засѣданіяхъ, между прочимъ, обсуждались вопросы: 1) объ устройствѣ новаго зданія для духовнаго училища на новомъ мѣстѣ, внѣ монастыря, и 2) о продажѣ монастырю стараго класснаго училищнаго зданія, находящагося при Рославльскомъ монастырѣ. По поводу этого проекта, мы съ своей стороны не лишнимъ сочли высказать нижеслѣдующее:

Намъ кажется, что, чѣмъ приступать къ устройству новаго зданія для Рославльскаго духовнаго училища на новомъ мѣстѣ, внѣ монастыря, гораздо легче и лучше было бы устроить новое зданіе для училищнаго общежитія при старомъ классномъ зданіи, согласно первоначальному проекту о томъ и плану, составленному и одобрен-

ному въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтїа, съ нѣкоторымъ измѣненїемъ и добавленїемъ къ оному согласно съ современными требованїями, и съ нѣкоторымъ расширенїемъ училищной площади, посредствомъ включенїа въ нее смежнаго съ нею свободнаго монастырскаго земельного участка, взаимѣнъ тѣхъ денегъ, которыя пожертвованы были Рославльскимъ духовенствомъ на устройство зданїа для конвикта или училищнаго общежитїа, обращеннаго между тѣмъ въ монастырскїй корпусъ, съ помѣщенїемъ въ немъ братїи монастыря. При такомъ устройствѣ, не нужно будетъ прибрѣтать покупку мѣста, для устройства на немъ новаго училищнаго зданїа и для училищной при немъ площади и не нужно будетъ затрачивать на этотъ предметъ значительной суммы денегъ. И въ такомъ случаѣ не нужно будетъ продавать монастырю стараго класснаго училищнаго зданїа, а нужно будетъ лишь расширить нѣсколько училищную площадь вышеуказаннымъ способомъ.

Такой проектъ устройства зданїа для училища представляется болѣе сообразнымъ съ имѣющимися на лицо денежными средствами и съ кредитомъ, ожидаемымъ отъ Святѣйшаго Синода, и необременительнымъ для окружнаго духовенства. Тогда какъ проектируемое устройство новаго зданїа на новомъ мѣстѣ, внѣ монастыря, въ обширныхъ размѣрахъ и на широкихъ началахъ, потребуетъ затраты большихъ сверхмѣтныхъ денежныхъ средствъ и можетъ вызвать собою чрезвычайныя налоги на платежныя силы, т. е. на окружное духовенство, которое и безъ того слишкомъ обременено оными, а также и на церкви Рославльскаго и Ельнинскаго уѣздовъ, которыя и безъ того оказываются не вполне состоятельными по части денежныхъ взносовъ на духовно-учебныя заведенїа. Съ этими финансовыми обстоятельствами нельзя не считаться въ давномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время чрезмѣрно увеличиваются цѣны на всѣ жизненныя потребности, въ томъ числѣ и на строительныя матеріалы и на рабочїа руки.

Кромѣ этого неудобства, экономическаго и матеріальнаго свойства указываемый нами проектъ устройства новаго зданїа не на новомъ мѣстѣ, а при монастырѣ, при старомъ классномъ зданїи имѣетъ за собою и моральное преимущество, заключающееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ училища съ святою обителью — этою своего рода школою благочестїа, которая можетъ споспѣшествовать дѣлу

обученія и въ особенности дѣлу воспитанія обучающагося ювoшества, представляя въ лицѣ монашествующей братіи образцы или примѣры благонравія для подражанія: ибо не даромъ сказано: «*preceptae docent, sed exempla trahunt*».

Проектируемое же устройство новаго зданія училищнаго на новомъ мѣстѣ, вдали отъ монастыря не только не представляетъ собою такихъ моральныхъ удобствъ, но даже не гарантируетъ отъ зловреднаго вліянія съ внѣшней стороны, какъ показали уже печальный опытъ этого на прежнемъ училищномъ общежитіи, окруженномъ разными «блазненными заведеніями». Никто не можетъ поручиться за то, что та же самая печальная исторія не повторится и на новомъ мѣстѣ училищнаго общежитія. Лучше и безопаснѣе будетъ для училища, если оно будетъ помѣщаться вблизи святой обители, гдѣ учащіе и учащіяся будутъ постоянно находиться, такъ сказать, въ святой атмосферѣ, чѣмъ удаляться отъ обители на страну далече и, волею неволею, вдыхать въ себя разные житейскіе міазмы... 1).

Не внапрасно всѣ наши духовныя Академіи и большинство духовныхъ Семинарій приурочены къ святымъ обителямъ. Не бездѣльно и Рославльское духовное училище перемѣщено было на нашей памяти изъ центра города въ Рославльскій монастырь, при бывшемъ смотрителѣ училища и вмѣстѣ настоятелѣ монастыря архимандритѣ Ѳеодорѣ, которымъ и устроено было теперешнее классное училищное зданіе. Не бездѣльно также бывший настоятель Рославльскаго монастыря и вмѣстѣ смотритель Рославльскаго духовнаго училища игуменъ Аркадій (впослѣдствіи викарный епископъ Кишиневскій) устроилъ на средства Рославльскаго духовенства обширный каменный нижній этажъ для училищнаго общежитія, назвавъ оный конвиктомъ, въ которомъ теперь помѣщается братія монастыря. Указанныя дѣянія помянутыхъ радѣтелей училищнаго благоустроенія ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что эти лица въ данныхъ случаяхъ руководились не житейскими расчетами экономическими, а побуждались къ тому высшими соображеніями или идеалами духовной школы и святой обители и совокушно заботились о

1) Отъ этого зловреднаго прираженія и зараженія не предохранятъ никакіе кубическіе размѣры воздуха въ зданіи и никакая искусственная вентиляция въ нихъ, и никакая усиленная училищная инспекція.

благоустроеніи ихъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ Рославльское духовное училище находилось въ цвѣтущемъ состояніи, яко древо насажденное при исходящихъ водныхъ, по изреченію Царепророка.

Въ виду такой отлично усердной заботливости о благоустроеніи мѣстнаго духовнаго училища прежде бывшими приснопамятными отцами настоятелями — смотрителями, и настоящему отцу настоятелю архимандриту Герасиму слѣдуетъ всячески содѣйствовать дѣлу благоустроенія духовнаго училища, которое составляетъ собою лучшее украшеніе для обители и какъ бы нѣкое драгоцѣнное ожерелье, наилучшее всѣхъ кимваловъ добро и громогласныхъ и позлащенныхъ украшеній церковныхъ; а не простираť излишнихъ заботъ о пріобрѣтеніи покупкою класснаго училищнаго зданія и тѣмъ какъ бы выживать изъ обители духовное училище. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ хлопотать объ этомъ пріобрѣтеніи о. настоятелю, что у монастыря и безъ того имѣется многое множество домовъ, устроенныхъ внѣ монастыря и отдаваемыхъ въ арендное содержаніе. Сверхъ сего, во владѣніи монастыря имѣется не малое количество земли внѣ города и въ городской чертѣ, а также и внутри монастыря. Въ виду чего, включеніе въ училищную площадь небольшого земельного монастырскаго участка, на сѣверо-восточной сторонѣ, не можетъ составить большого ущерба для обширной монастырской территоріи и не причинить собою никакого стѣсненія монастырю.

Что же касается до высказываемой претензіи со стороны братіи монастыря, что якобы ученики духовнаго училища портятъ плодовые деревья и похищаютъ плоды въ монастырскомъ саду, и портятъ надмогильные памятники на монастырскомъ кладбищѣ, — то относительно этого мы съ своей стороны имѣемъ отвѣтить братіи монастыря слѣдующее: при духовномъ училищѣ имѣется вѣнепекція, которая постарается предотвратить указанные дурные поступки со стороны учениковъ училища, а окружное духовенство и строительный комитетъ постараются устроить приличную и прочную ограду около училищной территоріи безъ входа и выхода на монастырскую, чрезъ что устранятся указанные поступки ученическіе. А чтобы устранить напрасныя нареканія на учениковъ въ данныхъ случаяхъ, для этого не излишне было бы и самому монастырю устроить около своего сада и кладбища болѣе прочное огражденіе съ заноромъ

онаго и установить болѣе строгое охраненіе сада съ кладбищемъ, въ виду того, что входъ въ монастырь чрезъ ворота отпертъ бываетъ въ теченіе пѣлаго дня для всѣхъ проходящихъ, въ числѣ коихъ могутъ оказаться и такія личности, которыя будутъ портить въ саду плодовые деревья и похищать плоды, и портить надмогильные памятники

Къ этому великимъ считаемъ добавить еще вотъ что: напрасно братія монастыря упрекаетъ учениковъ дѣтей, указывая на сучецъ въ глазахъ ихъ, а не замѣчаетъ того, что въ лицѣ ихъ представляется для нея высокій образецъ дѣтской чистоты и невинности и упускаетъ изъ виду то, что объ нихъ сказалъ Спаситель: «таковыхъ бо есть царствіе небесное» и «еще не будете, якоже дѣти, не увидите въ царствіе небесное». Между тѣмъ какъ, если бы братія монастыря смотрѣла на учениковъ — дѣтей съ Евангельской точки зрѣнія, какъ на наследниковъ Царствія Небеснаго, то, при такомъ воззрѣніи, происходила бы взаимная польза — дѣти ученики заимствовали бы отъ братіи монастыря образцы святости, а братія монастыря заимствовала бы отъ дѣтей образцы чистоты и невинности. И вмѣстѣ съ этимъ устанавливались бы добрососѣдскія отношенія между монастыремъ и духовною школою и братскія отношенія между монашествомъ и духовенствомъ. И тогда не происходило бы вышеуказанныхъ нареканій и пререканій изъ за мелкихъ житейскихъ расчетовъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ устройство при обители новаго зданія для духовно-учебнаго заведенія.

Не говоримъ уже о томъ, что теперешняя училищная территория занимаетъ центральное положеніе въ чертѣ города, тогда какъ новопроектируемая для училища площадь должна будетъ находиться на окраинѣ города, вдали отъ квартиръ учащихся и учащихъ, и потому будетъ представлять не малое затрудненіе для нихъ въ постоянномъ сообщеніи съ училищемъ, а также и для самаго училища въ частыхъ сообщеніяхъ съ городомъ, при экономическихъ сношеніяхъ съ нимъ, по разнымъ житейскимъ надобностямъ. Съ этими неудобствами топографическаго свойства нельзя не считаться въ данномъ случаѣ.

На основаніи вышеуказанныхъ данныхъ мы приходимъ къ такому убѣжденію: 1) что гораздо легче, лучше и удобнѣе будетъ устроить новое зданіе училищное на старомъ мѣстѣ, рядомъ съ

класснымъ училищнымъ зданіемъ, вблизи монастыря, чѣмъ на ново-проектируемой территоріи, вѣѣ монастыря, вдали отъ города, и 2) что потому не слѣдуетъ продавать монастырю класснаго училищнаго зданія, слѣдуетъ лишь вѣскольکو расширить училищную площадь, посредствомъ включенія въ оную смежнаго монастырскаго земельного участка, для устройства на немъ разныхъ училищныхъ службъ надворныхъ, по соглашенію о томъ съ настоятелемъ и братією монастыря, взаимѣнъ тѣхъ денегъ, которые пожертвованы были духовенствомъ на устройство училищнаго ковкикта, обращеннаго въ монастырскій братскій корпусъ.

Въ заключеніе великимъ считаемъ вкратцѣ рассказать стародавнюю исторію съ нашимъ проектомъ объ устройствѣ зданія для училищнаго общежитія. Болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, въ бытность нашу членомъ правленія училища отъ духовенства, составленъ былъ нами такой же самый проектъ устройства зданія для училищнаго общежитія и вмѣстѣ съ планомъ и смѣтою представленъ былъ на разсмотрѣніе и заключеніе бывшаго въ то время окружнаго съѣзда духовенства. Оно отклонило этотъ проектъ, не смотря на мой хотя одноличный, но резонный протестъ о томъ; а вмѣсто сего поставило пріобрѣсти покупкою у купца Мухина готовый домъ, который оказался крайне неудобнымъ по своему мѣстоположенію около базарной площади, и потому въ недавнее время проданъ. Вслѣдствіе этого и проектируется устроить новое зданіе для училища на новомъ мѣстѣ вѣѣ монастыря, или при монастырѣ, рядомъ съ класснымъ училищемъ. Дай Богъ, чтобъ и съ этимъ, по новому проекту устроеннымъ зданіемъ для училища, не произошла таже самая исторія и ошибка не оказалась горшею первой. И дай Богъ, чтобъ настоящая замѣтка наша не оказалась, якоже древле, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!..

Протоіерей *Алексій Шукінъ*.

Х У Т О Р А.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ община отживаетъ свое время. Дни ея сочтены. Крестьяне говорятъ: „въ общинѣ житья не стало, одинъ разоръ, никто никого слушать не хочетъ“ и раздѣляются на хутора.

Наши крестьяне, какъ будто, только и ждали закона о свободномъ выселеніи на отдѣльные участки. Прошло еще неполныхъ семь лѣтъ и всѣ почти общинники нашего прихода разошлись по хуторамъ. Живутъ въ общинѣ только двѣ деревни, разойтись которымъ препятствуетъ много естественныхъ природныхъ преградъ. Но и эти, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для раздѣла, тоже не забавятся разойтись.

Крестьяне довольны хуторскою жизнью. Они говорятъ: „намъ получшело, а попамъ и нищимъ за то похужело“. Да, правда, духовенству стало хуже, при настоящихъ условіяхъ его обезпеченія, когда ради полученія жалкихъ грошей приходится ему въ ненастное весеннее и осеннее время, на которое больше всего падаютъ церковныя службы въ деревнѣ, переходить отъ одного хутора въ другой по невылазной грязи. А не пойдѣ —ничего не получишь. Раньше переходить изъ одного двора въ другой было значительно легче. Хаты стояли въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Бывало, не снимая ризы, отслужишь по всей деревнѣ. Дѣло шло скорѣе, да и труда меньше. Нищимъ стало также дѣйствительно труднѣе. Прежде нищій пройдетъ деревню дворовъ въ тридцать и соберетъ такой мѣшокъ хлѣба, что еле тащить. А теперь, чтобы пройти столько дворовъ и столько же собрать, нужно употребить во много разъ больше усилій и времени. Придется тѣмъ и другимъ какъ нибудь приспособливаться къ новому положенію. А какъ, объ этомъ опредѣленно сказать пока трудно.

Обижаются еще на хутора деревенскія бабы. Бывало, случись какая-нибудь нужда, сейчасъ побѣжить къ сосѣдкѣ и достанетъ. А теперь все нужно свое имѣть

въ запасъ: стало далеко ходить, не набѣгаешься. Да и поговорить, посудачить не съ кѣмъ стало. Прежде случись свободная минута, поидеть къ сосѣдкѣ и въ бесѣдѣ съ ней отведеть свою душу. А теперь не находишься. Приходится въ скучные зимніе вечера сидѣть дома и заниматься какимъ-нибудь дѣломъ.

Но нѣтъ худа безъ добра. Замѣчаешь теперь, что въ праздничные дни народа въ церкви стало больше. Раньше, когда жили все вмѣстѣ, соберутся мужички въ праздникъ на крыльцо у какого-нибудь сосѣда, да и прокалякаютъ всю обѣдню. А теперь этого не сдѣлаешь. Дома же сидѣть въ праздникъ скучно и отправляются въ церковь. Трудно стало духовенству по хуторамъ ѣздить, да за то въ церкви народу прибавилось. Смотришь, — и въ церковный кошелекъ и за свѣчи староста сталъ больше собирать.

И благосостояніе хуторянъ замѣтно поднялось. Въ сараѣ сѣна для скота стало больше. Пшена сѣяли хуторяне клеверу и сѣна накосили больше. За то, можетъ быть, въ амбарѣ, или на гумнѣ хлѣба стало меньше? Нисколько. Пашни будто-бы стало меньше, такъ какъ нѣкоторая часть земли подъ клеверъ пошла. Да вѣдь давно извѣстна русская пословица: „кормить не поле, а нива“. Что было толку въ томъ, если посѣешь больше, а урожая столько же, а то и меньше. Навозу было мало, такъ какъ скота нечѣмъ было кормить. Разъ стало больше корму, стало больше скота, или скотъ сталъ сытнѣе и навозу стало больше. А поэтому урожай сталъ лучше, и въ закромѣ не поменьшило, а пожалуй и побольшило. Раньше крестьяне не заводили травосѣянія. Въ общинѣ этого нельзя было сдѣлать. Представьте себѣ деревню въ тридцать дворовъ. Если въ ней пять хозяевъ не пожелаютъ клеверъ сѣять, то остальные 25 подѣлать ничего не могутъ. А теперь, когда разошлись по хуторамъ, стало свободно, все стали клеверъ сѣять и богатый, и бѣдный.

Вопросъ о выгонѣ особенно смущалъ крестьянъ: какъ будемъ пасти скотину? Прежде на этотъ счетъ

было раздолье. Наймутъ мужички двухъ-трехъ мальчишекъ цѣлой деревней и дѣлу конецъ. Хотя голодно, да за то свободно. Но все таки рѣшились разойтись на хутора: „разобьемся на особняки, какъ нибудь скотину будемъ пасти, а то и дома прокормить можно. Вѣдь теперь клеверъ будемъ сѣять, можно лишнюю охапку сѣна положить скотинѣ и въ лѣтнюю пору“. И вотъ, приходится на веревкѣ лошадь держать, а корову съ овцой путать, чтобы овѣ потравъ не дѣлали. Да не бѣда: походить и путаная. Тотъ кормъ, что къ зимѣ пригодился бы, приходится употреблять лѣтомъ. Да за то скотина сытѣе стала и навозу больше.

За ту корову, что при общинѣ 25 р. стоила, теперь мясники 50 р. даютъ. Правда, повышеніе цѣны можно объяснить и общимъ вздорожаніемъ, но не вдвое. Извѣстную часть повышенной цѣны нужно отнести и къ достоинству скота. Та скотина, которая во время паствы дѣлаетъ меньше моціона становится жирнѣе. А выгоны при общинѣ простираются на большемъ разстояніи и тамъ скотъ дѣлаетъ больше движеній, результатомъ чего является потеря жировыхъ веществъ.

Въ западныхъ государствахъ землевладѣльцы кормятъ скотъ на дворѣ не только зимой, но и лѣтомъ, что считается болѣе полезнымъ, какъ для скота, такъ и для выгоновъ. Тамъ выпускаютъ скотъ только на прогулку въ лѣтнее время. Со временемъ и наши хуторяне придутъ всѣ къ этой практикѣ. И тогда вопросъ о неудобствахъ пастбы скота на хуторахъ совсѣмъ падеть. Но это дѣло далекаго будущаго. Впрочемъ въ нашемъ приходѣ есть уже хуторянинъ, владѣющій только 7-ю десятинами земли, который не пускаетъ свою скотину на выгонъ и въ лѣтнее время, а кормитъ ее на дворѣ.

Наша церковная земля граничитъ съ деревней, которая раньше жила въ общинѣ, а теперь разселилась по хуторамъ. Наши сосѣди—общинники нещадно травили нашъ хлѣбъ и покосы. Доброе слово увѣщанія не про-

изводило никакого дѣйствія. Крестьяне сами рекомендовали обращаться къ суду, такъ какъ по ихъ же словамъ „они сами съ собой ничего не могли подѣлать“. Но какъ обращаться къ суду на своихъ прихожанъ? Это значило потерять всякій авторитетъ. Бороться съ этимъ зломъ у насъ не находилось никакой возможности, а приходилось въ данномъ случаѣ прибѣгать къ принципу „непротивленія злу“. По причинѣ примѣненія этого принципа, зло прогрессировало больше и больше и не знаю, къ чему оно привело бы, если бы крестьянамъ не пришла въ голову добрая мысль разойтись по хуторамъ. Разошлись и потрава нашихъ полей исчезла. Теперь она стала невысказима, ибо для нея потрачена всякая возможность. Мало того: крестьяне прежде травили и свои собственныя поля и луга и сами съ собой ничего не могли подѣлать. Хуторяне говорятъ: „у насъ земли прибавилось“. Какимъ же это образомъ? Земли у хуторянина должно быть столько же, сколько у него было и въ общинѣ. Да, земли мѣрою осталось столько же, но въ общинѣ не вся земля эксплуатировалась. Много земли было заросшей кустарникомъ и остававшейся безъ всякаго употребленія. При хуторскомъ же способѣ землепользованія вся эта земля эксплуатируется. Никому не хотѣлось приводить ее въ годное состояніе. Всякій говорилъ: „Это не моя одна земля, а общая“. Такъ эта земля и пропадала даромъ. При расселеніи по хуторамъ этотъ дефектъ прекращается: „земля лично моя, я извлеку изъ нея для себя пользу, значитъ, нужно ее сдѣлать годной“. И вотъ кустарники на хуторахъ уничтожаются, на болотѣ сѣютъ овесъ.

По газетнымъ сообщеніямъ въ Россіи по причинѣ общиннаго пользованія пропадаетъ даромъ цѣлая треть земли. Можетъ быть это преувеличено и сказано въ пылу газетной полемики, но во всякомъ случаѣ живущему въ деревнѣ это слишкомъ бросается въ глаза и производитъ непріятное впечатлѣніе. Люди гонятся за каждымъ клочкомъ земли, жаждутъ ея приобрѣтенія и у нихъ-же подѣ

руками много земли, еще совсѣмъ неиспользованной. Это напоминаетъ повѣрье простаго народа, о которомъ я слышалъ еще въ дѣтствѣ: „предъ концомъ міра люди будутъ плыть по рѣкѣ и просить, чтобы имъ дали воды.

А также много земли пропадаетъ напрасно при общинномъ владѣніи на межи для раздѣленія узкихъ крестьянскихъ полосокъ, что не требуется при хуторскомъ разселеніи.

Вотъ еще насчетъ пожаровъ. Это бѣдствіе, по причинѣ котораго многія крестьянскія семьи остаются безъ всякаго имущества и вынуждены бываютъ долго пропитывать себя именемъ Христовымъ, не такъ часто бываетъ и не такъ страшно на хуторахъ. При скученности деревенскихъ построекъ „красный пѣтухъ“ оставлялъ по себѣ полное разрушеніе. Это положительно трагедія общинной деревенской жизни. Человѣкъ старался и приобрѣталъ годами и вдругъ въ одинъ мигъ все уничтожается. При хуторскомъ-же разселеніи сгораетъ только одинъ дворъ.

А вотъ насчетъ воды на хуторахъ плоховато, особенно въ гористой мѣстности Смоленскаго уѣзда, гдѣ не всегда можно выкопать колодезь. Раньше вода была подъ руками. Обыкновенно селенія устраивались поближе къ водѣ. А теперь стройся тамъ, — гдѣ тебѣ достанется кусокъ земли. Въ виду этого, разбиваясь на хутора, крестьяне оставляютъ воду въ общемъ владѣніи. Приобрѣли для возки воды бочки, возятъ воду на лошадахъ и особенно не горюютъ. По крайней мѣрѣ, большихъ жалобъ не слышишь.

Теперь относительно лѣса. Въ общинѣ лѣсъ истреблялся безпощадно: „онъ принадлежалъ не одному мѣнѣ“. Древо рубилось не мое только, а составлявшее собственность еще 30—40 человѣкъ. И если лѣсъ былъ подѣленъ между общинниками, то все таки онъ вырубался, такъ какъ сбережь его не было возможности изъ за сосѣда, который, порубивши свой лѣсъ, какъ бы нечаянно, по ошибкѣ забирался и въ чужой — своего сосѣда.

Отсюда зло лѣсоистребленія: крестьяне — общинники по-вырубили всѣ свои лѣса. Да кромѣ того изъ этого зла порождалось и другое — новое зло! вырубленное мѣсто, неприглядное и покрытое пнями оставалось безъ всякаго употребленія, увеличивая собою площадь непродуваемой земли. Во время перехода на хутора, если оставался гдѣ лѣсокъ, то крестьяне также его истребили: „одному, молъ, не доставайся“, да и материалъ для постройки нуженъ былъ. Но на послѣдній предметъ еще не такъ было жалко уничтожать лѣсъ: вышли постройки новенькія, чистенькія, пойдутъ на долгіе годы. А то истреблялся лѣсъ и такъ, безъ всякой нужды, лишь-бы никому не доставался: чувство альтруизма еще не такъ у насъ развито; его еще надобно воспитывать. Но не рѣдки были случаи обмѣна лѣсомъ, если къ тому представлялась возможность. И наблюдение показываетъ: на мѣстахъ, которыя не годны къ хлѣбной или иной культурѣ, у крестьянъ-хуторянъ зарастаетъ лѣсокъ; ими онъ подчищается и приводится въ порядокъ. Черезъ 10 лѣтъ увидимъ уже небольшія рощицы, а черезъ 10 лѣтъ — еще и лѣса, только не сплошные, въ которыхъ раньше водилось дикое звѣрье, а культурный лѣсокъ — кусочками тамъ и сямъ, по разнымъ угламъ. Это показываетъ дѣйствительное наблюдение. Да и психологически такое явление вполне объяснимо: это — лично мое, а не принадлежитъ всѣмъ и Ивану, и Семену и т. д. Значитъ съ этой стороны будемъ совершенно спокойны. Лѣсоистребление на хуторахъ со временемъ отойдетъ въ область преданій. Меньше заботъ будетъ прилагаться лѣсоохранительными комитетами, поменьше будетъ судовъ у земскихъ начальниковъ за порубы, меньше будетъ преступленій этого рода, ибо для нихъ становится меньше возможности. Тутъ важна и воспитательная сторона: кто привыкъ бережно относиться къ своей собственности, тотъ также будетъ относиться и къ чужой. При общинномъ владѣніи не было почвы для воспитанія этой привычки, для этого не было наглядныхъ примѣровъ.

Теперь поговоримъ и насчетъ садоводства. Былъ хорошій садоводъ протоіерей о. Наумовичъ. Писалъ онъ про садоводовъ очень хорошія и популярныя книжки. Бывало, прочитаешь книжечку его сочиненія и готовъ сейчасъ же садъ насаждать. Подъ живымъ впечатлѣніемъ его книгъ и крестьянамъ говоришь: „отчего вы сады не заводите?“ Говоришь имъ довольно убѣдительно, живо рисуешь картину пользы отъ садоводства. А возъ все стоитъ на мѣстѣ и впередъ не подвигается. Изъ 30—40 хозяевъ одинъ какойнибудь послушаетъ, заведетъ садикъ, да и тотъ у него пустѣетъ. А почему? Вопросъ этотъ просто рѣшается: у меня есть садъ, а у сосѣда нѣтъ. Выростутъ яблоки, а сосѣдскіе ребятишки еще зелеными ихъ порвутъ: вѣдь это какой для нихъ соблазнъ!.. Милліоны проповѣдниковъ не могутъ убѣдить и одного деревенскаго мальчика, чтобы онъ не лазилъ въ чужой садъ и никакія школьныя правоученія не помогаютъ. Мальчику яблока хочется: у его отца сада нѣтъ, а у сосѣда есть. Тутъ будь хоть ангеломъ да и то согрѣшишь. И большіе парни по этой части отъ ребятишекъ не отставали. Значитъ разведеніе садовъ для крестьянъ-общинниковъ было невысказано. Теперь глядишь: хуторяне садъ насаждаютъ. Садоводство у хуторянъ хотя медленно, а все таки подвигается впередъ и въ будущемъ, конечно, разовьется. Разойдясь по хуторамъ, они удалились отъ близкаго сосѣдства, и съ разстояніемъ получили возможность сбереженія плодовъ. Конечно, случаи воровства въ садахъ возможны и на хуторахъ, но не въ такой степени: соблазнъ находится теперь —дальше. Эти случаи воровства будутъ происходить рѣже пропорціонально увеличенію количества садовъ. И съ этой стороны хуторская жизнь имѣетъ преимущество предъ общинной.

Чтобъ покончить разсмотрѣніе экономической стороны хуторской жизни отмѣтимъ одинъ ея дефектъ, дабы не получить упрека въ томъ, что мы о немъ замалчиваемъ, чтобъ остаться на объективной точкѣ зрѣнія. Это воровство, которое при хуторскомъ разселеніи болѣе

опасно чѣмъ въ общинѣ, по причинѣ отсутствія защиты и сторонней помощи. О большей опасности и о возможности развитія воровства на хуторахъ говорятъ крестьяне. Но на нашъ взглядъ это временный жупель. Это лишь страхъ первыхъ лѣтъ хуторской жизни; онъ со временемъ пройдетъ. У нашихъ крестьянъ воруютъ обыкновенно свои же сосѣди, у которыхъ „болитъ животъ отъ чужого добра“. Профессиональные же воры рѣдко встрѣчаются. Эти „свои воры“ обыкновенно подсматриваютъ, у кого что и гдѣ плохо лежитъ. Но дальность разстоянія и разъединенность жизни, несомнѣнно, лишаетъ ихъ возможности подсмотреть и знать, гдѣ у сосѣда „кубышка съ деньгами“.

Вообще же наблюденія показываютъ, что экономическое состояніе хуторянъ улучшилось сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ они находились, живя въ общинѣ.

Отсюда переходимъ къ рѣшенію вопроса, помогаетъ ли хуторская жизнь при несомнѣнномъ повышеніи культуры экономической еще и духовно-умственной и нравственной? Или, можетъ быть, хуторяне несутъ потерю въ данномъ отношеніи?

Наши наблюденія показываютъ, что въ этомъ случаѣ потери пока нѣтъ никакой. Если, даже, допустимъ, что ничего не пріобрѣтается, то ничего и не теряется. Чему хорошему можно научиться въ деревнѣ при общественной жизни? Хорошему ничему,—а дурному сколько угодно: ругни, сквернословію и т. п.

На хуторахъ же, если не отъ кого научиться хорошему, то и наоборотъ, не отъ кого научиться худому. Развѣ только въ своей семьѣ ребенокъ пріобрѣтаетъ какіе-либо дурные навыки, получить которые въ общинѣ имѣется гораздо больше шансовъ отъ лицъ постороннихъ—сосѣдей. А относительно бича деревни—пьянства съ увѣренностью можно сказать, что оно понизится, при расселеніи крестьянъ по хуторамъ. Раньше въ общинѣ пили всѣ сообща, ибо создавалось много причинъ къ огульному, поголовному пьянству: нанимаютъ пастуха—

пьютъ, берутъ общую уругу — пьютъ и т. д. Теперь этого быть не можетъ и нѣтъ, такъ какъ для этого исчезла почва.

Но не поведетъ ли хуторское разселеніе къ духовному разъединенію, къ одичанію, о чемъ такъ много говорится въ періодической прессѣ? Для рѣшенія этого вопроса, при отсутствіи пока наглядныхъ примѣровъ, полезно сдѣлать маленькую экскурсію въ область психологіи. Теперешнее разъединеніе людей въ будущемъ должно повести психологически къ единенію, равобщенію къ общенію. Человѣкъ — существо общественное, жить одинъ не можетъ, въ душѣ его сильна склонность къ общенію. (Монашество — уединеніе есть исключеніе и подвигъ). Вотъ эта, присущая нашей душѣ склонность къ единенію, и должна выразиться въ будущемъ въ какихъ либо социальныхъ формахъ, объединяющихъ людей разъединенныхъ. Отсюда — неперемѣнное появленіе кооперативовъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ и т. п. Кроме того деревнѣ нужны разумныя развлеченія, которыхъ теперь нѣтъ и въ чемъ община не такъ ощущаетъ нужду: она живетъ своими буднями, своими мелкими ничтожными интересами, вполне ими удовлетворяясь. Теперешнія развлеченія деревни — не полезныя, не здоровыя и даже вредныя. Въ періодической прессѣ сообщается много случаевъ хулиганскихъ выходокъ, драки и даже убійства во время деревенскихъ развлеченій. И потому необходимо дать деревнѣ, расселившихся на хутора въ часы ея досуга болѣе культурныя развлеченія и на этой почвѣ и слѣдуетъ поработать деревенской интеллигенціи — духовенству и учителямъ. Slѣдуетъ дать деревнѣ библиотеки, чтенія и даже скажу — клубы. Жажда же къ развлеченію въ силу душевной потребности теперь будетъ чувствоваться сильнѣе. И мы увѣрены, что разселеніе на хутора поведетъ не къ разъединенію и одичанію, а наоборотъ къ общенію и единенію и къ все большему и большему нравственному совершенству. Развалъ общины есть одинъ изъ этаповъ на пути къ освобожденію

человѣческой личности отъ связывающихъ ее путь и оковъ. Община связала людей многими путями и напустила пора ихъ разорвать. Разселеніе на хутора составляетъ несомнѣнный шагъ впередъ въ социальномъ устройствѣ людей.

Справедлива русская пословица: „бойся человѣка голоднаго, а собаки сытой“. Намъ, пастырямъ, по этому слѣдуетъ заботиться и о матеріальномъ успѣхѣ своихъ прихожанъ, по связи его съ духовными, а не отстраняться отъ него, ссылаясь на то, что эта забота не входитъ въ кругъ нашихъ прямыхъ обязанностей. Конечно, намъ слѣдуетъ давать преимущество духовному предъ матеріальнымъ, но не игнорировать и послѣдняго. Евангельская Марія была предпочтена Христомъ Спасителемъ Марѳѣ, но и послѣдняя не была имъ осуждена.

Села Преображенскаго, Смол. у.
Свящ. Н. Синявскій.

ЖИЛИ-БЫЛИ.

(Изъ разсказовъ Л. Андреева).

Богатый и одинокій купецъ Лаврентій Петровичъ Кошевѣровъ пріѣхалъ въ Москву лѣчиться, и такъ какъ болѣзнь у него была интересная, его приняли въ университетскую клинику. Свой чемоданъ съ вещами и шубу онъ оставилъ внизу, въ швейцарской, а вверху, гдѣ находилась палата, съ него сняли черную суконную пару и бѣлье и дали въ обмѣнъ казенный сѣрый халатъ, чистое бѣлье съ черной мѣткой „палата № 8“ и туфли.

— Вотъ ваше мѣсто,—указала нянька на высокую, чистую постель и стоявшій возлѣ нея небольшой столикъ. Это было очень маленькое мѣсто, только уголь палаты, но именно поэтому оно понравилось измученному жизнью человѣку, Торопливо, точно спасаясь отъ погони, Лаврентій Петровичъ снялъ халатъ, туфли и легъ. И съ этого момента все, что еще только утромъ гнѣвило и мучило его, отошло отъ

него, стало чужимъ и неважнымъ. Память его быстро, въ одной молніезарной картинѣ, воспроизвела всю его жизнь за послѣдніе годы: неумолимую болѣзнь, день за днемъ пожиравшую силы; одиночество среди массы алчныхъ родственниковъ, въ атмосферѣ лжи, ненависти и страха; бѣгство сюда, въ Москву,—и также внезапно потушила эту картину, оставивъ на душѣ одну тупую, замирающую боль. И безъ мыслей, съ пріятнымъ ощущеніемъ чистаго бѣлья и покоя, Лаврентій Петровичъ погрузился въ тяжелый и крѣпкій сонъ.

На другой день надъ головою Лаврентія Петровича появилась надпись на черной дощечкѣ: „Купецъ Лаврентій Кошевѣровъ, 52 л., поступилъ 25 февраля“. Такія же дощечки и надписи были у двухъ другихъ больныхъ, находившихся въ восьмой палатѣ; на одной стояло: „Діаконъ Филиппъ Сперанскій, 50 л.“, на другой—„Студентъ Константинъ Торбецкій, 23 лѣтъ“. Бѣлыя мѣловыя буквы красиво, но мрачно, выдѣлялись на черномъ фонѣ, и когда больной лежалъ навзничъ, закрывъ глаза, бѣлая надпись продолжала что-то говорить о немъ и приобрѣтала сходство съ надмогильными оповѣщаніями, что вотъ тутъ, въ этой сырой или мерзлой землѣ, зарытъ человекъ. Въ тотъ же день Лаврентія Петровича свѣшали,—оказалось въ немъ шесть пудовъ двадцать четыре фунта.

Вскорѣ послѣ взвѣшиванія Лаврентія Петровича впервые осматривали доктора; олѣты они были въ бѣлые балахоны и оттого казались особенно важными и серьезными. И затѣмъ каждодневно они осматривали его по разу, по два, иногда одни, а чаще въ сопровожденіи студентовъ. По требованію докторовъ, Лаврентій Петровичъ снималъ рубашку и все такъ же покорно ложился на постель, возвышаясь на ней огромной мясистою грудой. Доктора стукали по его груди молоточкомъ, прикладывали трубку и слушали, перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями и обращая вниманіе студентовъ на тѣ или иныя особенности. Часто они начинали разспрашивать Лаврентія Петровича о томъ, какъ онъ жилъ раньше, и онъ неохотно, но покорно отвѣчалъ. Выходило изъ его отрывочныхъ отвѣтовъ, что

онъ много ѣлъ, много пилъ, много любилъ женщинъ и много работалъ; и при каждомъ новомъ „много“ Лаврентій Петровичъ все менѣе узнавалъ себя въ томъ человѣкѣ, который рисовался по его словамъ. Странно было думать, что это дѣйствительно онъ, купецъ Кошевѣровъ, поступалъ такъ нехорошо и вредно для себя. И всѣ старыя слова: водка, жизнь, здоровье—становились полны новаго и глубокаго содержанія.

Выслушивали и выстукивали его студенты. Они часто являлись въ отсутствіе докторовъ, и одни коротко и прямо, другіе съ робкою нерѣшительностью просили его раздѣться, и снова начиналось внимательное и полное интереса разсматриваніе его тѣла. Съ сознаніемъ важности производимаго ими дѣла они вели дневникъ его болѣзни, и Лаврентію Петровичу думалось, что весь онъ перенесенъ теперь на страницы записей. Съ каждымъ днемъ онъ все менѣе принадлежалъ себѣ, и въ теченіе цѣлаго почти дня тѣло его было раскрыто для всѣхъ и всѣмъ подчинено. По приказанію нянекъ, онъ тяжело носилъ это тѣло въ ванную или сажалъ его за столъ, гдѣ обѣдали и пили чай всѣ могущіе двигаться больные. Люди ошупывали его со всѣхъ сторонъ, занимались имъ такъ, какъ никто въ прежней жизни, и при всемъ томъ въ продолженіе цѣлаго дня его не покидало смутное чувство глубокаго одиночества. Похоже было на то, что Лаврентій Петровичъ куда-то очень далеко ѣдетъ и все вокругъ него носило характеръ временности, неприспособленности для долгаго житья. Отъ бѣлыхъ стѣнъ, не имѣвшихъ ни одного пятна, и высокихъ потолоковъ вѣяло холодной отчужденностью; полы были всегда слишкомъ блестящи и чисты, воздухъ слишкомъ ровенъ,—въ самыхъ даже чистыхъ домахъ воздухъ всегда пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ, тѣмъ, что принадлежитъ только этому дому и этимъ людямъ. Здѣсь же онъ былъ безразличенъ и не имѣлъ запаха. Доктора и студенты были всегда внимательны и предупредительны: шутили, похлопывали по плечу, утѣшали, но когда они отходили отъ Лаврентія Петровича, у него являлась мысль, что это были возлѣ него служащіе, кондуктора на этой невѣдомой дорогѣ. Ужъ ты

сячи людей перевезли они и каждый день перевозятъ, и ихъ разговоры и разспросы были только / вопросами о билетѣ. И чѣмъ больше занимались они тѣломъ, тѣмъ глубже и страшнѣе становилось одиночество души.

— Когда у васъ бываютъ пріемные дни?—спросилъ Лаврентій Петровичъ няньку. Онъ говорилъ коротко, не глядя на того, къ кому были обращены слова.

— По воскресеньямъ и четвергамъ. Но если попросить доктора, то можно и въ другіе дни,—словоохотливо отвѣтила нянька.

— А можно сдѣлать такъ, чтобы совсѣмъ ко мнѣ не пускали?

Нянька удивилась, но отвѣтила, что можно, и этотъ отвѣтъ, видимо, обрадовалъ угрюмаго больного. И весь этотъ день онъ былъ немного веселѣе и хотя не сталъ разговорчивѣе, но уже не съ такимъ хмурымъ видомъ слушалъ все, что весело, громко и обильно болталъ ему больной діаконъ.

Пріѣхалъ діаконъ изъ Тамбовской губерніи, и въ клинику поступилъ на одинъ день раньше Лаврентія Петровича, но былъ уже хорошо знакомъ съ обитателями всѣхъ пяти палатъ, помѣщавшихся наверху. Онъ былъ невысокъ ростомъ и такъ худъ, что при раздѣваніи у него каждое ребро вылѣплялось, а животъ втягивался, и все его слабосильное тѣльце, бѣлое и чистое, походило на тѣло десятилѣтняго несложившагося мальчика. Волоса у него были густые, длинные, изсѣра-сѣдые и на концахъ желтѣли и закручивались. Какъ изъ большой, не по рисунку, рамки выглядывало изъ нихъ маленькое, темное лицо съ правильными, но миниатюрными чертами. По сходству его съ темными и сухими лицами древнихъ образовъ, фельдшеръ Иванъ Ивановичъ причислилъ діакона къ отдѣлу людей суровыхъ и нетерпимыхъ, но послѣ перваго же разговора измѣнилъ свой взглядъ и даже на нѣкоторое время разочаровался въ значеніи науки фізіогномики. Отецъ діаконъ, какъ всѣ его называли, охотно и откровенно рассказывалъ о себѣ, о своей семьѣ и о своихъ знакомыхъ, и такъ любознательно и наивно разспрашивалъ о томъ же другихъ, что никто не могъ сердиться, и

всѣ такъ же откровенно рассказывали. Когда кто-нибудь чихалъ, о. діаконъ издалека кричалъ веселымъ голосомъ:

— Исполненіе желаній! За милую душу!—и кланялся.

Къ нему никто не приходилъ, и онъ былъ тяжело боленъ, но онъ не чувствовалъ себя одинокимъ, такъ какъ познакомился не только со всѣми больными, но и съ ихъ посѣтителями, и не скучалъ. Больнымъ онъ ежедневно по нѣскольку разъ желалъ выздоровѣть; здоровымъ желалъ, чтобы они въ весельи и благополучіи проводили время, и всѣмъ находилъ сказать что-нибудь доброе и пріятное. Каждое утро онъ всѣхъ поздравлялъ: въ четвергъ,—съ четвергомъ, въ пятницу—съ пятницей, и что бы ни творилось на воздухѣ, котораго онъ не видалъ, онъ постоянно утверждалъ, что погода сегодня пріятная на рѣдкость. При этомъ онъ постоянно и радостно смѣялся продолжительнымъ и неслышнымъ смѣхомъ, прижималъ руки ко впалому животу, хлопалъ руками по колѣнямъ, а иногда даже билъ въ ладоши. И всѣхъ благодарилъ,—иногда трудно было рѣшить за что. Такъ, послѣ чая онъ благодарилъ угрюмаго Лаврентія Петровича за компанію.

— Такъ это мы съ вами хорошо чайку попили,—по небесному! Вѣрно, отецъ, а?—говорилъ онъ, хотя Лаврентій Петровичъ пилъ чай отдѣльно и никому компаніи составить не могъ.

Онъ очень гордился своимъ діаконскимъ саномъ, который получилъ только три года тому назадъ, а раньше былъ псаломщикомъ. И у всѣхъ—и у больныхъ, и у приходящихъ—онъ спрашивалъ, какого роста ихъ жены.

— А у меня жена очень высокая,—съ гордостью говорилъ онъ послѣ того или иного отвѣта.—И дѣти всѣ въ нее. Гренадеры, за милую душу!

Все въ клиникахъ—чистота, дешевизна, любезность докторовъ, цвѣты въ корридорѣ—вызывало его восторгъ и умиленіе. То смѣясь, то крестясь на икону, онъ изливалъ свои чувства передъ молчащимъ Лаврентіемъ Петровичемъ и, когда словъ не хватало, восклицалъ:

— За милую душу! Вотъ какъ передъ Богомъ, за милую душу!

Третьимъ больнымъ въ восьмой палатѣ былъ черный, боролатый студентъ Торбецкій.

II.

День въ палатѣ начинался рано, когда еще только мутно сѣрѣло отъ первыхъ лучей разсвѣта, и былъ длинный, свѣтлый и пустой. Въ шесть часовъ больнымъ подавали утренній чай, и они медленно пили его, а потомъ ставили градусникъ, измѣряя температуру. Многіе, какъ о. діаконъ, впервые узнали о существованіи у нихъ температуры, и она представлялась чѣмъ то загадочнымъ, и измѣреніе ея—дѣломъ очень важнымъ. Небольшая стеклянная палочка, со своими черными и красными черточками становилась показательницей жизни, и одна десятая градуса выше или ниже дѣлала больного веселымъ или печальнымъ. Даже вѣчно веселый о. діаконъ впадалъ въ минутное уныніе и недоумѣнно качалъ головой, если температура его тѣла оказывалась ниже той, которую ему называли нормальной.

— Вотъ, отецъ, штука-то. Азь и фертъ,—говорилъ онъ Лаврентію Петровичу, держа въ рукѣ градусникъ и съ неодобреніемъ разсматривая его.

— А ты поддержи еще, поторгуйся,—насмѣшливо отвѣчалъ Лаврентій Петровичъ.

И о. діаконъ торговался и, если ему удавалось добыть еще одну десятую градуса, становился веселъ и горячо благодарилъ Лаврентія Петровича за науку. Измѣреніе настраивало мысли на цѣлый день на вопросы о здоровьи, и все, что рекомендовалось докторами, выполнялось пунктуально и съ нѣкоторой торжественностью. Особенную торжественность въ свои дѣйствія вносилъ о. діаконъ и, держа градусникъ, глотая лѣкарство, дѣлалъ лицо важнымъ и строгимъ, такимъ, какъ при разговорѣ о посвященіи его въ санъ.

Съ семи часовъ палату заливалъ яркій дневной свѣтъ, проходившій въ громадныя окна, и становилось такъ свѣтло, какъ въ полѣ, и бѣлыя стѣны, постели, начищенные мѣдные тазы и полы—все блестяло и сверкало въ этомъ свѣтѣ. Къ самымъ окнамъ рѣдко кто-нибудь подходилъ: улица и весь

міръ, бывшій за стѣнами клиники, потеряли свой интересъ. Такъ люди жили; тамъ, полная народа, пробѣгала конка, проходилъ сѣрый отрядъ солдатъ, пробѣжали блестящіе пожарные, открывались и закрывались двери магазиновъ,— здѣсь больные люди лежали въ постеляхъ, едва имѣя силы поворотить къ свѣту ослабѣвшую голову; одѣтые въ сѣрые халаты, вяло бродили по гладкимъ поламъ; здѣсь они болѣли и умирали. Студентъ получалъ газету, но ни онъ самъ, ни другіе почти не заглядывали въ нее, и какая-нибудь неправильность въ отправленіи желудка у сосѣда волновала и трогала больше, чѣмъ война и тѣ событія, которыя потомъ получаютъ названіе міровыхъ. Около одиннадцати часовъ приходили доктора и студенты и опять начинался внимательный осмотръ, длившійся часами. Лаврентій Петровичъ лежалъ всегда спокойно и смотрѣлъ въ потолокъ, отвѣчая односложно и хмуро; о. діаконъ волновался и говорилъ такъ много и такъ невразумительно, съ такимъ желаніемъ всѣмъ доставить удовольствіе и всѣмъ оказать уваженіе, что его трудно бывало понять. О себѣ онъ говорилъ:

— Когда я пожаловалъ въ клинику...

О нянькѣ передавалъ:

— Онѣ изволили поставить мнѣ клизму...

Онъ всегда въ точности зналъ, въ какомъ часу и въ какую минуту была у него изжога или тошнота, въ какомъ часу ночи онъ просыпался и сколько разъ. По уходѣ докторовъ онъ становился веселѣе, благодарилъ, умилялся и бывалъ очень доволенъ собою, если ему удавалось при прощаніи сдѣлать не одинъ общій поклонъ всѣмъ докторамъ, а каждому порознь.

Онъ былъ боленъ неизлѣчимо, и дни его были сочтены, но онъ этого не зналъ, съ восторгомъ говорилъ о путешествіи въ Троицко-Сергіевскую лавру, которое онъ совершитъ по выздоровленіи, и о яблонѣ въ своемъ саду, которая называлась „бѣлый наливъ“, и съ которой нынѣшнимъ лѣтомъ онъ ожидалъ плодовъ. И въ хорошій день, когда стѣны и паркетный полъ палаты щедро заливались солнечными лучами, ни съ чѣмъ несравнимыми въ своей могучей

силѣ и красотѣ, когда тѣни на снѣжномъ бѣльѣ постелей становились прозрачно-синими, совсѣмъ лѣтними, — о. діаконъ громко напѣвалъ трогательную пѣсню:

„Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, избавльшую насъ отъ клятвы, Владычицу міра пѣснями почтимъ!..“

Голосъ его, слабый и нѣжный теноръ, начиналъ дрожать, и въ волненіи, которое онъ старался скрыть отъ окружающихъ, о. діаконъ подносилъ къ глазамъ платокъ и улыбался. Потомъ, пройдясь по комнатѣ, онъ вплотную подходилъ къ окну и вскидывалъ глаза къ голубому, безоблачному небу: просторное, далекое отъ земли, безмятежно красивое, оно само казалось величавою божественною пѣснью. И къ ея торжественнымъ звукамъ робко присоединялся дрожащій человѣческой голосъ, полный трепетной и страстной мольбы:

„Отъ многихъ моихъ грѣховъ немощствуетъ тѣло, немощствуетъ и душа моя: къ Тебѣ прибѣгаю, Благодатнѣй, надеждѣ ненадежныхъ, Ты мнѣ помози!..“

Въ опредѣленный часъ подавался обѣдъ, снова чай и ужинъ, а въ девять часовъ электрическая лампочка задерживалась синимъ матерчатымъ абажуромъ, и начиналась такая же длинная и пустая ночь.

Клиники затихали.

Только въ освѣщенномъ корридорѣ, куда выходили постоянно открытыя двери палатъ, вязали чулки сидѣлки и тихо шептались и переругивались, да изрѣдка, громко стуча ногами, проходилъ кто-нибудь изъ служителей, и каждый его шагъ выдѣлялся отчетливо и замиралъ въ строгой постепенности. Къ одиннадцати часамъ замирали и эти послѣдніе отголоски минувшаго дня, и звонкая, словно стеклянная, тишина, чутко сторожившая каждый легкій звукъ, передавала изъ палаты въ палату сонное дыханіе выздоравливающихъ, кашель и слабые стоны тяжелыхъ больныхъ. Легки и обманчивы были эти ночные звуки, и часто въ нихъ таилась страшная загадка: хрипитъ-ли больной, или же сама смерть уже бродитъ среди бѣлыхъ постелей и холодныхъ стѣнъ.

Кромѣ первой ночи, въ которую Лаврентій Петровичъ забылся крѣпкимъ сномъ, всѣ остальные ночи онъ не спалъ, и онѣ полны были новыхъ и жуткихъ мыслей. Закинувъ волосатыя руки за голову, не шевелясь, онъ пристально смотрѣлъ на свѣтившуюся сквозь синій абажуръ изогнутую проволоку и думалъ о своей жизни. Когда онъ былъ молодъ, и волосы его кучерявились на головѣ, онъ воровалъ у хозяина; его ловили и жестоко безъ пощады били, и онъ ненавидѣлъ тѣхъ, кто его билъ. Въ среднихъ годахъ онъ душилъ своимъ капиталомъ маленькихъ людей и презиралъ тѣхъ, кто попадался въ его руки, а они платили ему жгучей ненавистью и страхомъ. Пришла старость, пришла болѣзнь—и стали обкрадывать его самого, и онъ ловилъ неосторожныхъ и жестоко, безъ пощады билъ ихъ... Такъ прошла вся его жизнь, и была она одною горькою обидой и ненавистью, въ которой быстро гасли летучіе огоньки любви и только холодную золу да пепелъ оставляли на душѣ. Теперь онъ хотѣлъ уйти отъ жизни, позабыть, но тихая ночь была жестока и безжалостна, и онъ то смѣялся надъ людскою глупостью и глупостью своей, то судорожно стискивалъ желѣзныя скулы, подавляя долгій стонъ. Съ недоумѣніемъ къ тому, что кто-нибудь можетъ любить жизнь, онъ поворачивалъ голову къ сосѣдней постели, гдѣ спалъ діаконъ. Долго и внимательно онъ разсматривалъ бѣлый, неопредѣленный въ своихъ очертаніяхъ, бугорокъ и темное пятно лица и бороды и злорадно шепталъ:

— Ду-ракъ!

А днемъ душа его замирала, и тѣло послушно исполняло все, что прикажутъ, принимало лѣкарство и ворочалось. Но съ каждымъ днемъ оно слабѣло и скоро было оставлено почти въ полномъ покоѣ, неподвижное, громадное, и въ этой обманчивой громадности кажущееся здоровымъ и сильнымъ.

Слабѣлъ и о. діаконъ: меньше ходилъ по палатамъ, рѣже смѣялся, но когда въ палату заглядывало солнце, онъ начиналъ болтать весело и обильно, благодарилъ всѣхъ—и солнце, и докторовъ—и вспоминалъ все чаще о яблонѣ „бѣлый наливъ“. Потомъ онъ пѣлъ „Высшую небесъ“, и

темное осунувшееся лицо его становилось болѣе свѣтлымъ, но также и болѣе важнымъ: сразу видно было, что это поетъ діаконъ, а не псаломщикъ. Кончивъ пѣснь, онъ подходилъ къ Лаврентію Петровичу и рассказывалъ, какую бумагу ему дали при посвященіи.

— Вотъ этакая огромная, показывалъ онъ руками,—и по всей буквы, буквы. Какія черныя, какія съ золотой тѣнью. Рѣдкость, ей-Богу!

Онъ крестился на икону и съ уваженіемъ къ себѣ до-бавлялъ:

— А внизу печать архіерейская. Огромная, ей-Богу,—чисто ватрушка. Одно слово, за милую душу! Вѣрно, отецъ?

И онъ закатиисто смѣялся, скрывая свѣтлѣющіе глаза въ сѣти тоненькихъ морщинокъ. Но солнце пряталось за сѣрой снѣжной тучей, въ палатѣ тускнѣло, и, вздыхая, о. діаконъ ложился въ постель.

III.

Въ полѣ и садахъ еще лежалъ снѣгъ, но улицы давно были чисты отъ него, сухи и въ мѣстахъ большой ѣзды даже пыльны. Солнце лило въ палату цѣлые потоки свѣта и такъ пригрѣвало, что приходилось отъ него прятаться, какъ лѣтомъ, и не вѣрилось, что за тонкими стеклами оконъ воздухъ холоденъ, свѣжъ и сыръ. Сама палата, съ ея высокими потолками, казалась при этомъ свѣтъ узкимъ и душнымъ закоулкомъ, въ которомъ нельзя протянуть руки, чтобы не наткнуться на стѣну. Голосъ улицы не проникалъ въ клинику сквозь двойныя рамы, но когда по утрамъ въ палатѣ открывали большую откидную фортку—внезапно, безъ переходовъ, врывался въ нее пьяно-веселый и шумный крикъ воровъ. Всѣ остальные звуки затихали передъ нимъ, скромные и какъ будто обиженные, а онъ торжествующе разносился по корридорамъ, подымался по лѣстницамъ, дерзко врывался въ лабораторію, звонко перебѣгая по стекляннымъ колбочкамъ. Удаленные въ корридоръ больные улыбались наивному, мальчишески дерзкому крику, а о. діаконъ закрывалъ глаза, протягивалъ впередъ руки и шепталъ:

— Воровей! За милую душу, воровей!

Фортка закрывалась, звонкій воробыный крикъ умиралъ такъ же внезапно, какъ и родился, но больные точно еще надѣялись найти спрятанные отголоски его, торопливо входили въ палату, безпокойно оглядывали ее и жадно дышали расплывающимися волнами свѣжаго воздуха.

Теперь больные чаще подходили къ окнамъ и по-долгу простаивали у нихъ, протирая пальцами и безъ того чистыя стекла; неохотно, съ ворчаніемъ ставили градусники и говорили только о будущемъ. И у всѣхъ будущее это представлялось свѣтлымъ и хорошимъ. Въ положеніи больныхъ восьмой палаты замѣтныхъ перемѣнъ не произошло: студентъ Торбецкій поправлялся, а Лаврентій Петровичъ и о. діаконъ съ каждымъ днемъ слабѣли; жизнь и сила выходили изъ нихъ съ такой зловѣщей безшумностью, что они и сами почти не догадывались объ этомъ, и казалось, что никогда они и не ходили по палатѣ, а все такъ же спокойно лежали въ постеляхъ.

И все такъ же регулярно приходили доктора въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ и студенты, выслушивали и выстукивали, и говорили между собою.

Въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста о. діаконъ водили на лекцію, и вернулся онъ изъ аудиторіи возбужденный и разговорчивый. Онъ закатисто смѣялся, какъ и въ первое время, крестился и благодарилъ, и по временамъ подносилъ къ глазамъ платокъ, послѣ чего глаза становились красными.

— Чего это вы плачете, о. діаконъ?—спросилъ студентъ.

— Ахъ, отецъ, и не говорите:—съ умиленіемъ отозвался діаконъ,—такъ это хорошо, за милую душу! Посадили меня Семень Николаичъ въ кресло, сами стали рядомъ и говорятъ студентамъ: „Вотъ, говорятъ, діаконъ...“

Здѣсь о. діаконъ сдѣлалъ важное лицо, нахмурился, но слезы снова навернулись на его глазахъ, и стыдливо отвернувшись, онъ пояснилъ:

— Ужъ очень трогательно читаютъ Семень Николаевичъ! Такъ трогательно, что вся душа перевертывается. Жилъ, говорятъ, былъ діаконъ...

О. діаконъ всхлипнулъ.

— Жиль-быль діаконъ.

Дальше отъ слезъ о. діаконъ продолжать не могъ, но уже улегшись въ постель, изъ-подъ одѣяла, шепнулъ сдавленнымъ голосомъ:

— Всю жизнь рассказали. Какъ это я былъ псаломщикомъ, не доѣдалъ. Про жену тоже, спасибо имъ, упомянули. Такъ трогательно, такъ трогательно: будто померъ ты, и надъ тобою читаютъ. Жиль говорятъ... былъ, говорятъ... діаконъ.

И пока о. діаконъ говорилъ, всѣмъ стало видно, что этотъ человѣкъ умереть, стало видно съ такою непреложною и страшною ясностью, какъ будто сама смерть стояла здѣсь, между ними. Невидимымъ страшнымъ холодомъ и тьмою повѣяло отъ веселаго діакона, и когда съ новымъ всхлипываніемъ онъ скрылся подъ одѣяломъ, Торбецкій нервно потеръ похолодѣвшія руки, а Лаврентій Петровичъ грубо разсмѣялся и закашлялся.

Въ субботу о. діаконъ получилъ изъ дому письмо. Онъ ждалъ его уже цѣлую недѣлю, и всѣ въ клиникѣ знали, что о. діаконъ ждетъ письма, и беспокоились вмѣстѣ съ нимъ. Приободрившійся и веселый, онъ всталъ съ постели и медленно бродилъ по палатамъ, всюду показывая письмо, принимая поздравленія, кланяясь и благодаря.

И онъ показывалъ четвертую страницу письма, на которой неумѣлыми, дрожащими линиями былъ обведенъ контуръ растопыренной дѣтской руки, и посерединѣ, какъ разъ на ладони, было написано. „Тосикъ руку приложилъ“.

— Внукъ-то, хорошъ? Четыре года всего, а умень, такъ умень, что не могу я вамъ этого выразить. Руку приложилъ. а?—въ восторгѣ отъ остроумной штуки о. діаконъ хлопалъ себя руками по колѣнямъ и сгибался отъ приступа неудержимаго, тихаго смѣха. И лицо его, давно не видѣвшее воздуха, изжелта-блѣдное, становилось на минуту лицомъ здороваго человѣка, дни котораго еще не сочтены. И голосъ его дѣлался крѣпкимъ и звонкимъ, и бодростью дышали звуки трогательной пѣсни:

„Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, избавльшую насъ отъ клятвы, Владычицу міра пѣснями почитимъ!..“

Въ этотъ же день водили на лекцію Лаврентія Петровича. Пришелъ онъ оттуда взволнованный, съ дрожащими руками и кривой усмѣшкой, сердито оттолкнулъ няньку, помогавшую ему ложиться въ постель, тотчасъ же закрылъ глаза. Но о. діаконъ, самъ пережившій лекцію, дождался момента, когда глаза Лаврентія Петровича пріоткрылись, и съ участливымъ любопытствомъ началъ допрашивать о подробностяхъ осмотра.

Какъ, отецъ, трогательно, а? Тоже, небойсь, и про тебя говорили: жилъ, говорятъ, былъ купецъ...

Лицо Лаврентія Петровича гнѣвно передернулось, обжегши діакона взглядомъ, онъ повернулся къ нему спиной и снова рѣшительно закрылъ глаза.

— Ничего, отецъ, ты не безпокойся. Выздоровѣешь, да какъ еще откальвать-то начнешь,—по-небесному!—продолжалъ о. діаконъ. Онъ лежалъ на спинѣ и мечтательно глядѣлъ въ потолокъ, на которомъ игралъ невѣдомо откуда отраженный солнечный лучъ. Студентъ ушелъ курить, и въ минуты молчанія слышалось только тяжелое и короткое дыханіе Лаврентія Петровича.

— Да, отецъ,—медленно, съ спокойной радостью говорилъ о. діаконъ,—если будешь въ нашихъ краяхъ, къ мнѣ заѣзжай. Отъ станціи пять верстъ,—тебя всякій мужикъ довезетъ. Ей-Богу, пріѣзжай, угощу тебя за милую душу. Квасъ у меня—такъ это выразить я тебѣ не могу, до чего сладостень!

О. діаконъ вздохнулъ и, помолчавъ, продолжалъ:

— Къ „Троицъ“ я вотъ тоже схожу. И за твое имя просфору выну. Потомъ соборы осмотрю. Въ баню пойду. Какъ онъ, отецъ, прозываются: торговья, что ли?

Лаврентій Петровичъ не отвѣтилъ, и о. діаконъ рѣшилъ самъ:

— Торговья. А тамъ, за милую душу—домой!

Діаконъ блаженно умолкъ, и въ наступившей тишинѣ

короткое и прерывистое дыханіе Лаврентія Петровича напоминало гнѣвное сопѣніе паровика, удерживаемаго на запасномъ пути. И еще не разсѣялась передъ глазами діакона вызванная имъ картина близкаго счастья, когда въ ухо его вошли непонятныя и ужасныя слова. Ужасъ былъ въ одномъ ихъ звукѣ; ужасъ былъ въ грубомъ и злобномъ голосѣ одно за однимъ роняшемъ безсмысленныя, жестокія слова.

— На Ваганьково кладбище пойдешь,—вотъ куда!

— Что ты говоришь, отецъ?—не понималъ діаконъ.

— На Ваганьково, на Ваганьково, говорю, пора—отвѣтилъ Лаврентій Петровичъ. Онъ повернулся лицомъ къ о. діакону и даже голову спустилъ съ подушки, чтобы ни одно слово не миновало того, въ кого оно было направлено.—А то въ анатомическій тебя сволокутъ и такъ тамъ тебя взрѣжутъ,—за милую душу!

Лаврентій Петровичъ размѣялся.

— Что ты, что ты. Богъ съ тобой!—бормоталъ о. діаконъ.

— Со мною-то ничего, а вотъ какъ тутъ покойниковъ хоронятъ, такъ это потѣха. Сперва руку отрѣжутъ,—руку похоронятъ. Потомъ ногу отрѣжутъ, ногу похоронятъ. Такъ много-то незадачливаго покойника цѣлый годъ таскаютъ, перетаскать не могутъ.

Діаконъ молчалъ и остановившимся взглядомъ смотрѣлъ на Лаврентія Петровича, а тотъ продолжалъ говорить. И было что-то отвратительное и жалкое въ безстыдной прямотѣ его рѣчи.

— Смотрю я на тебя, о. діаконъ, и думаю: старый ты человѣкъ, а глупъ. прямо сказать, до святости. Ну, и чего ты ерепенишься: къ „Троицъ“ поѣду, въ баню пойду. Или вотъ тоже про яблоню „бѣлый наливъ“. Жить тебѣ всего недѣлю, а ты...

— Недѣля?

— Ну да, недѣля. Не я говорю,—доктора говорятъ. Лежалъ я намени, быдто спалъ, а тебя въ палатѣ не было,—вотъ студенты и говорятъ: а скоро, говорятъ, нашему діакону и того. Недѣлку протянетъ.

— Прот-я-не-тъ?

— А ты думаешь, она помилуетъ?—Слово „она“ Лаврентій Петровичъ говорилъ съ страшною выразительностью. Затѣмъ онъ поднялъ кверху свой огромный бугроватый кулакъ и, печально полюбовавшись его массивными очертаніями, продолжалъ.—Вотъ, глянь-ка! Приложу кого, такъ тутъ ему азъ и хвертъ и будетъ. А тоже... Ну да, тоже. Эхъ діаконъ пустоголовый: къ „Троицъ“, въ баню пойду. Получше тебя люди жили, да и тѣ помирали.

Лицо о. діакона было желто, какъ шафранъ; ни говорить, ни плакать онъ не могъ, ни даже стонать. Молча и медленно онъ опустился на подушку и старательно, убѣгая отъ свѣта и отъ словъ Лаврентія Петровича, завернулся въ одѣяло и притихъ. Но тотъ не могъ не говорить: каждымъ словомъ, которымъ онъ поражалъ діакона, онъ приносилъ себѣ отраду и облегченіе. И съ притворнымъ добродушіемъ онъ повторялъ:

— Такъ-то, отче. Черезъ недѣльку. Какъ ты говоришь: азъ и хвертъ? Вотъ тебѣ азъ и хвертъ. А ты въ баню,—чудасія! Развѣ вотъ на томъ свѣтѣ насъ съ тобой горячими вѣниками попарятъ,—это отчего же, очень возможно.

Но тутъ вошелъ студентъ, и Лаврентій Петровичъ неохотно умолкъ.

IV.

Въ эту ночь, томительно долгую и пустую, такъ же горѣла лампочка подъ синимъ абажуромъ, и звонкая тишина вздрагивала и путалась, разнося по палатамъ тихіе стоны, храпъ и сонное дыханіе больныхъ. Гдѣ-то упала на камень чайная ложка, и звукъ получился чистый, какъ отъ колокольчика, и долго еще жилъ въ тихомъ и неподвижномъ воздухѣ. Въ палатѣ № 8 никто не спалъ въ эту ночь, но всѣ лежали тихо и походили на спящихъ.

Далеко, въ темной и пустынной аудиторіи, пробило три часа, когда въ ухо начавшаго дремать Лаврентія Петровича вошелъ тихій, дрожащій и загадочный звукъ. Онъ родился тотчасъ за музыкальнымъ боемъ часовъ и въ пер-

вую секунду показался нѣжнымъ и красивымъ, какъ далекая печальная пѣсня. Лаврентій Петровичъ прислушался: звукъ ширился и росъ, и все такой же мелодичный, походилъ теперь на тихій плачь ребенка, котораго заперли въ темную комнату, и онъ боится тьмы и боится тѣхъ, кто его заперъ, и сдерживаетъ бьющіеся въ груди рыданія и вздохи. Въ слѣдующую секунду Лаврентій Петровичъ проснулся совсѣмъ и разомъ понялъ загадку: плакалъ кто-то взрослый, плакалъ некрасиво, даваясь слезами, задыхаясь.

— Кто это?—испуганно спросилъ Лаврентій Петровичъ, но не получилъ отвѣта. Плачь замеръ, и отъ этого въ палатѣ стало еще печальнѣе и тоскливѣе. Бѣлыя стѣны были неподвижны и холодны, и не было никого живого, кому можно было бы пожаловаться на одиночество и страхъ и просить защиты.

— Кто это плачетъ?—повторилъ Лаврентій Петровичъ.—Дьяконъ, это ты?

Рыданіе словно пряталось гдѣ-то тутъ-же, возлѣ Лаврентія Петровича, и теперь, ничѣмъ не сдерживаемое, вырвалось на свободу. Одѣяло, укрывавшее о. діакона, заколыхалось, и металлическая дощечка дребезжащимъ стукомъ ударилась объ желѣзку.

— Что ты! Что ты!—бормоталъ Лаврентій Петровичъ.— Не плачь.

Но о. діаконъ плакалъ, и все чаще ударялась дощечка, сотрясаемая рыдающимъ и бьющимся тѣломъ. Лаврентій Петровичъ сѣлъ на постель, задумался и потомъ медленно спустилъ на полъ затекшія ноги. Когда онъ всталъ на нихъ, въ голову ему ударило чѣмъ-то теплымъ и шумящимъ,—словно цѣлый десятокъ жернововъ завертѣлся и загрохоталъ въ его мозгу,—дыханіе прервалось, и потолокъ быстро поплылъ куда-то внизъ. Съ трудомъ удержавшись на ногахъ отъ приступа головокруженія, ощущая толчки сердца такъ ясно, какъ будто изнутри груди кто-то билъ молоткомъ, Лаврентій Патровичъ отдышался и рѣшительно перешагнулъ пространство, отдѣлявшее его отъ постели о. діакона,—полтора шага. Здѣсь ему снова пришлось передох-

ноть. Прерывисто и тяжело сопя носомъ, онъ положилъ руку на вздрагивавшій бугорокъ, подвинувшійся, чтобы дать ему мѣсто на постели, и просительно сказалъ:

— Не плачь. Ну, чего плакать? Боишься умирать?

О. діаконъ порывисто сдернулъ одѣяло съ головы и жалобно вскрикнулъ:

— Ахъ, отецъ!

— Ну, что? Боишься?

— Нѣтъ, отецъ, не боюсь, тѣмъ же жалобно-поющимъ голосомъ отвѣтилъ діаконъ и энергично покачалъ головой.— Нѣтъ, не боюсь, повторилъ онъ и, снова повернувшись на бокъ, застоналъ и дрогнулъ отъ рыданій

— Ты на меня не сердись, что тебѣ давеча сказалъ,— попросилъ Лаврентій Петровичъ.— Глупо, братъ, сердиться.

— Да я не сержусь. Чего я буду сердиться? Развѣ это ты смерть накликалъ? Сама приходитъ...—и о. діаконъ вздохнулъ высокимъ, все подымающимся звукомъ.

— Чего же ты плачешь?—все также медленно и недоумѣнно спрашивалъ Лаврентій Петровичъ. Жалость къ о. діакону начала проходить и смѣнялась мучительнымъ недоумѣніемъ. Онъ вопросительно переводилъ глаза съ темнаго діаконова лица на его сѣденькую бороденку, чувствовалъ подъ рукою безсильное трепыханіе худенькаго тѣльца и недоумѣвалъ.

— Чего же ты ревешь?—настойчиво спрашивалъ онъ.

О. діаконъ охватилъ руками лицо и, раскачивая головой, произнесъ высокимъ, поющимъ голосомъ:

— Ахъ, отецъ, отецъ! Солнушка жалко. Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ... въ Тамбовской губерніи, свѣтитъ. За ми... За милую душу!

Какое солнце?—Лаврентій Петровичъ не понялъ и разсердился на діакона. Но тутъ же онъ вспомнилъ тотъ по-

токъ горячаго свѣта, что днемъ вливался въ окно и золотилъ полъ, вспомнилъ, какъ свѣтило солнце въ Саратовской губерніи на Волгу, на лѣсъ, на пыльную тропинку въ полѣ,—и всплеснулъ руками, и ударилъ ими себя въ грудь, и съ хриплымъ рыданіемъ упалъ лицомъ внизъ на подушку, бокъ-о-бокъ съ головой діакона. Такъ плакали они оба. Плакали о солнцѣ, котораго больше не увидятъ, о яблонѣ „бѣлый наливъ“, которая безъ нихъ дастъ свои плоды, о тѣмъ, которая охватитъ ихъ, о милой жизни и жестокой смерти. Звонкая тишина подхватывала ихъ рыданія и вздохи и разносила по палатамъ, смѣшивая ихъ съ здоровымъ храпомъ сидѣлокъ, утомленныхъ за день, со стонами и кашлемъ тяжелыхъ больныхъ и легкимъ дыханіемъ выздоравливающихъ.

Умеръ Лаврентій Петровичъ въ слѣдующую ночь, въ пять часовъ утра. Съ вечера онъ крѣпко уснулъ, проснулся съ сознаниемъ, что онъ умираетъ, и что ему нужно что-то сдѣлать: позвать на помощь, крикнуть или перекреститься.— и потерялъ сознание. Высоко поднялась и опустилась грудь, дрогнули и разошлись ноги, свисла съ подушки отяжелѣвшая голова, и размашисто скатился съ груди массивный кулакъ. О. діаконъ услышалъ сквозь сонъ скрипъ постели и, не открывая глазъ, спросилъ:

— Ты что, отецъ?

Но никто не отвѣтилъ ему, и онъ снова уснулъ. Днемъ доктора увѣрили его, что онъ будетъ жить, и онъ повѣрилъ имъ и былъ счастливъ: кланялся съ постели одной головой, благодарилъ и поздравлялъ всѣхъ съ праздникомъ.

Иноепархіальныя извѣстія.

Въ Астраханской епархіи на епархіальномъ сѣздѣ об-суждался вопросъ о срокахъ созывовъ епархіальныхъ сѣздовъ. Изъ представленныхъ 17 журналовъ окружныхъ сѣздовъ семь высказалось за ежегодный созывъ Епархіальнаго Сѣзда, а остальные черезъ одинъ—два и три года; одинъ—по усмотрѣнію епархіальной власти, одинъ сужденія совѣмъ не представилъ, въ одномъ округѣ мнѣнія раздѣлились. Изъ разсмотрѣнныхъ журналовъ видно, что мотивами, противорѣчащими ежегодному созыву сѣзда, выступаютъ матеріальныя издержки, другихъ болѣе существенныхъ доводовъ нѣтъ. Въ журналахъ, говорящихъ въ пользу и необходимость ежегодности ихъ, приводятся мнѣнія: а) епархіальные сѣзды имѣютъ громадное значеніе для оживленія церковно-приходской жизни всей епархіи и лучшаго отправленія пастырской дѣятельности вообще и миссіонерской въ частности; взаимный обмѣнъ мыслями и опытомъ между пастырями, при которомъ болѣе даровитые и опытные могутъ подѣлиться своими мыслями и опытомъ съ молодыми и менѣе опытными, сильные и горячіе духомъ возбудить и укрѣпить немощныхъ, которые воспринятія ими идеи понесутъ во всѣ уголки епархіи; б) всесторонне освѣщаютъ положеніе всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній; в) вошли въ жизнь и сдѣлались необходимы для рѣшенія денежныхъ операцій, каковое дѣло весьма щекотливо и нѣтъ сомнѣнія, что со времени ближайшаго участія ктиторовъ въ нихъ населеніе много ближе ознакомилось съ дѣятельностью сѣздовъ, стало болѣе довѣряться духовенству, увѣрилось, что требуемые съ церковей суммы слѣдуютъ на цѣли благія и доходятъ по назначенію; г) въ средѣ населенія рѣшенія сѣзда пользуются большимъ авторитетомъ и д) при настоящемъ порядкѣ, когда епархіальные сѣзды бывають ежегодно, удовлетвореніе смѣтъ духовно-учебныхъ заведеній и разныхъ епархіальныхъ учрежденій происходитъ изъ выясненной ко времени сѣзда чистой прибыли епархіальнаго свѣчнаго завода, въ случаѣ же созыва епархіальнаго сѣзда черезъ два-три года, таковой выясненной уже готовой чистой прибыли завода не можетъ быть. („А. Еп. Вѣд.“).

— Въ Самарскихъ Еп. Вѣд. помѣщена весьма интерес-

ная статья священника Николая Пономарева „О церковно-богослужебномъ языкѣ“. Мысли о. Пономарева очень оригинальны. Мы приводимъ статью почти полностью. „Каждому іерею, пишетъ авторь, съ живой душой, съ первыхъ дней поступленія въ приходъ приходится замѣчать, что церковнославянскій языкъ своей непонятностью народнымъ массамъ, мертвитъ богослуженіе, ведетъ къ разсѣянности и образованію у нѣкоторыхъ своихъ молитвъ, состоящихъ изъ набора словъ, не понятныхъ для богомольца, кои и шепчутся послѣдними, независимо отъ совершаемаго богослуженія. Желая избѣжать подобныхъ дефектовъ и достигнуть того, чтобы прихожане „едиными устами и единымъ сердцемъ“ славили Бога, я рискнулъ на всенощномъ богослуженіи завести чтеніе на русскомъ языкѣ: псалма 33-го—„Благословлю Господа на всякое время“, шестопсалмія, каѳизмъ, канона, перваго часа, и апостола на Литургіи. Дѣлалъ, сначала, такъ: одну всенощную псалмы читали на русскомъ языкѣ дѣвочки церковно-приходской школы, другую по церковно-славянски ученики земской школы. Прислушался, что говорятъ прихожане. Заговорили такъ: „какъ дѣвочки хорошо, внятно и понятно читаютъ, сразу видно что въ церковной школѣ учатъ хорошо, а у земскихъ учениковъ ничего не поймешь, зачѣмъ ихъ батюшка заставляетъ и читать“. Оказалось, народъ не понялъ того, что дѣвочки читаютъ по русски, оттого все имъ внятно и понятно, а мальчики по церковнославянски, оттого имъ и невразумительно. Когда я объяснилъ причину разности чтенія, крестьяне крайне удивились и заявили: „чего же ранѣе-то намъ не читали по русски, а держали въ темнотѣ“? Ни волнений, ни одного голоса въ защиту церковно-славянскаго языка Отсюда—пуганіе новымъ расколомъ,—излишнія разсужденія. А русское чтеніе производило неотразимое впечатлѣніе и возбуждало религиозное воодушевленіе. Какъ то невольно отдаешься молитвѣ. Молитвенное настроеніе народа не оставляло желать лучшаго, особенно оно достигало своей высоты, когда о. діаконъ выходилъ на средину церкви и около Евангелія начиналъ речитативомъ читать канонъ—по русски. Волны молящагося народа сильно дѣйствовали на чтеца, онъ возбуждался еще болѣе, чтеніе становилось задушевнѣе, а это все передавалось невольно моля-

щимся, и чувствовалось, что вотъ когда церковь-единими устами и сердцемъ славить Бога. Многіе изъ прихожанъ и даже заѣзжихъ интеллигентовъ наивно заявляли: „а мы и не знали, что такъ псалмы и вообще церковныя чтенія хороши“. Въ селѣ проживаетъ престарѣлая псаломщическая вдова. О чтеніи церковномъ выражается она такъ: „прежде чтеніе бывало, не поймешь, а нынѣ все до одного слова понимаю и даже на старости лѣтъ заучила нѣкоторыя псалмы наизусть“. И дѣйствительно, придя отъ всенощной, впередъ предъ зажженной лампадой прочитаетъ по русски псаломъ 100-й: „Милость и судъ буду пѣть“, а потомъ уже раздѣвается. Ранѣе она шептала свои особенныя молитвы, а нынѣ молится общею церковной молитвой. Какъ-то къ намъ ко всенощной попалъ вездѣ бывалый и довольно развитой подрядчикъ—строитель церквей. Пріѣхавъ послѣ въ то село, гдѣ онъ строилъ церковь, заявилъ священнику: „ну, батюшка, былъ я въ селѣ N у всенощной, такъ тамъ хорошо читаютъ и поютъ, что насильно заставляютъ молиться,—вотъ бы и вамъ такъ устроить службу“. Священникъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и спрашиваетъ: какъ достигли того, что молящіеся въ восторгѣ отъ службы? Я объяснилъ: благодаря чтенію на русскомъ языкѣ, понятному для богомольцевъ. Но этому священнику я не совѣтывалъ вводить русское чтеніе въ богослуженіи, такъ какъ я и самъ дѣлалъ лишь опытъ и разрѣшенія отъ Епархіальной власти на это не получалъ. Многіе священники побывали у меня за всенощной и всѣ въ одинъ голосъ говорили о прекрасномъ и неотразимомъ вліяніи русскаго чтенія, какъ на нихъ самихъ, такъ и на богомольцевъ. Но я все-таки совершалъ дѣло неразрѣшенное Епархіальнымъ начальствомъ, въ душѣ тяготился невыясненностью положенія и искалъ случая объясниться съ Преосвященнымъ. Случай представился. 1911 года 8 сентября Преосвященный Константинъ недалеко отъ моего села совершалъ освященіе храма въ инородческомъ (чувашскомъ) селѣ. Пѣли три хора: два инородческихъ—по чувашски и одинъ—по церковно-славянски, а одинъ діаконъ—инородецъ говорилъ нѣкоторыя эктениі на инородческомъ нарѣчій. Послѣ литургіи, за бесѣдой, сопровождавшій Владыку ключарь Собора замѣтилъ, что какъ только діаконъ инородецъ начнетъ говорить эктениі на инородческомъ языкѣ, а инородческой хоръ

пѣть. то довольно замѣтно усиливается молитвенное настроеніе богомольцевъ и часто кладется крестное знаменіе. Владыка подтвердилъ. Этимъ обстоятельствомъ я воспользовался и сталъ говорить: „разъ на инородцевъ ихъ родной языкъ въ богослуженіи производить такое неотразимое вліяніе, то точно также и русскій языкъ съ такимъ же успѣхомъ будетъ вліять на русскій народъ“. И добавилъ: „я, Владыко, въ нѣкоторомъ родѣ предъ Вами преступникъ, ибо безъ Вашего разрѣшенія завелъ у себя въ храмѣ чтеніе на русскомъ языкѣ“. Преосвященный сначала удивился моему заявленію и высказался, что лучше объяснять и переводить прихожанамъ непонятныя слова, чѣмъ читать на русскомъ языкѣ. Мною было указано, что трудно и прямо невозможно, особенно при малоразвитости и безграмотности многихъ прихожанъ, научить всѣхъ церковно-славянскому языку, да еще при обилии богослужебнаго матеріала; приведенъ былъ въ примѣръ одинъ священникъ, который каждый годъ переводитъ для себя слова: „чермнуетъ бо ся дряселуя небо“, и обязательно черезъ годъ забываетъ этотъ переводъ, а между тѣмъ русскій языкъ благотворно дѣйствуетъ какъ на прихожанъ, такъ и всѣхъ страннихъ, побывавшихъ въ храмѣ. Тогда Преосвященный Константинъ въ отвѣтъ на мои рѣчи произнесъ: „разъ вашимъ прихожанамъ нравится русскій языкъ въ богослуженіи, вы признаете его полезность, такъ съ Богомъ, и служите на немъ.“ Какъ камень съ плечъ моихъ свалились неопредѣленность и боязнь за введеніе русскаго языка въ богослуженіи, и я нынѣ, къ радости прихожанъ, славлю Бога на родномъ языкѣ. Вотъ живая картина съ натуры. Слышали русское чтеніе въ моемъ храмѣ люди интеллигентные и простой народъ, никому оно ухо не рѣзало и не казалось страннымъ, но всѣ свидѣтельствовали о его необходимости и благотворности. И это при русскомъ переводѣ съ греческими оборотами, съ своеобразными разстановками элементовъ предложенія, свойственныхъ византійскому стилю. А развѣ не можетъ быть выработанъ особый церковно-богослужебный стиль въ русской рѣчи?!.. Пора, пора серьезно подумать о назрѣвшей нуждѣ—замѣны церковно-славянскаго богослужебнаго языка—русскимъ. Сама жизнь потребность въ религіозной осмысленности, необходимость сознательнаго въ молитвѣ общенія

съ Богомъ—всѣ это давно вопіють о живомъ, понятномъ для всѣхъ языкѣ въ богослуженіи. Я только при наличности русскаго языка въ богослуженіи увидѣлъ, что наше православное богослуженіе есть самая лучшая проповѣдь о всемъ дѣлѣ нашего спасенія. Оно одно способно и умудрить, и наставить человѣка на пути къ царствію Божію. Въ эту великую сокровищницу всѣ великіе и святые мужи вкладывали все то, что „къ животу и благочестію“, и затемнять это, предлагать въ неясномъ и непонятномъ видѣ, есть большая и вредная ошибка.

— *Религіозно-нравственныя болѣзни нашего времени и мѣры къ ихъ излеченію.* Дѣла церковныя оживились за послѣднее время рядомъ съѣздовъ и миссіонерскихъ курсовъ. Миссіонерскіе курсы въ Новгородѣ, при участіи мѣстнаго духовенства, преподавателей семинаріи и епархіальнаго миссіонера, продолжались съ недѣлю. Послѣ молебна слѣдовала рѣчь владыки Арсенія. „Существенный моментъ пастырской дѣятельности—миссіонерствованіе“,—такъ началъ архіепископъ. Работа современнаго пастыря сосредоточивается среди интеллигенціи и народа. Интересенъ, между прочимъ, взглядъ владыки на интеллигенцію. Послѣдняя—растеніе Запада и отраженіе того, что совершается за рубежомъ. Подобно тому, какъ на Западѣ кумиры расцвѣтаютъ быстро и быстро же падаютъ,—идеалы нашей интеллигенціи „нѣчто текущее, постоянно смѣняющееся“. Лишь преклоненіе ея передъ своимъ разумомъ остается неизмѣннымъ, и въ вопросахъ вѣры сказывается отрицаніе авторитета Церкви“. „Шагающая интеллигенція принадлежитъ лишь къ христіанству безцерковному или вовсе не интересуется предметами вѣры. Религіозная жизнь ея прекратилась, замерла. Что касается простого народа, то онъ хотя въ массѣ и вѣренъ православію, но и въ его средѣ появились „просвѣтители“, стремящіеся пошатнуть его вѣковое міросозерцаніе, увлекая въ сектантство. Согласно этому и дѣятельность пастыря должна сосредоточиться на томъ, чтобы „вернуть“ интеллигенцію домой, къ народнымъ идеаламъ и охранять народъ отъ развращающей проповѣди“. Владыка призывалъ духовенство не ужасаться передъ величіемъ задачи возможно малыми успѣхами, утѣшаясь тѣмъ, что Господь и „намѣренія цѣлуешь“. Въ первомъ засѣданіи курсовъ протоіерей Твер-

дынскій читаль объ условіяхъ и причинахъ распространенія сектантства на Руси въ прошломъ и настоящемъ. Имъ указывалось на двоякія школы и ихъ религіозное направленіе, на дѣло проповѣдничества въ прошломъ и настоящемъ, на отрицательныя черты нынѣшняго богослуженія: невнятность, небрежность въ чтеніи, отсутствіе дисциплины въ храмѣ, вліяніе иностранцевъ, возросшее и вредно отразившееся со временъ Петра Великаго, прежде всего на интеллигенціи и черезъ нее на простомъ народѣ. „Народъ не знаетъ истинъ православія“—и тѣмъ легче проникновеніе въ его срдѣ сектантства, прежде всего, на почвѣ экономической, въ связи со способами пропаганды, носящими нерѣдко увлекательный характеръ. Такъ, у хлыстовъ практикуется „молитва на кругу“, есть пророки, подобные слетѣвшему „съ небесныхъ круговъ Гавріилу“. Въ сектахъ раціоналистическихъ каждый старается „просвѣтить“. Пропаганда идетъ черезъ прислугу, лавочки, популярныя изданія общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія—хорошія книги, календари, черезъ богослуженія въ помѣщеніяхъ на бойкомъ мѣстѣ. Черезъ молитвенныя собранія совращено 75 проц. Епископъ Андроникъ высказалъ свои мысли о путяхъ, которыми проникаетъ сектантство. Одной изъ главныхъ причинъ онъ ставитъ болѣзнь Церкви, слабыя стороны духовенства православнаго, которыми сектанты пользуются, подрывая, прежде всего, уваженіе и довѣріе къ пастырямъ Церкви. Онъ указывалъ при этомъ на эпоху аріанства и господствовавшей тогда въ церкви разладъ. Такъ и теперь. Не вступая въ борьбу съ православіемъ прямо, сектанты указываютъ на недочеты духовенства: поборы, нетрезвость, непечительность о паствѣ, и т. п., и въ противовѣсъ указываютъ на положительное въ сектантствѣ: простоту вѣры въ свою спасенность. Затѣмъ слѣдуетъ дружная воодушевленная дѣятельность сектантовъ въ дѣлѣ проповѣди Евангелія, организованная взаимопомощь, трезвость, порядочность поведенія въ жизни, разнаго рода духовно-образовательные кружки и т. п. Для борьбы съ проникновеніемъ сектантства епископъ предлагалъ, какъ мѣры: живую церковную проповѣдь, общее пѣніе, усиленіе катихизаціи, организацію кружковъ ревнителѣй истинной вѣры Христовой, миссіонерскіе курсы и съѣзды, оживленіе церковной благотворительности, широкое зна-

комство съ пасомыми. Послѣ обмѣна мнѣній было высказано, между прочимъ, пожеланіе „возвратиться къ строгой церковной дисциплинѣ“ до временнаго отлученія отъ Церкви самими священниками, съ донесеніемъ благочинному; это пожеланіе встрѣтило, однако, немного сторонниковъ. Преподавателемъ семинаріи г. Гедевскимъ была предложена лекція о модернизмѣ. Модернизмъ, имѣющій мѣсто, главнымъ образомъ, въ католицизмѣ, — крупное религіозно-политическое движеніе нашихъ дней, отражающееся и у насъ среди интеллигенціи и даже въ народной массѣ, почему лекторъ и счелъ не лишнимъ познакомить собраніе пастырей съ его теченіями и основаніями отверженія преданій и обычаевъ стараго католицизма. В. Н. Финиковъ читалъ „о ходячихъ возраженіяхъ противъ Библии“. Въ защиту отъ таковыхъ, лекторъ указывалъ на то, что мы имѣемъ въ своемъ преклоненіи передъ св. Библіей союзниковъ въ лицѣ людей геніальныхъ. Въ Библии не скрываются ни хорошія, ни дурныя черты, и хотя въ ней есть соблазнительныя картинки, но ихъ немного, да и притомъ „для чистыхъ все чисто“. Примѣняя же слишкомъ строгую критику, можно дойти и до исключенія всѣхъ классиковъ. Священникъ о. А. Успенскій предложилъ докладъ „Объ отношеніи интеллигенціи къ Церкви“. Интеллигенція является виновницей разрушительной работы подъ корни и основы Церкви Христовой. „Насталъ моментъ и намъ прислушаться къ подземному гулу подпольной работы и пока не поздно, забить тревогу для защиты Церкви Христовой!“—взываетъ пастырь. Въ интеллигенціи, по его мнѣнію, развивается духъ гордыни и теплохладности“ масса ея отвернулась отъ простонародной вѣры, и духовное отчужденіе создалось между нею и народомъ (!), она не посѣщаетъ богослуженій, предпочитая ихъ „умилительности“ обычаи, заимствованные у иностранцевъ—поздніе обѣды и долгій сонъ, удерживаетъ дѣтей отъ посѣщенія храмовъ, утрачиваетъ сознаніе христіанскаго долга, не постится. Однако, докладчикъ не отрицаетъ въ средѣ интеллигенціи „исканія Бога“, опираясь на авторитеты писателей. Кромѣ упомянутыхъ докладовъ, обсуждались нѣкоторые чисто спеціальные вопросы: о крещеніи взрослыхъ и младенцевъ, поминовеніи усопшихъ и др., причемъ епархіальнымъ миссіонеромъ предлагался длинный рядъ текстовъ и указаній на источники

Священнаго Писанія, коими слѣдуетъ руководствоваться при убѣжденіи сектантовъ. „С.-П.Б. Вѣд.“ № 269.

— Секта „*Стефановщина*“, или „*Подгорновщина*“. Членамъ Синода разосланъ докладъ курскаго архіепископа Стефана о распространеніи въ Курской епархіи особой секты, извѣстной подъ названіемъ „*стефановщины*“, или „*подгорновщины*“. Во многихъ селахъ и городахъ Курской губерніи насчитываются сотни послѣдователей и почитателей монаха суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря Стефана, въ мірѣ Василія Подгорнаго. Стефановцы почитаютъ монаха Стефана за истиннаго христіанина, мудраго наставника религіозной жизни. Любопытно ученіе монаха Стефана о бракѣ. Онъ говоритъ: „Бракъ есть скверна; первое же условіе для спасенія женщины, это—ея смиреніе и безусловное ея послушаніе въ отношеніи къ мужчинѣ, т. е. она вообще должна пасть, чтобы не гордиться своимъ цѣломудріемъ“. Однимъ изъ послѣдователей Стефана является Андрей Безнышевъ, который, какъ видно изъ доклада, занимается развращеніемъ дѣвушекъ. Онъ проповѣдуетъ безбрачіе, а половое наслажденіе находитъ безгрѣшнымъ. Секта стефановцевъ распространена не только въ Курской, но и въ Харьковской и Владимірской епархіяхъ. Сообщая о принятыхъ епархіальнымъ начальствомъ мѣрахъ противъ секты, архіепископъ Стефанъ добавляетъ, что монахъ Стефанъ, находясь и въ настоящее время въ суздальскомъ монастырѣ, продолжаетъ обманывать народъ и подрывать авторитетъ пастырей. Архіепископъ проситъ Синодъ сдѣлать указаніе епархіальнымъ властямъ Владимірской епархіи о необходимости строгаго надзора за монахомъ Стефаномъ и прекращенія паломничества, а также приказать убрать изъ монастыря находящуюся тутъ бѣсноватую старицу Марію. (Мис. Сборн.).

— *Гонимы-ли баптисты?* Львовскій поселекъ, Кустанайскаго уѣзда считается сектантскимъ, такъ какъ православнаго населенія въ немъ меньшая половина. Въ поселкѣ существуетъ министерская начальная школа, въ которой учащихся сектантовъ 44 мальчика, а православныхъ 20. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ сельскій староста съ разрѣшенія крестьянскаго начальника поставилъ въ классѣ икону Спасителя. На другой день сектанты толпою пришли въ школу и потребовавъ сельскаго старосту,—при-

казали ему снять икону. Староста отказался исполнить требованіе сектантовъ. Тогда сектанты дали волю своимъ остроумамъ, называя образъ разными неподобными словами. Предлагали, привязавъ за него веревку, тащить его толпою, чтобы не быть въ отвѣтъ одному. Насмѣявшись „досыта“, сектанты заперли школу и прекратили занятія. На другой день сельскій староста вмѣстѣ съ учителемъ поѣхали къ начальнику. Начальникъ, выслушавъ старосту, сказалъ: „это дѣло учителя. Пусть сниметъ икону. Спрашивается: „кто же кого гонитъ“? Неужели дѣти православныхъ въ количествѣ 20 человекъ должны оставаться безъ молитвъ. Что же будетъ, если желаніе сектантовъ начальство будетъ поощрять? Много я видѣлъ баптистовъ, но такихъ какъ во Львовскомъ поселкѣ не видалъ. Тамъ пьянство развито въ высшей мѣрѣ среди нихъ. Поздно вечеромъ опасно ходить. Попугать ножомъ православныхъ, сдѣлать покушеніе на жизнь... вещь нерѣдкая. Многіе „святые“ (баптисты) за подобные грѣшки сидѣли въ тюрьмахъ. Жить съ чужими женами для нихъ вещь похвальная. Мнѣ пришлось провести нѣсколько бесѣдъ съ ихъ наставниками и меня поразило нахальство баптистовъ. Лишь только я начиналъ говорить, какъ сектанты поднимали шумъ, пускали колкости по моему адресу. Трудно жить православнымъ среди этихъ отщепенцевъ отъ Матери-Церкви Православной.

(Мисс. Сборн.)

— Въ № 42—43 „Саратовскаго дух. Вѣстника“ напечатано посланіе преосвященнаго Алексія, епископа Саратовскаго, къ Царицынской паствѣ, по поводу мятежныхъ и безразсудныхъ писемъ іеромонаха Иліодора, обращенныхъ къ Царицынскимъ гражданамъ. „Іеромонахъ Иліодоръ,—какъ пишетъ преосвящ Алексій,—увѣряетъ преданныхъ ему Царицынцевъ, что онъ, и по снятіи съ него сана, останется священникомъ и будетъ, по прежнему, раздаятелемъ благодати; онъ хочетъ образовать изъ преданныхъ ему лицъ отдѣльное самостоятельное общество, которое поведетъ къ Царству Небесному какою то новою дорогою, самонадѣянно говоря, что эту дорогу укажетъ ему, будто бы, Самъ Богъ. При этомъ онъ дерзаетъ кощунственно и богохульно сравнивать себя съ св. Николаемъ Чудотворцемъ и даже съ Самимъ Христомъ Спасителемъ нашимъ“. По долгу своего архипастырскаго по-

печенія о пасомыхъ преосв. Алексій предостерегаетъ ихъ отъ общенія съ Иліодоромъ, какъ съ измѣнникомъ монашескихъ обѣтовъ и клятвoprеступникомъ, вступившимъ на ту дорогъ, какую указаль дьяволъ, в-зставши на Господа и увлекши за собою часть ангеловъ. „Извергаемый изъ сана священникъ,—пишетъ далѣе преосв. Алексій, лишается благодати не синодскимъ чиновникомъ, а судомъ епископовъ—судомъ Церкви, которой далъ это право Самъ Христось... Если онъ дерзнетъ, по лишеніи сана, священнодѣйствовать, подлежитъ совершенному отлученію отъ Церкви и анаемѣ, и слѣдовательно, на вѣки лишится благодати, если не покается... Не благодать, не благословеніе таковой принесетъ своимъ приверженцамъ, а проклятіе и гибель.. Если, по изверженіи изъ сана, онъ хочетъ стать во главѣ самочиннаго общества, то общество это не будетъ церковію, во главѣ которой стоятъ законные епископы,—а безразсуднымъ скопищемъ“. Заканчивается посланіе преосв. Алексія апостольскимъ обращеніемъ: „Возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобы вамъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ“...

— Въ „Странникъ“ за августъ и сентябрь мѣсяцы можно найти порядочно статей, заслуживающихъ вниманія. Такъ, здѣсь помѣщены статьи, касающіяся проповѣднической дѣятельности Бессарабскаго духовенства, вопроса о церковномъ судѣ и желательныхъ измѣненіяхъ въ немъ въ нашей Церкви, исторіи отношеній Церкви къ государству въ Россіи и друг. Нѣкоторыя изъ статей должны быть особенно отмѣчены для читателя. Это статьи: „Дебри рационализма“ (Непринужденная бесѣда)—свящ. Липскаго; „Чудотворная сила въ Лурдѣ и психологія чуда“ доктора Ипполита Барадюка и „Духовникъ Н. В. Гоголя“ (Къ переоцѣнкѣ его характеристики)—свящ. А. Введенскаго. Въ статьѣ—„Дебри рационализма“ свящ. Липскій показываетъ, до чего дошла въ настоящее время богословская наука на протестантскомъ западѣ. Оказывается, что многіе богословы и пасторы тамъ уклонились отъ христіанства въ сторону рационализма, натурализма, пантеизма и монизма. развѣнчиваютъ Христа и низводятъ Его на степень простого учителя нравственности, вродѣ Будды, Магомета и т. п., отвергаютъ авторитетъ Божественнаго Откровенія и разсматриваютъ его, какъ собраніе мѣвовъ и легендъ, имѣющихъ одинаковую цѣну съ мѣвами греческими и проч., и проч.

Дѣйствительно, протестантство зашло въ такія „дебри“, изъ которыхъ выбраться ему будетъ весьма и весьма трудно. Не въ эти ли же „дебри“ зовутъ русскихъ людей и наши сектанты, слѣдующіе по стопамъ своихъ западныхъ учителей?.. Статья—„Чудотворная сила въ Лурдѣ“... представляетъ глубокой интересъ для всѣхъ, кому дороги вопросы защиты вѣры. Одинъ французскій докторъ Барадюкъ, неудовлетворенный успѣхами современной медицины вообще и убѣдившійся въ несостоятельности ея по отношенію къ нѣкоторымъ болѣзнямъ, обратилъ вниманіе на то, что многія изъ этихъ болѣзней, неизлечимыхъ медицинскимъ путемъ, излѣчиваются въ Лурдѣ—этой знаменитой святынѣ всего католическаго міра. У него явилась мысль подвергнуть изученію чудесныя силы, дѣйствующія въ Лурдѣ. Съ этою цѣлью онъ взялъ своего товарища-фотографа и отправился въ Лурдѣ, гдѣ и занялся изслѣдованіемъ условій исцѣленія силъ, которыми производятся исцѣленія, способовъ дѣйствія этихъ силъ и изученіемъ состоянія получающихъ исцѣленія. Послѣ продолжительныхъ изслѣдованій Барадюкъ достигъ поразительныхъ результатовъ, съ которыми онъ и знакомитъ читателей въ своей статьѣ; ему удалось даже запечатлѣть благодатныя токи, исцѣляющіе больныхъ, на фотографическихъ пластинкахъ. Все это кажется въ высшей степени сомнительнымъ (какъ это такъ—фотографировать благодать?), но тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать идеи представителя науки—заняться изслѣдованіемъ благодатныхъ дѣйствій религіи на людей, притекающихъ къ ея помощи. Докт. Барадюкъ въ своей ст. высказываетъ желаніе, чтобы въ Лурдѣ была открыта особая научная лабораторія, гдѣ бы происходило наблюдение и изучение чудесныхъ исцѣленій, совершающихся въ Лурдѣ. Въ статьѣ — „Духовникъ Н. В. Гоголя“ свящ. Введенскій характеризуетъ знаменитаго о. Матѣя Константиновскаго, связавшаго свое имя съ именемъ великаго писателя. Пользуясь новыми данными, онъ указываетъ на то, что та ненависть, то презрѣніе, которыя питаютъ нѣкоторые литературные критики къ о. Матѣю, не имѣютъ за собою рѣшительно никакихъ основаній. О. Матѣей вовсе не былъ мрачнымъ изувѣромъ, невѣжественнымъ фанатикомъ, святошей, лицемѣромъ, прислужникомъ власть имущихъ, какъ его представляютъ, напротивъ,—былъ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ пастырей Церкви, заслуживающимъ подражанія и

современныхъ пастырей. Не былъ онъ и убійцей Гоголя въ литературномъ отношеніи; все, что сдѣлалъ о. Матѳеѣй съ Гоголемъ заключалось въ томъ, что онъ посовѣтовалъ ему бросить литературу, и именно въ виду того вреднаго направленія, какое она стала принимать у Гоголя въ то время. Е. Х.

Въ *Истор. Вѣст.* помѣщена большая интересная статья о замѣчательномъ архіереѣ 60-хъ годовъ, Олонецкомъ архіеп. Аркадіи. Насколько владыка Аркадій строгъ и суровъ былъ къ неисправнымъ, нерадивымъ и провинившимся, настолько онъ былъ ласковъ и снисходителенъ къ людямъ усерднымъ и выдающимся какою-либо дѣятельностью. Особенно любилъ онъ и всегда отличалъ заботящихся о просвѣщеніи народа черезъ обученіе его грамотѣ.

Узнаетъ, напримѣръ, владыка, что пономарь какого-нибудь захолустнаго села учитъ въ своей избѣ по зимамъ деревенскихъ ребятъ грамотѣ, и пишетъ ему собственноручное письмо, вродѣ слѣдующаго:

„Достойнѣйшій Платонъ Петровичъ! Какъ сердце мое взгралось радостію, когда мнѣ довелось узнать, что у тебя школа. О, какое великое дѣло ты дѣлаешь! Ты научишь читать десятокъ дѣтей, а они своимъ чтеніемъ доставятъ радость сотнямъ безграмотныхъ. Ты выучишь другой десятокъ дѣтей, а они будутъ утѣшать новыя сотни... За всю-то жизнь ты столькимъ тысячамъ безграмотныхъ людей доставишь духовную радость черезъ выученныхъ тобою грамотѣ! А самъ ты, безвѣстный труженикъ, даже и не догадываешься о своемъ удивительномъ великомъ дѣлѣ ..

„О, святая простота! Трудись, и помогай тебѣ Богъ! Благословеніе Божіе да почіетъ на твоемъ домѣ! Какъ-нибудь приѣзжай ко мнѣ. Хочется тебя видѣть и расцѣловать. Молись и за меня, грѣшника, а я тебя въ молитвахъ поминаю“...

Захолустный пономарь, получивши такое письмо, вставляетъ его въ рамку, за стекло, и привѣшиваетъ на стѣнѣ около божницы. И каждый день, какъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ, обливаясь слезами умиленія, „милостиваго владыку“... А надъ обученіемъ ребятъ трудится онъ послѣ этого съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Если кто-нибудь изъ такихъ педагоговъ являлся къ владыкѣ по какому-нибудь дѣлу, тотъ былъ очень радъ и всегда угощаль явившагося обѣдомъ.

Сидить гдѣнибудь въ углу владычной пріемной какой-нибудь пономарь и жметя. У него и дѣла никакого нѣтъ до владыки. Онъ просто привезъ батюшкинаго сына въ семинарію: батюшкѣ некого больше было послать въ городъ съ лошадыю... И домой бы сразу надо, да не посмѣлъ не явиться, потому—въ письмѣ ему, пономарю, десницею самого владыки написано: „Будешь въ городѣ—смотри, зайди ко мнѣ“. Какъ же можно не зайти? Вотъ и зашелъ, и сидитъ въ темномъ углу, точно для того, чтобы никто его не увидѣлъ...

— Пономарь изъ Заозерья... Платонъ Свистуновъ...—точно нехотя роняетъ, между прочимъ, келейникъ, переставляя стулья и обтирая съ нихъ пыль.

— Какой Свистуновъ? гдѣ онъ?...—спрашиваетъ владыка.

— Давно ужъ сидитъ въ пріемной... Что приросъ къ мѣсту... не шевельнется...—ухмыляясь, отвѣчаетъ келейникъ.

— Свистуновъ? Платонъ Свистуновъ...

Минуты двѣ-три владыка стоитъ въ раздумьи.

— Ахъ, ты, бестія!—наконецъ въ гнѣвѣ набрасывается владыка на опѣшившаго келейника.—Что ты дѣлаешь, закоснѣлый нерадивецъ? Да вѣдь это—Платонъ Петровичъ, котораго пальца ты не стоишь! Вотъ кто тамъ у тебя сидитъ...

И владыка бросается въ пріемную встрѣчать пономаря Свистунова, точно мать родную, съ которою лѣтъ десять не видался.

— Ужели я удостоился такой милости Божіей, что Платонъ Петровичъ навѣститъ меня, убогаго, вздумалъ?—неподдѣльно радостнымъ голосомъ кричитъ онъ.—Да за что же это мнѣ счастье такое, милосердный Господи-и?..

А Платонъ Петровичъ, поклонившись, по обычаю того времени, въ ноги, такъ и лежитъ на полу, вздрагивая отъ рыданій всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ. Владыка наклонился надъ нимъ и, похлопывая его по широкой спинѣ, говоритъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да встань же, Платонъ Петровичъ! Полно! Этакъ, пожалуй, мы съ тобой ничего и не поговоримъ.

Поднимается пономарь весь заплаканный. Силится онъ засунуть руку въ карманъ подрясника, чтобы вынуть оттуда бумажный платокъ и утереть носъ, и не можетъ.

А владыка уже цѣлуетъ его, со смѣхомъ приговаривая:

— Вотъ ты какой, Платонъ Петровичъ! Я думалъ, что ты въ родѣ меня, сухой старикашка, а ты Голиафъ! Ну, пойдемъ-ка, дорогой, побесѣдуемъ! У меня, братъ, такіе дорогіе гости не часто бываютъ.

— Ты, Карпушка, обѣдъ торопи! Сегодня мы пораньше обѣдать будемъ съ гостемъ.. — скажетъ вкадыка келейнику, а пономаря посадить на диванъ, самъ сядетъ рядомъ, и начнется бесѣда. Да еще какая! При простотѣ и ласкѣ владыки пономарь скоро увлекается и, забывая, что съ нимъ разговариваетъ архіерей, начинаетъ спорить, доказывать что-нибудь и утверждать, что онъ лучше это знаетъ, чѣмъ тотъ, кто самъ не учитъ ребятъ.

— *Могила новопреставленнаго митрополита.* Если-бы Вы, подойдя къ сѣверному придѣлу Свято-Духовскаго храма Петербургской Александро-Невской Лавры и взявши путь по линіи стѣны, направились, выражаясь по-бѣлорусски, въ глубь лаврскаго цвинтера ограды, то оказались бы у скромнаго входа на братское кладбище. Деревянный настилъ послужилъ бы для Васъ путеводителемъ по этому тихому пристанищу. Вашъ взоръ невольно остановился бы на свѣжемъ могильномъ холмѣ, возвышающемся у самага пути Вашего слѣдованія. Онъ нарытъ искусной рукой могильщика, высокъ, отовсюду закругленъ, сплошь устланъ зеленымъ хвойникомъ. Въ этотъ искусственный грунтъ, декорированный со столь поражающей простотой, вставленъ крестъ изъ свѣтлаго дуба. На немъ—эпитафія: Митрополитъ Антоній Волею Божіей скончался 2 ноября 1912 г. Житія его было 67 лѣтъ. Упокой, Господи, душу раба Твоего. И далѣе три евангельскихъ текста: Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ Вы. Больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Аще любите мя, заповѣди моя соблюдайте. Іоан. 14 г. 15 ст., 16 гл. 12 и 13 ст. Этотъ скромный, простой, бѣдный надмогильный памятникъ освѣщаетъ горящая лампада предъ милостивымъ ликомъ Спасителя. Если судить по простотѣ и безыскусственности креста, то нужно-бы предположить,

что онъ поставленъ на мѣстѣ упокоенія безвѣстнаго мірянина, но эпитафія обозначаетъ имя митрополита, возглавлявшаго въ послѣднее десятилѣтіе Русскую Церковь. И возникаетъ недоумѣніе: что здѣсь: бывшее ли величіе и слава церковнаго сановника, а затѣмъ по какой-либо винѣ паденіе и униженіе его до заурядной доли безвѣстныхъ мірскихъ покойниковъ, или же здѣсь нѣчто выходящее изъ ряда обыденныхъ явленій. Но къ кресту ежечасно притекають люди, постоятъ въ раздумьи, испытующе осматриваютъ всю эту простоту и скромность могилы, помолятся и унесутъ съ собой вѣтку хвойника. На смѣну имъ приходятъ другіе и дѣлаютъ то-же. И уже думается, что человѣкъ, заслужившій безславіе и паденіе, такъ не привлекалъ бы. Въ эту скромную простоту по христіанскому смиренію, добровольно, по предсмертному завѣщанію покойнаго, облеклось величіе сана, сановность положенія, высота ума, широта и мягкость сердца, словомъ, простота души человѣка, сохранившаго это святое ея качество до послѣдней ступени іерархическаго стажа и до возвращенія въ землю, изъ нея же взять бысть. Оттого къ этой скромной могилѣ и непрерывная тяга богомольцевъ. Они видятъ здѣсь олицетворенный примѣръ совмѣщенія земнаго представительства съ христіанскимъ смиреніемъ, плѣняются дивнымъ въ простотѣ своей духовнымъ обликомъ почившаго и преклоняютъ колѣна на влажный песокъ у его могилы всѣ и княжны и простолюдины. И пусть льнутъ къ этой неукрашенной ни мраморомъ, ни золотомъ персти земной. Она неисчерпаемѣ по смыслу, неизмѣримѣ по назидательности и недосыгаемѣ по высотѣ монументальныхъ сооруженій, хотя бы самого скульптора Антокольскаго. Въ послѣднихъ блещетъ талантъ, поражаетъ тонкость и искусство рѣзца, восхищаетъ художественное выраженіе идеи. Здѣсь же, въ сердечной простотѣ этого перваго лица нашего церковнаго общества, когда онъ былъ среди васъ, и въ той же, до конца, до могилы, выдержанной его скромности, отразилась и олицетворилась истинная жизнь во Христѣ, униженно смиренная на высотѣ земнаго состоянія. И будутъ богомолья у этой скромной могилы Лаврскаго братскаго кладбища, будутъ долѣе и неоскудѣваемѣ, чѣмъ если бы она находилась въ храмѣ и была украшена драгоценными издѣліями человѣческихъ рукъ.

Прихожанинъ с. Бизюкова.

— *Отголоски жизни и литературы.* Сочетаніе истины и заблужденія составляетъ обычное свойство и современныхъ идейныхъ теченій во всѣхъ областяхъ, не исключая религіозной и нравственной. Люди болѣе глубокіе и искренніе, — а такихъ, къ сожалѣнію, очень мало—сами сознають находящіяся въ ихъ душѣ и ученіи противорѣчія. „Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое ученіе?—спрашиваетъ себя одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, удѣляющій особенное вниманіе обсужденію вопросовъ религіи и морали, и отвѣчаетъ: „Нѣтъ. Вышло бы большое волненіе, а я такъ люблю покой... и закатъ вечера, и тихій вечерній звонъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же признается: „Моя душа сплетена изъ грязи, нѣжности и грусти“. Въ третьемъ заявляетъ: „Удивительно, какъ я удѣлывался съ ложью. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву:—„А какое вамъ дѣло до того, что я въ точности думаю“, „чѣмъ я обяжнъ говорить свои настоящія мысли“. Въ итогѣ многолѣтняго учительства на нивѣ литературной открываетъ: „Запутался мой умъ, совершенно запутался... Всю жизнь посвятилъ на разрушеніе того, что одно въ мірѣ люблю: была ли у кого печальнѣе судьба“. Трудно при такихъ условіяхъ опредѣленно установить, кто врагъ и кто другъ церкви и религіи. Мережковскій говорилъ про идеи Розанова: „Это такое же бурленіе, какъ у Ницше, это конецъ или во всякомъ случаѣ страшная опасность для христіанства“. Мнѣніе преувеличенное, но не лишнее доли справедливости: своими писаніями Розановъ не мало причинилъ вреда, или по крайней мѣрѣ огорченія, христіанству, православію, православному духовенству; не даромъ кто-то изъ неумѣренныхъ ревнителей благочестія рекомендовалъ предать его анаемѣ. Но тотъ же Розановъ въ своей послѣдней книжкѣ—исповѣди („Уединенное“) искренно, сердечно, глубоко и сильно говоритъ о Богѣ, безсмертіи души, церкви, православіи, духовенствѣ. Въ устахъ человѣка, перегорѣвшаго въ мукахъ религіознаго сомнѣнія и отрицанія, доходившаго почти до кощунства, это производитъ особенное впечатлѣніе. „Церковь—пишетъ теперь онъ—есть единственно поэтическое, единственно глубокое на землѣ... Боже, какое безуміе было, что лѣтъ 11 я дѣлалъ всѣ усилія, чтобы ее разрушить! И какъ хорошо, что не удалось!

Да,—чѣмъ была бы земля безъ Церкви? Вдругъ обезсмыслилась бы и похолодѣла. „Пусть Богъ продлитъ мнѣ 3—4—5 лѣтъ: зажгу я мою „соборованную свѣчу“ и уже не выпущу ее до могилы. Безуміе—моя прежняя жизнь!..“ Совсѣмъ по иному говорить теперь Розановъ о духовенствѣ. „О добротѣ нашего духовенства“... Сколько я имъ коростъ засыпалъ за воротникъ, но, между тѣмъ, кто зналъ меня, да изъ незнавшихъ многіе относились, „отвергая мои идеи“, враждуя съ ними въ печати и устно, не только добро ко мнѣ, но и любяще“... Въ доказательство Розановъ приводитъ факты изъ истинно-христіанскихъ отношеній къ нему епископа Гермогена, архіепископа Сергія финляндскаго, митрополита Антонія. „Изъ этого я усмотрѣлъ—заключаетъ онъ,—до чего церковь теплѣе свѣтской жизни: сердечнѣе, душевнѣе, примиреннѣе, прощающѣе... И я бросился къ церкви: одно въ мірѣ теплое, послѣднее теплое на землѣ... Религіозный человекъ выше мудраго, выше поэта, выше побѣдителя и оратора. „Кто молится“—побѣдитъ всѣхъ, и святые будутъ побѣдителями міра. „Иду въ Церковь! Иду! Иду... Я вѣрю,—„святые“ побѣдятъ!..“ Признаніе тѣмъ болѣе цѣнное, что въ немъ указываются и тѣ пути христіанской любви, какими церковь и духовенство въ данномъ случаѣ одержали моральную побѣду. Книжка—исповѣдь Розанова—наглядный показатель трудности и важности современнаго пастырскаго и архипастырскаго служенія, тяжести и многообразія проникнутыхъ христіанской любовью и религіозной ревностью его путей.

„Отд. Хр.“

— *Къ борьбѣ съ хулиганствомъ.* Съѣздъ духовенства Самарской епархіи въ 1912 г. обсуждалъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ. Для выясненія дѣла поставлено было три вопроса: что такое хулиганство? откуда оно появилось? какія мѣры должно принять для борьбы съ хулиганствомъ? Отвѣчая на первый вопросъ, члены съѣзда пришли къ заключенію, что хулиганы это—люди не имѣющіе нравственныхъ устоевъ, люди совершенно безпринципные. Относительно того, откуда появилось хулиганство, нѣкоторые говорили, что хулиганство сравнительно недавнее явленіе, именно девяностыхъ годовъ, когда типъ хулиганства уже обрисовывается Максимомъ Горькимъ. Другіе установили, что хулиганство появляется со времени движенія 1905 г., и

причиной его служить паденіе религіозно нравственныхъ устоевъ въ обществѣ сначала такъ называемыхъ интеллигентовъ (увлекающихся философій Ницше), а затѣмъ и въ народѣ. Ставили въ связь хулиганство съ пьянствомъ. Отмѣчали такое явленіе, что въ тѣхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ пьянства, тамъ не замѣчается и хулиганства. По вопросу же о томъ, какія мѣры могутъ принять пастыри для борьбы съ такимъ уродливымъ явленіемъ въ жизни народа, какъ хулиганство, о. о. депутаты пришли къ принятію слѣдующихъ мѣръ: 1) единеніе пастырей между собою въ этомъ дѣлѣ; 2) собственный примѣръ высоконравственной жизни; 3) открытіе обществъ трезвости и вообще борьбы съ алкоголизмомъ, какъ имѣющимъ близкую связь съ хулиганствомъ; 4) забота о религіозно-нравственномъ развитіи дѣтей въ школѣ; 5) церковная проповѣдь, направленная противъ хулиганства; 6) воздѣйствіе на родителей чрезъ приходскіе совѣты и, наконецъ, распространеніе противо-хулиганской литературы.

(Церк. Вѣстн.).

Льготные тарифы для учащихся. Въ № 2258 „Сборника тарифовъ“ опубликованы новые льготные тарифы для пріѣзда учащихся, предоставляющіе имъ, начиная съ 15-го декабря т. г., гораздо болѣе широкія льготы, чѣмъ примѣняемая теперь. Для разоваго проѣзда отдѣльныхъ учащихся, которымъ теперь предоставляется скидка въ 50 коп. и 1 руб. при проѣздѣ только на разстояніи отъ 130 до 900 верстъ, по новому тарифу предоставлена скидка для всѣхъ разстояній въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ стоимости проѣздной платы. Скидка эта сохраняется и при проѣздѣ учащихся въ вагонахъ высшихъ классовъ. Надо только внести разницу между тарифами 3-го, 2-го и 1-го классовъ. Раньше при проѣздѣ въ высшихъ классахъ никакой скидки не дѣлалось. Далѣе, при проѣздѣ экскурсій дѣлается скидка въ 50% съ цѣны, исчисленной за весь маршрутъ отъ пункта отправленія до возвращенія туда же по развернутому тарифу, а не по отдѣльнымъ перегонамъ, какъ было до сихъ поръ, что тоже понижаетъ проѣздную плату. При этомъ уничтожаются дѣленія на высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, какъ было до сихъ поръ, при чемъ послѣднимъ дѣлалась скидка на протяженіи до 300 верстъ. Для низ-

шихъ учебныхъ заведеній установлена льгота совершенно безплатнаго проѣзда на разстояніи до 50 верстъ, которой ранѣе пользовались городскія школы.

„Мужички“ за границей. Многихъ тянетъ „заграница“, многихъ влечетъ она, обѣщая сказочныя горы. Тянутся туда и „мужички“, въ надеждѣ добиться счастья. Многие изъ нихъ, конечно, никакого „счастья“ не находятъ; вмѣсто него и денегъ привозятъ съ собой лишь печальные рассказы о заграничной жизни... Вотъ, напримѣръ, что пришлось слышать отъ вернувшихся:—Прибыли мы,—говорятъ они,—къ нѣмцамъ, въ чужую сторону, а куда итти дальше, не знаемъ, и никто изъ насъ слова по-нѣмецки сказать не можетъ! Ходимъ всѣ толпой, какъ бараны несмыслящія, и куда ни пойдѣмъ, толку нигдѣ не добьемся: мычимъ, размахиваемъ руками... Идемъ по улицѣ и вдругъ слышимъ: „Эй, саратовцы, заходите сюда!“—Что за чудо, думаемъ: Должно, земляки! Обрадовались, подходимъ къ дому, а въ окно смотритъ нѣмецъ; зоветъ насъ и смѣется: „Заходите, говорить, друзья, заходите! Навѣрно, саратовцы будете? Тутъ сколько ни шло изъ Россіи народу, все изъ Саратовской губерніи“. Намъ принесли какого-то нѣмецкаго спирта. Напились мы, наѣлись, стали деньги платить, а хозяинъ за спиртъ ничего не беретъ съ насъ: „Спиртъ, говоритъ, мнѣ ничего не стоитъ, да и жалко мнѣ васъ“... Указалъ онъ намъ, гдѣ искать работу, и вѣрно: приняли насъ на плантацію по три марки въ день. Работаемъ недѣлю, другую, третью.. Денегъ намъ не платятъ, а когда мы ихъ потребовали, намъ объяснили:—До тѣхъ поръ не получите, пока не выплатите работой залогъ, чтобы не сбѣжали съ работы раньше времени... Такъ и не дождались мы ничего. Забрали свои котомки и пошли дальше, куда глаза глядятъ. Потомъ приняли насъ для земляныхъ работъ на желѣзную дорогу. Плата небольшая (1 р 50 к.), а работа тяжелая, и за работой даже курить не велятъ. Всѣхъ денегъ не давали, а только половину, такъ что при ихней дороговизнѣ еле-еле прокормиться можно: за черный хлѣбъ платили по 6 коп., сало 40 коп. за фунтъ, квартиры втрое дороже нашихъ... Видимъ мы что тутъ ничего не выработаешь,—опять котомки на плечи да домой, въ Россію! А дома тоже не радость: уходили въ Германію, брали займы денегъ, бросили посѣвъ,

хозяйство пришло въ упадокъ... Начинають возвращаться и „американцы“, тоже разочарованные... Ихъ рассказы являются наилучшимъ предупрежденіемъ для опьяненныхъ мечтою объ Америкѣ.
(„Сов. Лѣт.“).

ИЗЪ МѢСТНОЙ ЖИЗНИ.

По молитвамъ Святителя Θεодосія Углицкаго. Во Владимірско-Екатерининскомъ женскомъ монастырѣ, Гжат. у., есть мѣстно-чтимая икона Святителя Θεодосія Углицкаго, Черниговскаго чудотворца, съ частицею одежды (мантіи) сего угодника Божія. Частица эта получена при торжествѣ открытія мощей Святителя (9 сент. 1896 г.) Московскимъ купцомъ Сергѣемъ Кирсановымъ, членомъ общества хоругвеносцевъ Троицкаго Посада, и имъ же, Кирсановымъ, пожертвована въ томъ же году въ названный монастырь, въ бытность его еще общиною. Изъ письма Кирсанова, а также и изъ №№ 38 и 42 журнала «Кормчій» и 19 № Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1896 годъ видно, что отъ этой частицы, по молитвамъ къ Святителю Θεодосію, произошло 13 сент. того же 1896 г. дивное чудо исцѣленія глухонѣмого мальчика Николая. Вскорѣ послѣ сего и въ названномъ монастырѣ отъ той же частицы одежды Святителя вотъ что произошло: 1) крестьянка Смол. губ., Гжат. у., Ново-Покровской волости, деревни Ульяновой, Евдокія Волкова, 35 лѣтъ, сильно страдала зубной болью, такъ что до щеки ея нельзя было дотронуться. Двѣ недѣли такъ страдала она. 20 октября 1896 года въ первый разъ въ храмѣ названной обители служился молебенъ Святителю. Во время молебна была и больная Волкова, и усердно молилась угоднику Божію, а когда, по окончаніи молебна, она приложилась къ частицѣ одежды Святителя, то боль въ щекѣ и зубная мгновенно утихла и больная пошла домой совершенно здоровой. 2) Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1896 года крестьянинъ деревни Рыкова, Ново-Покровской вол., Гжат. у., онъ же и бывшій церковный староста церкви села Ново-Покрова, Тимоѣей Васильевъ, 68 лѣтъ, сильно занемогъ. Приходскій батюшка пріобщилъ его Св. Христовыхъ Таинъ и сказалъ, что больной очень слабъ и долженъ умереть. Послѣ этого въ домъ

больного, по желанію его, была принесена частица одежды Святителя Θεодосія. Больной принялъ ее со слезами, надѣлъ на себя, а голову и грудь его помазали масломъ изъ лампы отъ иконы Святителя. Въ ту же ночь больной крѣпко уснулъ; къ утру почувствовалъ себя лучше и разсказалъ, что какъ только ушла монахиня съ частицей одежды Святителя, онъ почувствовалъ, какъ будто съ темені его спало холодное покрывало и ему стало легко. Дѣйствительно больной сталъ поправляться и по милости Божіей и Угодника совершенно выздоровѣлъ и взялся за свои дѣла. 3) Крестьянинъ деревни Савинокъ, Гжатск. у., Михаилъ Евѣимовъ, 35 лѣтъ, девять мѣсяцевъ страдалъ болью въ правой ногѣ, долго лечился въ Москвѣ, лежалъ въ больницѣ, но помощи не получилъ и такимъ пріѣхалъ на родину. Здѣсь уже знали, что во Владимірско-Екатерининской женской общинѣ происходятъ исцѣленія отъ частицы одежды Св. Θεодосія. 4 декабря 1896 года родные больного Евѣимова привезли его сюда, принесли въ храмъ и положили на полъ, такъ какъ отъ сильной боли въ ногѣ онъ не только стоять, но и сидѣть не могъ. Монахиня дала больному св. воды и масломъ изъ лампы Святителя помазала ему голову. Больной приложился къ частицѣ одежды. Вдругъ въ ту же минуту лицо больного страшно покраснѣло и на всемъ тѣлѣ выступилъ обильный потъ и больной впалъ въ безпамятство; въ такомъ состояніи его по окончаніи обѣдни и молебна Святителю и повезли домой. Дорогой больной пришелъ въ сознаніе и почувствовалъ себя лучше, а когда его привезли домой, то ему настолько стало хорошо, что онъ самъ, безъ помощи другихъ, сошелъ съ саней и сталъ ходить; это видѣли и всѣ однодеревенцы. Евѣимовъ совершенно выздоровѣлъ и отправился въ Москву на заработки. Таковы были чудеса отъ частицы одежды Святителя Θεодосія. Запись ихъ имѣется въ названной обители и подтверждается сестрами ея. Кромѣ этихъ чудесъ, были въ разное время, говорятъ, и еще, но, къ сожалѣнію, они не записаны, а устно передаются какъ то разнорѣчиво. О записанныхъ же чудесахъ, какъ болѣе достовѣрныхъ, я съ своей стороны долгомъ считаю объявить къ прославленію Господа, дивнаго во святыхъ своихъ. И пусть идетъ всякій нуждающійся и за молитвы Угодника съ вѣрою черплетъ цѣльбы изъ источника милосердія Божія и право слово — «по вѣрѣ дастся ему»...

Того же монастыря свящ. *Михаилъ Клитинъ*.

Діаконъ А. Чудовскій (некрологъ). 16 ноября пр. г. въ 7 ч. вечера отошелъ въ вѣчность заштатный діаконъ села Рыбокъ, Дорогоб. у. Александръ Чудовскій. Покойный былъ родомъ изъ села Кулагина, Духовщ. у., сынъ пономаря. По окончаніи духовнаго училища онъ былъ Епископомъ Антоніемъ опредѣленъ въ 1866 году въ дьячки къ церкви с. Рыбокъ. Въ 1878 году онъ былъ рукоположенъ во діаконы въ это-же село, гдѣ и пробылъ на службѣ до 7 іюля 1904 года. Съ прихожанами у него за все время службы были самыя теплыя и любовныя отношенія, всё шло къ нему за совѣтомъ, за облегченіемъ. Службу свою покойный очень любилъ; онъ хотя и былъ мало образованъ, но тѣмъ не менѣе поражалъ всѣхъ своею начитанностью, какъ въ богословской, такъ и свѣтской литературѣ. Покойному въ жизни много пришлось перенести несчастій: во цвѣтѣ лѣтъ у него умерла жена, на далекихъ Манджурскихъ поляхъ погибъ его сынъ, и вслѣдъ за этимъ онъ лишился зрѣнія. Потеря зрѣнія для него была самымъ мучительнымъ, самымъ чувствительнымъ ударомъ, съ которымъ онъ до конца дней своихъ не могъ примириться. Жизнь для него стала однимъ воспоминаніемъ. Не за долго до смерти покойный жаловался на сильнѣйшую головную боль. Въ страшныхъ мученіяхъ оставилъ онъ этотъ міръ. Хоронили его три священника: с. Рыбокъ Александръ Полкановъ, с. Суетова Іаковъ Семеновъ и с. Пушкина Владиміръ Цвѣтковъ и три діакона — священническимъ проводомъ, что было завѣтной мечтой покойнаго. Много изъ прихожанъ, не смотря на будній день, собралось отдать послѣдній долгъ почившему, сказать ему послѣднее «прости». Предъ началомъ провода священникомъ с. Рыбокъ Александромъ Полкановымъ было сказано слово, въ которомъ былъ очерченъ свѣтлый образъ умершаго. Лицъ, знавшихъ покойнаго, прошу поминать его въ своихъ молитвахъ. С. Рыбокъ діаконъ *Теодоръ Березкинъ*.

Поминовеніе церковнаго старосты. Въ воскресенье 30-го декабря пр. г. въ селѣ Прости Духовщ. у. совершалось годовое поминовеніе церковнаго старосты и строителя храма Якова Вонифатьевича Левыкина. Литургію совершали три священника. Пѣлъ совсѣмъ хорошо новоустроенный мѣстный хоръ изъ учениковъ церковно-приходской школы, подъ управленіемъ окончившей курсъ Епарх. ж. училища Оглобиной. Храмъ былъ полонъ молящихся. Въ концѣ литургіи было сказано слово о трудѣ, о необходимости и

радости труда, и о почившемъ, какъ примѣрномъ труженникѣ. Всѣмъ собравшимся на поминованіе была предложена гостепріимною супругою почившаго и сыномъ, замѣнившимъ отца въ должности церковнаго старосты, обильная трапеза.

Въ г. *Рославль* къ соборной церкви старостой вновь избранъ Аѳ. В. Денисовъ. Пользуясь этимъ случаемъ, а также желая почтить сего старосту за его прежнюю девятилѣтнюю службу на пользу храма, настоятель Собора обратился къ нему съ рѣчью, въ которой указалъ на непрерывные труды и заботы по благоустройству и украшенію Собора. Сей храмъ въ настоящее время является въ столь благолѣпномъ видѣ, въ какомъ онъ никогда, какъ гласитъ церковная лѣтопись, не находился со дня своего устройства въ 1784 году; о. настоятель отмѣтилъ при этомъ въ своей рѣчи, какъ рѣдкое и отрадное явленіе въ его долговременной пастырской жизни то миролюбивое, чуждое всякихъ недоразумѣній, отношеніе, какое царило между ними обоюдно, — «такъ что девятилѣтнее мое пастырское служеніе въ Соборѣ, добавилъ онъ, должно составлять и составлять самую счастливую и свѣтлую эпоху въ моемъ долготѣнемъ пастырствѣ, почему я и не могу не выразить и не принести Вамъ, уважаемый Аѳанасій Васильевичъ, искренней моей признательности и благодарности за это отношеніе ко мнѣ, съ пожеланіемъ чтобы и четвертое трехлѣтнее служеніе Ваше такъ же было плодотворно и чуждо нарушенія мира и братской любви, какъ и прежде Ваше служеніе въ должности старосты». Послѣ этого прочитанъ былъ адресъ, въ коемъ причтъ Соборный и прихожане выразили г. Денисову тѣ же чувства искренней признательности и благодарности за его плодотворную и полезную дѣятельность для ихъ храма, какія высказаны и о. настоятелемъ Собора, причемъ въ знакъ выраженія сихъ чувствъ и въ молитвенное воспоминаніе преподнесена была Икона Спасителя. Протоіерей В. Юденичъ.

Школьное дѣло. Въ с. Кузинѣ, Дорог. у., существуетъ уже нѣсколько лѣтъ п. приходская школа. Въ послѣдніе годы въ ней пѣніе молитвъ, тропарей и остальныхъ божественныхъ пѣснопѣній идетъ весьма слабо. Сами учащіе раньше хотя и принимали участіе въ пѣніи въ церкви на клиросѣ, но хора не устроили. Слѣдовало бы обратить вниманіе на постановку дѣла по пѣнію въ Кузинской п. приходской школѣ: и прихожане были-бы весьма рады, что ихъ

дѣтки принимаютъ участіе въ клиросномъ чтеніи и пѣніи и охотно бы шли въ храмъ Божій для молитвы, въ особенности въ данное время, когда въ другихъ приходахъ есть штундисты, толстовцы и проч.

Псаломш. *Яковъ Иларіоновъ.*

— *Литературно-вокальный вечеръ* въ Зилевской церковно-приходской школѣ состоялся 16 Декабря пр. г. Хоромъ пѣвчихъ изъ учениковъ школы и учителей сначала исполненъ былъ гимнъ: «Боже царя храни», а затѣмъ 14 музыкальныхъ померовъ. Особенно удачно пропѣты были: «Многи лѣта» Муз. Агреновой Славянской, «Гей Славяне» Муз. Ея-же, «Мужичекъ» Муз. Контскаго, «Птичка» Муз. Карагеоргіевича. Ученики и ученицы школы выразительно читали басни въ лицахъ. Чтеніе «Сѣверный Край» и «Кавказскій Плѣнникъ» сопровождалось туманными картинами. Много потрудились завѣдующій школой и учителя: Феоктистовъ, Памфиловъ и Маторина. Хоръ организовачъ былъ свящ. С. Срединскимъ.

— *Деревенскіе ужасы.* Въ приходѣ с. Цурикова есть деревня Слотова; жители ея таковы, что не дай Богъ связаться съ ними, какъ говорится, злу татарину: ссоры, драки, пьянство—обыденное явленіе. Подрались на смерть трое родныхъ братьевъ: двое такъ ублагодворили третьяго, что тотъ едва ноги волочить; а и драка-то приключилась изъ-за полмѣры кислыхъ яблокъ, которыхъ братья не подѣлили. А еще крест. Романъ пытался убить свою жену; ножомъ онъ ей разрѣзалъ всю кожу на головѣ отъ затылка до бровей, проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ грудь и бока навозными вилами, а потомъ тѣмъ же ножомъ прокололъ насквозь шею себѣ, но не перерѣзалъ. Поводомъ къ такому убійству жены-старухи послужила ревность, хотя основаній къ ревности не было никакихъ. Много раньше этотъ самый Романъ сталъ дерзко богохульничать, отрицая почитаніе иконъ и Самого Бога; но, когда у него умеръ старшій сынъ и захворалъ серьезно второй (оба уже взрослые) и когда ему стали всѣ указывать, что это ему наказаніе Божье за дерзкія рѣчи, Романъ опамятовался, — сталъ ходить въ церковь и вообще присмирѣлъ. Теперь Романъ слышно говорить: «что я надѣлалъ и какъ это произошло?!»

Церковникъ.

— *Въ Совѣтъ епархіального Съѣзда.* Изъ разсмотрѣнныхъ въ засѣданіи 18-го декабря дѣлъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. Отъ священника Тимофея Горанскаго поступилъ докладъ, въ коемъ

онъ разъясняетъ, что въ бывшихъ выборахъ депутатовъ на Епархіальное Пастырское собраніе не было единообразія и единовременности во всей Епархіи, такъ какъ выборы ихъ начались еще въ 1900 году и продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Отсюда произойдетъ то неудобство, что въ одномъ и томъ же Епархіальномъ Пастырскомъ Собраніи могутъ присутствовать депутаты, имѣющіе разновременныя полномочія, произойдетъ смѣшеніе сроковъ депутатскихъ полномочій. Примѣръ этого былъ на Епархіальномъ Сѣздѣ 1880 года. Совѣтъ Сѣзда полагаетъ, что избранные депутаты на срокъ текущаго трехлѣтія, хотя-бы и разно-временно, должны закончить свои полномочія въ 1914 году (1912, 1913 и 1914 г.). До 1914 года не слѣдуетъ производить выборы въ Епархіи ни въ одномъ благочиніи. Въ 1914 году во всей Епархіи по всѣмъ благочиніямъ должны быть произведены выборы на срокъ будущаго трехлѣтія, чѣмъ и устранится вышеуказанное неудобство.

Дѣль, подлежащихъ обсужденію будущаго Епарх. Пастырскаго Собранія созыва 1913 года, въ канцеляріи Совѣта Епарх. Сѣзда почти не имѣется. Отсюда возникаетъ недоумѣніе, — быть-ли Епарх. Пастырскому Собранію въ 1913 г.? А посему Совѣтъ Сѣзда постановилъ: поручить Предсѣдателю Совѣта — обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Его Преосвященству. Въ случаѣ соизволенія Его Преосвященства на рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ, депутаты Епарх. Пастырскаго Собранія, за отсутствіемъ матеріала, подлежащаго ихъ обсужденію, будутъ разсматривать тѣ вопросы, которые ими будутъ представлены съ мѣстъ. Но, вѣроятно, по случаю юбилейныхъ торжествъ пастырское собраніе будетъ отложено на неопредѣленное время.

Священ. Н. Свияжскій.

Смоленскій Губернаторъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ 31 декабря 1912 года, Смоленскимъ Губернаторомъ назначенъ Тульскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Дмитріевичъ Кобеко. По окончиніи курса въ Александровскомъ лицѣѣ Д. Д. Кобеко вступилъ на государственную службу 19 мая 1889 г. по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ въ должность Тульскаго Губернатора былъ назначенъ 7 го іюля 1907 года, въ каковой должности и состоялъ по сіе время.

Крестный ходъ. Въ воскресенье послѣ литургіи въ кафедраль-

номъ соборѣ былъ совершенъ крестный ходъ на Іордань. Предшествовалъ крестному ходу Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодосій, за нимъ шелъ ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Даміанъ, а затѣмъ слѣдовало многочисленное духовенство; хоругвеносцы шли съ хоругвями и народъ несъ иконы. Начиная отъ собора до Іордани были выстроены шпалерами войска мѣстнаго гарнизона при знаменахъ и оркестрахъ. При прохожденіи духовной процессіи войска держали на караулъ, музыка играла «Коль-славень». По мѣрѣ движенія процессіи, знамена при адъютантахъ становились непосредственно за духовенствомъ. При погруженіи въ Іордань св. Креста была произведена пушечная салютаціонная стрѣльба (21 выстрѣлъ). По возвращеніи процессіи обратно въ соборъ знамена становились на свои мѣста. При возвращеніи крестнаго хода въ соборъ ректоръ семинаріи архимандритъ Даміанъ обходилъ фронтъ войскъ гарнизона и окроплялъ его святой водой, а начальникъ корпуса ген.-лейт. Алексѣевъ поздравлялъ съ праздникомъ.

С. В.

Перемѣна Редакціи. На прошеніи Редактора, отъ 22 дек. пр. г., объ освобожденіи отъ должности, резолюція Его Преосвященства, отъ 4-го сего января, послѣдовала такая: «священникъ Николай Соколовъ освобождается отъ должности Редактора Смол. Епарх. Вѣдомостей и редакціонное имущество имѣетъ передать назначаемому мною къ исправленію сей должности преподавателю Епарх. женскаго училища Николаю Рѣдкову». На прошеніи Н. Рѣдкова, отъ 3-го сего января, о предоставленіи ему должности Редактора, резолюція Его Преосвященства отъ 4-го сего января, такая: «Преподаватель Николай Рѣдковъ назначается исправляющимъ должность Редактора Епарх. Вѣдомостей и имѣетъ принять отъ священника Н. Соколова все редакціонное имущество».

Библиографическія замѣтки.

Профессоръ С. С. Глаголевъ. Пособіе къ изученію Основнаго Богословія. Женскіе богословскіе курсы въ Москвѣ Москва. 1912 г. Цѣна книги 1 руб. 50 коп. 1—III+285 страницъ.

Подъ такимъ заглавіемъ только что появилась въ печати книга (въ 285 страницъ) глубокоуважаемаго профессора Московской духовной академіи С. С. Глаголева. Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ небольшого предисловія и 13 опытовъ рѣшенія религіозн. истинъ. Въ предисловіи (1—III) почтенный авторъ говоритъ, что „Основное Богословіе, какъ наука православныхъ, имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе основъ христіанства и своею задачею обоснованіе вѣры, что христіанство въ его православномъ пониманіи есть истина (II)“. Оттѣнивъ эту мысль, профессоръ С. С. Глаголевъ выясняетъ цѣль изданія вышеозначеннаго своего труда. „Я, пишетъ онъ, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ (13) имѣю въ виду дать не курсъ основнаго Богословія, а только пособіе къ изученію Основнаго Богословія, предназначая его прежде всего и главнымъ образомъ для тѣхъ, кто непосредственно слушалъ мои лекціи по этой наукѣ“. Предисловіе заканчивается указаніемъ русской литературы по вопросамъ христіанской апологетики:

- 1) Сочиненія Инокентія, архіепископа Херсонск. т XI.
- 2) Митроп. Макарія. Введеніе въ православное Богословіе.
- 3) Проф. Н. П. Рождественскаго. Христіанск. апологетика въ 2-хъ т.
- 4) Протоіер. Сергіевскаго. Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры.
- 5) Протоіер. Петропавловскаго. Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія.
- 6) Протоіер. Елеонскаго. Краткія записки по Основн. Богословію.
- 7) Протоіер. Свѣтлова. Опытъ апологетич. изслѣженія христіанск. вѣроученія.

8) Сочиненія В. Д. Кудрявцева-Платонова.

9) Сочиненія А. С. Хомякова. Т. II-й.

10) Сочиненія Владиміра С. Соловьева.

11) Архіеп. Никанора. Позитивная философія и сверхчувственное Бытіе

12) М. Д. Муретова. Эрнестъ Ренанъ и его жизнь Иисуса.

13) Проф. Ал. Ив. Введенскаго. Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія.

14) Проф. В. И. Несмѣлова. Наука о человѣкѣ.

15) Протоіер. Буткевича. Религія, ея сущность и происхожденіе и др. апологетическія сочиненія, переведен. на русскій языкъ.

1) Ульрици. Богъ и природа. Душа и тѣло.

2) Геттингеръ. Апологія христіанства.

3) Гизо. Размышленія о сущности христіанской вѣры.

4) Огюсть Никола. Философскія размышленія о божественности религіи христіанской.

5) Лютардтъ. Апологія христіанства.

6) Эбрардъ. Апологетика.

7) Гукъ. Естественная религія.

8) Эрнестъ Навиль. Христось. Вѣчная жизнь и цѣлая серія сочиненій.

9) Шаффъ. Иисусъ Христось—чудо исторіи.

10) А. Кейтъ. Доказательства истинности христіанской вѣры.

11) Роу. Очевидныя истины христіанства.

12) А. Д. Бальфуръ. Основанія вѣры.

13) Лаппаранъ. Наука и апологетика.

Статья первая „о Богословіи“ (1—25 стр.) содержитъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о Богословіи. Исторія Богословія (стр. 9—25), и части ея,—Богословіе въ Россіи (22—23 стр.) и Богословіе въ XIX столѣтіи (23—25), предваряются разсужденіемъ автора на тему о томъ, что такое Богословіе, что служитъ предметомъ православнаго Богословія, какими особенностями Богословіе отличается отъ обычнаго пониманія науки, и каковъ составъ Богос-

ловія. Стаття вторая „Апологетика“ (25—35 стр.) посвящена обзору вопроса объ апологетикѣ. Главныя положенія этой статьи: 1) предметъ и задача апологетики (25—26 стр.), 2) историческій очеркъ апологетики (26—32 стр.), 3) современное положеніе апологетики. Третья статья „Вѣра“ (35—51 стр.) имѣетъ своимъ содержаніемъ раскрытіе тезисовъ: 1) понятіе о вѣрѣ (35—40 стр.), 2) ученіе Св. Писанія о вѣрѣ (40—43 стр.), 3) условія возникновенія и развитія вѣры (43—47 стр.), 4) вѣра и знаніе (47—51 стр.) Въ четвертой статьѣ „Богопознаніе“ (51—63 стр.) авторъ говоритъ о необходимости и возможности Богпознанія (51—53 стр.), 2) объ откровенномъ Богпознаніи (53—58 стр.) и объ естественномъ Богпознаніи (58—63 стр.). Слѣдующія статьи разсматриваемой кнѣги проф. С. С. Глаголева, а именно: пятая „Богъ“ (63—78 стр.), шестая „Прихожденіе міра“ (78—88 стр.), седьмая „Свобода воли“ (89—107 стр.), восьмая „Зло и Провидѣніе“ (107—133 стр.), девятая „Безсмертіе души“ (133—176 стр.), имѣютъ своимъ предметомъ раскрытіе существенныхъ истинъ религіозной вѣры; этихъ истинъ четыре: 1) бытіе Божіе, 2) свобода чело-вѣческой воли, 3) существованіе Божественнаго Провидѣнія, 4) безсмертіе души чело-вѣка. Въ связи съ вопросомъ о безсмертіи души авторъ трактуетъ о безсмертіи прошедшаго (10-я статья, 176—184 стр.) и о вѣчности (11 статья, 184—188 стр.). Изложивъ главныя положенія, принимаемыя религіозною вѣрою, почтенный профессоръ живо и раздѣльно говоритъ о Господѣ Исусѣ Христѣ и о христіанствѣ (12 статья 188—232 стр.) и, наконецъ, о православной Церкви (13 статья, 232—285 стр.). Таково содержаніе книги „Пособіе къ изученію Основнаго Богословія“ проф. С. С. Глаголева

Адресъ автора: Сергіевъ Посадъ, Московск. губ. проф. С. С. Глаголеву. Выписывающіе книгу непосредственно отъ автора за пересылку ея не платятъ.

„Разказы о прошлом“.

С. Елпатьевскій Томъ третій.

(Изд. т-ва „Знаніе“, Спб. 1904 г)

Чудесная книга!.. При крупныхъ художественныхъ достоинствахъ — великолѣпномъ языкѣ, живомъ и увлекательномъ изложеніи, ярко типичныхъ положенійхъ и лицахъ, при богатствѣ предлагаемаго читателю бытового матеріала она должна быть поставлена въ ряду лучшихъ литературныхъ созданій. Вполнѣ заслуженному ея успѣху помѣшали два обстоятельства: неудачное время выхода въ свѣтъ и слабый интересъ, проявляемый читающею публикою къ литературѣ духовнаго быта. Впервые „Разказы о прошлом“ появились въ 1901 году въ журналѣ „Русская Мысль“, и вѣтъ ничего удивительнаго, что они не были замѣчены. Въ литературѣ и обществѣ тогда господствовало увлеченіе декадентствомъ, и появленіе книжки, трактовавшей о такой обыденщинѣ, какъ бытъ духовенства да еще въ дореформенную эпоху, могло считаться анахронизмомъ. Но тѣмъ цѣннѣе и интереснѣе эта книга должна представляться намъ. Герои „Разказовъ о прошлом“ стоятъ предъ читателями такіе, какими они на самомъ дѣлѣ могли быть, со всеми ихъ достоинствами и недостатками. Недостатковъ, правда, больше, но иначе и быть не могло въ то тяжелое время дикаго самодурства и безправія, невѣжества и темноты, безудержнаго разгула и нищеты. Думаемъ, что читателямъ интересно будетъ оглянуться назадъ и полезно въ томъ отношеніи, что такой взглядъ назадъ поможетъ вѣрнѣе оцѣнить пройденный путь.

Передъ читателемъ во всемъ величіи суроваго порядка, заведеннаго дѣдами, во всеоружіи вѣковой мудрости, уложенной въ примѣты, пословицы и поговорки, встаютъ старыя устои, осѣняющіе многочисленную духовную семью. Предковъ ея болѣе двухсотъ лѣтъ можно прослѣдить въ одномъ приходѣ то въ священническомъ чинѣ, то ниже. Суровые, они боролись съ лѣсомъ, бо-

лотами, звѣрьемъ и лихими людьми, ходили въ лаптяхъ и крашениныхъ рясахъ, служили въ полушубкахъ и валенкахъ и еле подписывали свои фамиліи. „По бревнышку строили, по грошику собирали, горбомъ наживали“ они гнѣздо и какъ святыню передавали его изъ поколѣнія въ поколѣніе, а съ нимъ и старинные порядки и постепенно накапливавшуюся мудрость. Въ основѣ этихъ порядковъ—страхъ младшихъ передъ старшими, дѣтей передъ родителями, низшихъ передъ высшими—страхъ, внушавшійся съ дѣтства суровымъ обращеніемъ и побоями. Ласкать дѣтей не умѣли, считали неудобнымъ, неприличнымъ, а другъ друга называли по имени и отчеству. Съ чинными низкими поклонами встрѣчали гостей по разъ навсегда завѣденному церемоніалу и рѣдко смѣялись. Строго соблюдалась семейная іерархія и если, напримѣръ, глава семьи въ твердости характера уступалъ женѣ, онъ оффиціально все-таки сохранялъ первенство. Суровая бабушка, фактически заправляющая у автора жизнью семьи, всегда предоставляетъ первое слово мужу, который, конечно, судилъ такъ, какъ ей хотѣлось. Вѣками накопленная мудрость была уложена въ пословицы, поговорки и примѣты: нужно было только ихъ примѣнять къ разнымъ случаямъ. Завѣты дѣдовъ точно опредѣляли всю жизнь отъ колыбели до могилы. Сынъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ священника, діакона, причетника—и горе тому, кто хотѣлъ уйти: всѣ средства употреблялись, чтобы разстроить его планы, разбить его мечты. Скованные по рукамъ и ногамъ въ выборѣ профессіи, герои автора, если они не уходятъ въ монашество, обречены на одинъ и тотъ же родъ занятій—тяжелый крестьянскій трудъ. Доходы съ небольшого прихода жалкіе; надо искать другихъ источниковъ для прокормленія часто огромной семьи. Этимъ источникомъ была земля. Изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію трудятся они на одномъ клочкѣ земли, собираютъ и устраиваютъ хозяйство только величиною. Считалось достаточнымъ, если все было свое, если ничего, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

мелочей не приходилось покупать. Очень характеренъ эпизодъ, гдѣ дьячекъ, вызванный появившимъ въ милость родственникомъ въ Петербургѣ на великолѣпный приходъ съ большими доходами и казенною квартирою, жилъ спокойно только до весны. Весною, узнавъ, что въ новомъ приходѣ не полагалось земли, и что всю жизнь придется покупать хлѣбъ, онъ такъ возмутился, что едва-едва дождался саннаго пути, чтобы вернуться назадъ въ бѣдный глухой приходъ. Изъ собственнаго льна ткали холстъ, красили его и имъ одѣвались, изъ собственной муки пекли хлѣбъ, изъ шкуръ своихъ барановъ дѣлались полушубки и валенки. Сами приготавливали садныя свѣчи, и ихъ подавали при гостяхъ, въ обыкновенное же время жгли лучину; сами варили пиво и брагу. Жизнь была скудная, чай пили по праздникамъ да при гостяхъ, мясо ѣли очень рѣдко. Для того, чтобы вести такую скудную жизнь, затрачивался тяжелый и упорный трудъ, изъ-за котораго не было просвѣта. Не было времени думать о душѣ: заботы о хлѣбѣ насущномъ отнимали все время, всѣ силы. Мольбы возсылались только за благополучіе, за спасеніе гнѣзда отъ случайныхъ несчастій. А бѣдъ надо было ждать отовсюду. Каждая грозовая туча внушала ужасъ, каждая вспышка молніи повергала въ трепеть. Если не было дождя—боялись засухи, если благополучно убирали съ поля—боялись, какъ бы не объявился моръ на скотъ. Боялись священника, чтобы не повредилъ по службѣ, — благочиннаго, чтобы не аттестовалъ дурно архіерею; сосѣдней вздорной генеральши-барыни, чтобы по ея жалобѣ не лишиться прихода; смотрителя училища или ректора семинаріи, чтобы не повредили сыну или брату. Но особенный ужасъ внушался консисторіей, и нѣтъ ничего удивительнаго въ той ненависти, которая вспыхиваетъ въ авторѣ при описаніи поѣздокъ по епархіи дрянного чиновника, попавшаго въ силу съ выдачей дочери за секретаря консисторіи.

Въ непосредственной связи съ заботами о хлѣбѣ насущномъ, поглащавшими всѣ силы и весь досугъ, нахо-

дится умственное убожество героев автора. Книгъ почти не читали, т. к. для нихъ не хватало ни времени, ни средствъ. Въ описываемомъ у автора кругѣ духовныхъ по цѣлымъ годамъ ходить одна—единственная книга—двухтомное „Жизнеописаніе Суворова“. Вечеромъ сидя у огня, лучины, поютъ заунывные стихи про Іоасафа-царевича и „матушку мати Морею“ или же слушаютъ мрачные рассказы, о которыхъ трудно сказать, чего въ нихъ больше: правды или суевѣрія. Въ праздники, когда съѣзжались гости, развлеченія нѣсколько разнообразились. Тутъ подробнѣйшимъ образомъ обсуждалось сравнительное достоинство знаменитыхъ генераловъ отъ Суворова до Ермолова, съ неизмѣннымъ интересомъ выслушивались длинныя исторіи о легендарныхъ подвигахъ какого-нибудь „генераль-аншефа“ Солтухина, заключеннаго турецкимъ султаномъ въ „седемьбашенный замокъ за отказъ принять подданство султана и „турецкую вѣру“.

Требованія, предъявлявшіяся слушателями, были весьма непритязательны, и подобные рассказы всегда удовлетворяли.

Завѣты дѣдовъ диктовали отцу и матери и правила воспитанія дѣтей. Ласкать дѣтей, какъ было уже упомянуто выше, считалось неприличнымъ. Рассказчикъ вспоминаетъ единственный въ своей жизни случай, когда его приласкалъ отецъ. Это было предъ праздникомъ, когда варилось мѣрское пиво. Дьяконъ, унаслѣдовавшій отъ дѣдовъ привиллегію варить пиво, пришелъ однажды послѣ осуществленія этой привиллегіи домой на веселѣ и принялся цѣловать дѣтей и любоваться ими. Съ точки зрѣнія дѣдовскихъ преданій грѣхомъ считалось кормить грудныхъ дѣтей въ среду и пятницу. Была примѣта, что березовые угли благопріятствуютъ росту, поэтому въ долгіе зимніе вечера завятіемъ неумѣвшаго еще ходить ребенка было вылавливаніе и поглошеніе падающихъ сосвѣтца въ тазъ съ водою углей. Дѣвочку усаживали за гребень и веретено, заставивъ ее съѣсть кусокъ чернаго хлѣба, обсыпанный пепломъ пряжи. За семейной трапе-

вой дѣти должны были сидѣть чинно и тихо и при опусканіи ложки въ общую чашку строго соблюдать завѣщанную предками очередь: сначала дѣдушка, потомъ бабушка, послѣ нихъ отецъ и мать и, наконецъ они. Нарушителей этого порядка тутъ же постигала кара въ видѣ отцовской или материнской ложки, больно ударявшей виновника по лбу. Этимъ, повидимому и ограничивались всѣ заботы о первоначальномъ воспитаніи дѣтей. Считалось вполне достаточнымъ для восьмилѣтняго мальчика или дѣвочки, если они были сыты. Поглощенные хозяйственными заботами старшіе ихъ не замѣчали и представляли имъ идти куда-угодно. И удивительную, по словамъ автора, жизнь вели эти дѣти. Съ ломтемъ круто посоленного черного хлѣба они исчезали, какъ только восходило солнце и возвращались съ его заходомъ. На поляхъ, на лугу, въ лѣсу, на берегу рѣчки они находили различныя, часто весьма подозрительныя, въ смыслѣ безвредности, растенія и ими питались. Сначала дѣти жестоко платились, потомъ желудки привыкали и они, по выраженію рассказчика, „отгуливались, какъ отгуливается молодой скотъ на весеннихъ лугахъ“.

„Дождикъ вымочить, солнце высушить, изъ луга въ лѣсъ, изъ лѣса купаться въ бочаги; прикурнули гдѣнибудь на песочкѣ, а тамъ опять гурьбой, куда вѣтромъ потянетъ, какъ воробьи, что стаями носятся по задворкамъ“.

Такъ воспитывались дѣти. Ничего удивительнаго нѣтъ, что рѣдкія изъ нихъ выживали и что изъ этихъ выживавшихъ значительный процентъ составляли калѣки. Когда они становились подростками, ихъ заставляли работать. Они бороили, ворошили сѣно, ѣздили въ ночное, нянчили маленькихъ братьевъ и сестеръ, а дѣвочекъ усаживали за веретена. Мальчиковъ потомъ отвозили въ училище, обучать же дѣвочекъ не считали нужнымъ, и поповны часто оставались совсѣмъ неграмотны. Но такъ какъ ихъ надо было когданибудь выдать замужъ и такъ какъ семинаристы, знакомившіеся съ городской жизнью, предъявляли къ невѣстамъ нѣкоторыя требованія, то

поповенъ отвозили не надолго въ сосѣдній монастырь, гдѣ онѣ учились вышивать, пѣть духовные стихи, „пріятному обхожденію“ и „приличествующимъ дѣвицамъ духовнаго званія манерамъ“. Дома, лѣтомъ съ граблями и серпами, зимой за веретенемъ и ткацкимъ станкомъ, онѣ не отличались отъ наемныхъ работницъ. Въ праздники, стянутыя въ ситцевыя платья, въ криволинахъ, башмакахъ на непривычныхъ ногахъ, нитяныхъ перчаткахъ на неловкихъ мозолистыхъ рукахъ онѣ сидѣли въ сторонкѣ гурьбой, стораая отъ ощущенія собственной неуклюжести.

Такова въ общихъ чертахъ жизнь героевъ настоящихъ очерковъ. Лучшими добродѣтелями ея считались тѣ, преимущественная цѣнность которыхъ характеризуетъ грубый патріархальный укладъ жизни. Добродѣтели эти—гостепріимство, основанное на страхѣ, почитаніе старшихъ и раздача милостыни не изъ естественнаго чувства жалости къ нищимъ, а изъ сложныхъ побужденій, среди которыхъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и необеспеченность отъ несчастій играли, повидимому, первенствующую роль.

На этомъ общемъ фонѣ у автора выступаютъ отдѣльные, очень интересные въ бытовомъ отношеніи типы.

М. В—скій.

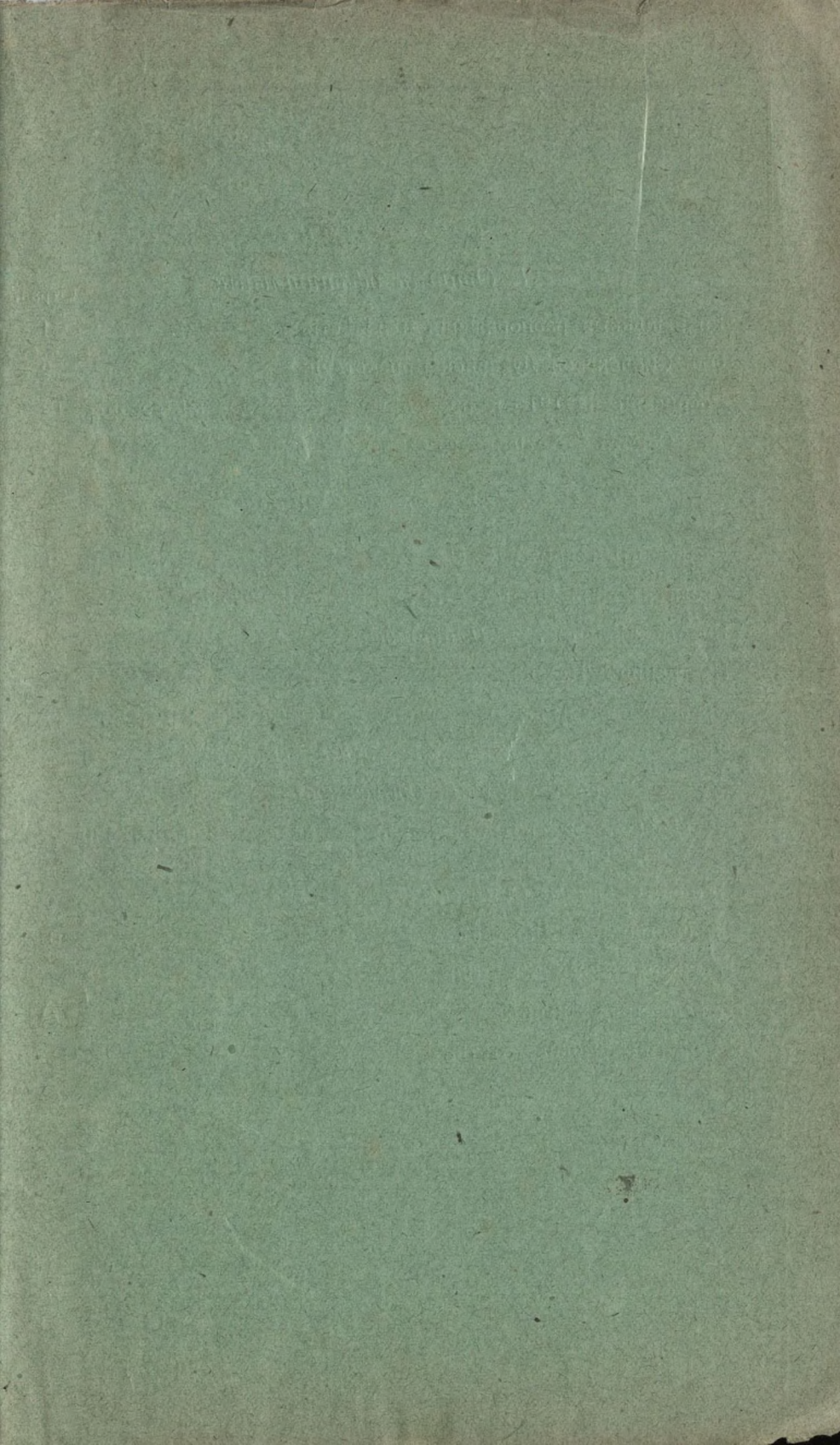
Редакторъ, священникъ *Николай Соколовъ.*

Печатать разр. цензоръ, Ректоръ семинаріи, *Архим. Даміанъ.*

Смоленскъ, Типографія П. А. Силина.

Содержаніе.

I. Отдѣлъ оффиціальныи.

Стран.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія	1
Отъ Смоленской Духовной Консистеріи	9
Росписаніе на 1913 г. проповѣдей въ Каѳедральн. соборѣ.	10
Отъ Совѣта Епархіальнаго Съѣзда	14

II. Отдѣлъ неоффиціальныи.

Съ новымъ годомъ. <i>Н. С.</i>	1
Уходитъ время золотое. Стих. <i>А. К. Генерозова</i>	3
На стражѣ. Стих. <i>А. Платонова</i>	4
На границѣ. В. Бл.	—
Новогоднія думы пастыря. Свящ. <i>І. Корольковъ</i>	5
Бѣды отъ лжебратій. <i>Архіепископъ Антоній</i>	9
Живые колокола. Свящ. <i>В. Строгановъ</i>	23
Нѣсколько словъ по поводу проекта объ устройствѣ зданія для Рославльскаго училища. Прот. <i>А. Щукинъ</i>	25
Хутора. Свящ. <i>Н. Синявскій</i>	31
Жили-были. <i>Л. Андреевъ</i>	40
Иноепархіальныя извѣстія.	58
Изъ мѣстной жизни.	77
Библиографическія замѣтки	84

